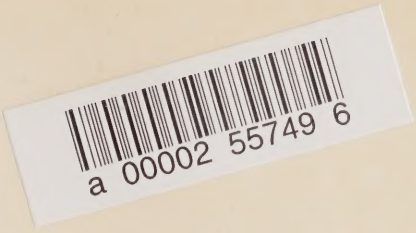
HC337
.V6
L492
1928

KHOZIAISTVO NIZHENGO POVOLZH'IA
V NACHALE 19 VEKA

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HC337
.V6
L492
1928



This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
AUG 31 1990			
SEP 18 '89			
AUG 31 1991			
DEC06 '89			

Form No. 513, Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/khoziastvonizhne00liub

Нижне-Волжское Областное Научное Общество
Краеведения

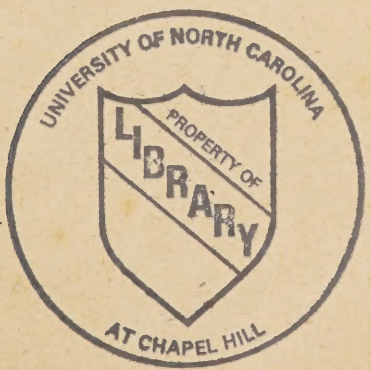
Вып. 35 ч. 3-я

HC337
.V6
L492
1928

Хозяйство
Нижнего Поволжья

В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Проф. П. Г. Любомиров



Саратов
1928

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Хозяйство Нижнего Поволжья

в начале XIX века.

Khoziaistvo Nizhnego Povolzh'ia

v nachale XIX veka.

Предисловие.

Настоящая работа выросла из доклада, прочитанного на заседании 4—6 мая 1927 г. во время годичной конференции Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения.

В научных работах по истории хозяйственного развития нашей страны очень мало внимания уделялось Нижне-Волжскому краю в интересовавшие нас годы. Потому, естественно, при создании хозяйственной характеристики Нижнего Поволжья в начале XIX века пришлось идти от данных первоисточников. Из старой описательной литературы особенно пригодились составленные главным образом по официальным данным в 1804—05 годах описание Астраханской губ. директора народных училищ в этой губернии, Равинского, напечатанное в 1809 году, и оставшееся в рукописи (в копии, в библиотеке Академии Наук) описание Саратовской губ., составленное неизвестным автором. Для проверки, сопоставления и пополнения их данных были использованы разного рода другие печатные и рукописные, литературного и документального характера, материалы, важнейшие из которых цитированы в примечаниях. Архивные данные черпались из хранилищи Ленинграда и Москвы, в которых приходилось работать во время не очень продолжительных командировок, а на месте из архивных фондов Саратова и Астрахани, поскольку они были доступны для исследовательской работы. К сожалению, громадная масса материала в туберн. арх. бюро Астрахани и частью—Саратова не приведены еще были в порядок и оставались недоступными.

При таких условиях данная в работе хозяйственная характеристика Нижнего Поволжья в начале XIX века не может считаться исчерпывающе полной и обоснованной во всех своих деталях. Но думается, что основные линии далекой от нас эпохи намечены правильно.

Нужно еще предупредить читателя, что данная работа представляет часть более обширного целого—истории хозяйственного развития Нижне-Волжского края с середины XVIII-го до середины XIX-го века—из которой часть в сжатом виде была напечатана (в журнале «Нижнее Поволжье» № 1 за 1924 г.), часть подготовляется к печати, как главы, характеризующие Нижнее Поволжье в разные моменты более позднего времени.

Заключая предисловие, считаю долгом принести благодарность Нижне-Волжскому Областному Научному Обществу Краеведения, принявшему мою работу в серию своих изданий.

Автор.

Июль 1928.

I. Территория и население.

Время, к которому будет относиться даваемая ниже хозяйственная характеристика Нижнего Поволжья, это первые годы XIX века, главным образом 1803—1805-й. К этим годам с отделением Новохоперского уезда от Саратовской губернии к Воронежской (по указу 6/III 1802 г.), с обращением в самостоятельные губернии двух частей единой до того Астраханской губернии—собственно Астраханской и выделенной Кавказской (указ 15 XI 1802 г.), с окончательным определением границ земли Донского войска (в 1802 г.) и разделением ее на „сыскные начальства"—округа [1])—со всеми этими административными преобразованиями отчетливее может быть выделена территория Нижнего Поволжья в тогдашних административных единицах и, следовательно, легче и определеннее могут быть относимы к отдельным частям ее имеющиеся данные. С другой стороны, в начале XIX века уже достаточно определенно выявляются основные черты хозяйственной физиономии отдельных районов Нижнего Поволжья и довольно ясно выступают внутренние экономические связи их. А это позволяет говорить об известной хозяйственной целостности Нижнего Поволжья и вместе давать расчлененную характеристику его хозяйственной жизни.

Территория, о которой будет далее речь, берется мною несколько шире создаваемой теперь Нижне-Волжской области. Северная граница намечаемого района в нагорной части его будет совпадать с гранями тогдашней и теперешней Саратовской губернии. За Волгой пределы Нижнего Поволжья будут простираться—в моем понимании—севернее современного нам деления, совпадая с границей тогдашней Саратовской губернии и—восточнее—Уральской области. От Волги Чагрой, затем верхней Мочей граница эта выходит в бассейн Урала и встречается с самой этой рекой несколько восточнее Илецкого городка. Восточной границей—естественной и политической,—так как земли далее, в Азии, только чисто номинально считались в составе России, будет Урал на протяжении от Илецкого городка до самого моря. На юге Нижнее Поволжье примыкает к Каспийскому морю и—западнее—частью по Куме, частью по условным граням до Маныцких озер, определявшим пределы тогдашней Астраханской губернии, отделяется от только-что тогда созданной Кавказской. Западная, очень ломаная линия, прежде всего должна пересечь тогдашнюю землю Донских казаков: от восточной оконечности Маныцких озер, в пустынных тогда Маныцких и Сальских степях эту грань можно вести по прямой к Дону западнее устья Цымли (между Цымлянской и Кумшацкой станицами), за Доном западнее Цымли и Чира с выходом снова к Дону у границ Донской области и Воронежской губернии. Далее пределы Нижнего Поволжья будут обозначены границами тогдашних земель Донских казаков и Саратовской губернии.

Таким образом, по административному делению 1803—1805 годов, Нижнее Поволжье включает целиком губернии Саратовскую и Астра-

[1]) Обо всех „изменениях в административном разделении России" обстоятельно трактовано в приложении III книги проф. В. Э. Дена—„Население России по пятой ревизии". М. 1902, т. 1.

ханскую, землю Уральского казачества (которая до 1804 года числилась в Астраханской губернии) и кроме того три „сыскные начальства" (округа) земли Донских казаков: второе Донское, Усть-Медведицкое и Хоперское, т. е. все станицы северной части этой земли, начиная с Цымлянской. По современной карте Нижнее Поволжье в таком понимании обнимает: Саратовскую, Сталинградскую и Астраханскую губернии, Автономную Республику Немцев Поволжья и Автономную Калмыцкую область полностью и, сверх того, европейскую часть Автономной Казакской Республики и небольшие полосы Самарской губернии и Северо-Кавказского Края [1]).

Только-что очерченный район составляет крайний юго-восточный угол европейской части нашего Союза. На географической карте его Нижнее Поволжье в этом понимании размещается неправильной фигурой своей приблизительно на протяжении 8-ми градусов с севера на юг, между 53-м и 45-м градусами северной широты, и в пределах 11-ти с небольшим градусов по параллели, от 11 до 22-го с минутами восточной долготы от Пулкова.

Площадь занимающего нас обширного края в круглых цифрах составляет около 460.000 кв. верст. Население, о котором для изучаемого времени имеются достаточно хорошие данные за исключением Донских округов, где приходится довольствоваться приблизительной цифрой, может быть определено в 1.100.000 душ обоего пола [2]). Таким образом, средняя плотность населения выражается очень небольшой величиной—$2^1/_3$ чел. на 1 кв. версту.

Чтобы оценить это показание в реальной обстановке начала XIX века и вместе учесть положение нашего края в общем целом государства того времени, нужно иметь в виду, что в Европейской России тогда меньшую плотность населения имели только три обширные северные губернии—Архангельская, где на 1 человека приходилось более 4 кв. верст площади (взятой с островами), Олонецкая и Вологодская, имевшие более $1^1/_2$ и менее 2 чел. на кв. версту—и недавно начавшие заселяться прикавказские места: Кавказская губерния и земля Черноморских казаков, где на кв. версту можно считать $1^1/_2$ чел. Близкую к Нижне-Волжской, но все же бо́льшую заселенность имела обширная Оренбургская губерния—около 3 чел. на кв. версту и другая восточная губерния—Пермская (3 чел. с небольшою дробью); значительно превосходила заселенностью крайняя юго-западная—Херсонская (около 5,5 чел. на квадр. версту). Все остальные губернии Европейской России начала XIX века имели более концентрированное население; максимума густота его до-

---

[1]) Что касается этих последних „прирезков" к основной территории Нижне-Волжской области, то можно заметить, что в Заволжьи и теперь решено ввести в состав Нижне-Волжской области Пугачевский уезд Самарской губернии.

Установление восточной границы Нижнего Поволжья по Уралу аргументировалось уже в ряде работ разных специалистов с точек зрения естественно-исторического районирования и экономического и культурного тяготения Поуралья к Волге, с которой оно и связано на севере и юге железно-дорожным (Уральск—Покровск) и пароходным (Гурьев—Астрахань) сообщением. Если же угодно сохранить в неприкосновенности границу Сталинградской губернии с Северо-Кавказским краем, то в дальнейшем изложении надо оставить в стороне данные только о 4-х станицах на юге: (Цымлянской, Терновской, Филиповской и Гугнинской) и 5-ти на западе (Усть-Хоперской, Еланской, Вешенской, Мигулинской и Казанской), что мало отразится на общих характеристиках.

[2]) Площадь взята по вычислениям начала XX века. О населении подробнее речь будет ниже.

стигала в таких губерниях центрально-промышленного района, как Тульская—с 34-мя и Московская—с 35-ю душами обоего пола на кв. версту [1]).

Итак, в начале XIX века наш край принадлежал к числу наименее заселенных районов европейской части государства.

Но средний показатель плотности совершенно недостаточен для ознакомления с внутренней структурой Нижнего Поволжья. Население разместилось в нем крайне неравномерно, и нужно познакомиться с заселенностью отдельных районов.

В Саратовской губернии, исключая Новохоперский уезд, пятая ревизия 1795—96 г.г. зарегистрировала 373.000 душ мужска полу „положенных в оклад" и „неположенных". Прибавляя к ним неучитывавшиеся ревизией группы дворян, чиновников и нижних служащих учреждений и их военных команд, а также учитывая и новых переселенцев, мы едвали сильно погрешим, если для 1803 г. будем считать в губернии около 830.000 душ обоего пола [2]).

Население Астраханской губернии, за исключением земли Уральских казаков, для того же 1803 г. может быть принято в круглых цифрах в 165.000 чел. В Уральской области специальная перепись как—раз 1803 г. насчитала 30.000 обоего пола [3]).

Определить численность населения трех „сыскных начальств" Донской области можно с меньшею точностью. Все ревизское население Донской области в целом определено пятой ревизией в 110.000 душ м. п.; неревизских групп на Дону в силу особого, выборного, управления и специфического уклада быта, можно сказать, почти не было совсем. Из

[1]) Площадь—по возможности везде взята по новейшим вычислениям, население по публикации проф. В. Э. Дена—„Население России по пятой ревизии", т. 1, приложение 1; для Моск. губ. по обстоятельному рукописному „Описанию" 1803 г.—во 2 отделении Публ. Библ. в Ленинграде (б. библиот. Вольн. Экон. Об-ва) $42^{10}/_{52}$. Надо иметь в виду, что в таблицах Дена отсутствуют данные о дворянах, чиновниках, нижних служителях и воинских командах; составляют эти группы даже по Моск губ. около 4% ревизского „положенного в оклад" и „неположенного" населения; в других губерниях процент их, надо полагать, меньше. Для Кавказ. губ. сопоставлены были оказавшиеся довольно близкими друг другу данные (в табличных прилож.) „Хозяйственного описания Астрах. и Кавказ. губ...." Равинского, изд. в 1809 г., но с материалом 1803 г., и „Землеописания Российской Империи" Евд. Зябловского, часть V, 1810 г. (материалы до 1805 г. включ.), стр. 426 и 438. О Черномор. обл. взяты указания Попко, „Черномор. казаки" 1858, стр. 3 и 44—45 прим. Показания Зябловского (VI, 417 и 420) вызывают большие сомнения, особенно по части площади.—Регулярные войска везде оставлены в стороне

[2]) Выверенная таблица данных 5 рев. в „деле по Сарат. губ." этой ревизии во II отделении экономич. секции Ленингр. Центрархива. Ее губерн. итог в цитиров. прилож. I работы проф. Дена под 1797 г. Цифры следующих годов включают и части ликвидированной временно Пенз. губ. и все годы до 1805 г., очевидно, имеют в виду и Новохоперский уезд. Данные 1805 и 1806 г.г. кажутся неверными уже потому, что всю группу „неположенных" определяют в 17 тыс. с небольшим душ м. п., тогда как даже по ревизии 10 лет назад одних колонистов считалось почти $18^1/_2$ тыс. муж. п. Крупный статистик начала XIX века акад. Герман из многих бывших в его распоряжении данных считал „совершеннейшими и точнейшими" показания донесения губернатора 10/II 1804 г., определявшего все население губернии в 831.000 чел. об. пола; впрочем показания по отдельным уездам возбуждают большие сомнения, например, по Камышинскому и Царицынскому даны цифры меньше ревизских, а по Аткарскому, наоборот, чрезмерно по сравнению с другими уездами преувеличенные—см. „Статистич. Журнал", т. I, часть 1, 1806 г., стр. 97—127.

[3]) О населении Астрах. губ. см. мою статью „Заселение Астрах. края в XVIII веке", „Наш Край", 1926, № 4. Нужно иметь в виду, что итоговая цифра статьи—171—172 тыс. включает и несколько селений, принадлежавших административно в 1803 г. к Царицын. у. Сарат. губ. Данные по Уральской области в работе В. Э. Дена „Население России по пятой ревизии", т. 2, 1902, стр. 262—263.

записанных в ревизию только 49 000 „неположенных в оклад“ принадлежали к искониому казацкому населению вольного когда-то Дона. Бо́льшая масса населения—свыше 60.000 ревизских душ, „положенных в оклад“, составилась из „новоприходцев“, „поселян“ великороссийских и украинских. Их главным образом „называли“ и „вывозили“ в привольные степи Дона старшины и чиновники войска, особенно с 1770-х г.г. и до 1795 г., когда им было запрещено „населять поместья“, и к началу XIX века уже считали их своими крепостными. Из 119 казачьих станиц 71 входили в состав тех трех „сыскных начальств“, которые введены нами в Нижнее Поволжье и, следовательно, без значительной погрешности мы можем считать в этих округах около 30 тыс. казаков в числе жителей нашей области. Наоборот, о слободах и хуторах поселян мы имеем ряд указаний, что они сосредоточивались на юге области, ближе к Черкасску, главному местопребыванию их господ. Поэтому более 5.000 м. п. едва ли можно связывать с интересующим нас районом [1]). Таким образом, общую цифру населения трех Донских округов в начале XIX века можно с некоторой вероятностью полагать в 75.000 душ обоего пола.

Однако эти данные о числе жителей отдельных административных единиц Нижнего Поволжья еще не создают отчетливой картины распределения населения в области.

Если разделить Нижнее Поволжье по 50-й параллели, несколько южнее Камышина, то получим два отличных друг от друга по почвенным условиям, заселенности и составу населения района. Северная, несколько меньшая часть, с тучным почти всюду черноземом, тогда во многих местах только еще начинавшим входить в обработку, царство оседлого, главным образом, русского населения. Здесь разместилось около 850.000 жителей. К югу от 50-й параллели, за исключением придонских мест, мы вступаем в область полупустыни, а потом и настоящих песчаных степей, где на обширных пространствах всего около 250.000 душ населения, причем большую долю его составляют кочевники.

Но и намеченная сейчас северная половина области заселена неодинаково. Волга делит ее на различные по характеру районы—западный и восточный. И в западном части Саратовской губернии и Донские места являют далеко неодинаковую картину.

Собственно говоря районом, который был по настоящему освоен прочным поселенцем, можно считать только территорию нагорной части Саратовской губернии без Царицынского уезда, который и по природным условиям, и по степени заселенности, и по складу хозяйства, правильнее всего, относить к другому экономическому району. Только в 9-ти уездах нагорной стороны Саратовской губернии более или менее равно-

[1]) Цифру ревиз. душ см. в цитиров. работе Дена. Относительно „поселян“ близки к итогам ревизии и показания атамана Платова 1805 г.—почти 65.000 Архив Госуд. Совета, т. III, ч. 1, стр. 245—246. В числе „неположенных“ по Донской области, как и в других местах, должны были числиться и церковнослужители, по их при 120 приблизительно храмах Донской области было, конечно, очень немного. Другие группы „неположенных“—ямщики, отставные солдаты и т. под. совсем не характерны для казачьего края. Перечень станиц с распределением по „сыскным начальствам“ у Зябловского, часть VI, стр. 437—448. О размещении поселян частью здесь же (Миусское „начальство“ только из них); еще см. мнение Куракина в цитир. томе Архива Госуд. Совета, стр. 223—226 и еще определеннее в „Словаре географич.“ Щекатова, т. 2, 1804. Для сопоставления могу привести, к сожалению, только очень поздние данные о распределении крестьянского и казачьего населения в занимающих нас трех округах: на 1-е января 1868 г. в них считалось 21.500 муж. п. крестьян и 214.600 казаков (тоже муж. п.), т. е. крестьяне составляли всего 1/11 казачьего населения. Цифры взяты из „Памятной книжки войска Донского на 1869 г.“, изд. местным статистическим комитетом.

мерно, не только по большим и малым речкам, но и у родников, иногда прудов и колодцев, разместилось значительное население. Здесь на пространстве около 67.500 кв. верст, т. е. немного более 1/7 всей площади Нижнего Поволжья, было сосредоточено приблизительно 740.000 душ, т. е. почти 3/4 всего населения области, со средней плотностью 11 человек на кв. версту. Все это население проживало в 1170 городах (9), селах, деревнях и обселенных хуторах [1]).

Остальные почти 6/7 территории Нижнего Поволжья имели всего около 360.000 жителей, из которых 100.000 составляли кочевники. 260.000 оседлого населения разместились здесь на огромных пространствах всего не более, чем в 400 постоянных населенных пунктах [2]). Но расположены эти последние крайне неравномерно. Казачьи станицы Донских округов все связаны с более крупными реками—Хопром (20) и его левым притоком Бузулуком (10), Медведицей (11) и Доном (30). Как размещались здесь слободы и хутора поселян, мы не имеем, к сожалению, указаний. В узкой западной полосе Царицынского уезда (максимальная ширина около 40 верст) население расположилось главным образом по Волге и Пловле, притоке Дона. В Саратовском Заволжье Волга и ее притоки—Чагра, Б. Иргиз, Б. Караман с их системами, Тарлык, частью Еруслан и Ахтуба в верхнем конце своем удержали у себя главную часть населенных пунктов, причем в сущности только по Б. Иргизу, на пути к Уральску, эти селения отошли довольно далеко от Волги; остальные пункты расположились на полосе в 50—60 верст от этой реки. Оторванными от главной артерии и заброшенными в далекую степь были немногие населенные пункты по Узеням—крепость Узень, уже разоруженная к началу XIX века и даже лишенная церкви, с. Чертанла (будущий Новоузенск), Александров Гай и некоторые друг. [3]). Всего в Царицынском уезде и Заволжье насчитывалось около 200 населенных пунктов.

По другую сторону „Уральской", как ее тогда звали, степи все 30 городков и форпостов Уральских казаков (кроме Илецкого) были расположены маленькими и редкими пунктами по западному берегу Урала от Илецкого городка (точнее от Заживного форпоста) и до самого моря. 65 постоянных поселений (включая и города) Астраханского края все прижались к Волжской долине. Только около Астрахани, к югу от нее, имеется некоторый сгусток постоянных населенных пунктов. Другие вытянулись цепью по западному берегу Волги. Ахтуба вообще заселена крайне слабо, а на громадном пространстве, свыше 250 верст, от пристани Владимирской до Красного Яра, было всего два селения—Селитренное и только что строившееся Харабалинское [4]). Кроме того, некоторый вид заселенности Волге (и берегу моря в некоторой части) придавали прихотливо разбросанные ватаги: на Волге между селениями были

---

[1]) Количество населенных пунктов, с распределением по нагорной и луговой стороне в Поволжских уездах, дано в рукоп. „Топографич. и историч. описании Саратов. губ.", 1804 г., хранящемся в Рукописном отд. библиотеки Всесоюзной Академии Наук (34. 3. 30). По Вольскому уезду, где такого распределения не дано, использовано „Экономич. примеч. к генеральному межеванию" приблизительно 1807—1808 г.г. (из Сарат. губ. архива)

[2]) Данные по Донской обл. в цит. работе Зябловского, т. VI, стр. 440—448 и Словаре Щекатова, т. 2, стр. 494—497; по Астрах. губ. в таблицах и тексте упомян. книги Равинского, по Уральской области здесь же, стр. 377—379. Нужно иметь в виду, что в Донских и Уральских степях, а часто и в Астраханской губернии хутор был местом только хозяйственной эксплоатации, а не постоянного проживания.

[3]) Перечень этих селений и расположение на карте в работе Бирюкова „История Астрах. казачьего войска", ч. 3, 1911, стр. 575.

[4]) Бирюков в только—что цит. работе (стр. та же) упоминает еще с. Сасыкольское, но Равинский и независимый от него Щекатов не говорят о нем.

кос-где одинокие станции Астраханско-Царицынского тракта. Ахтуба и не имела почтовых станций и не видела ватаг.

Громадные степи к западу от Волги на самом юге Нижнего Поволжья пересекались почти вдоль моря редкими станциями Кизлярского (или Линейного) почтового тракта. Постоянными обитателями этих степей, с переходами и на восточный берег Волги и с захватом Сальских степей, были остатки могущественной некогда Калмыцкой орды в составе не более 17.500 кибиток, т. е. около 60.000 душ обоего пола.

В восточной заволжской степи редкой цепью однодворок-уметов намечены солевозные пути от Элтона к Камышину и Саратову и торговый тракт от Уральска к Волге, частью связанный с поселениями на Большом Иргизе. Значительнейшая часть этой степи—для предупреждения всяких неприятностей от появлявшихся здесь с 1780-х годов киргизов—замыкалась линией пикетов и кордонов. Восточной стороной этой сторожевой цепи были форпосты и городки Уральских казаков. Южная—всегда шла по берегу Каспия, оберегая рыбные ловли и рыбаков. Третья часть охраняющих пунктов поднималась по Ахтубе обычно до Владимирской пристани, иногда уходила в степь от Селитреного. В пределах самой степи охранительная линия брала обычно под защиту и соленосный Элтон и постоянные поселения на Узенях. Только северный сравнительно—узкий стык Уральской степи с Самарской, за Деркулом, притоком Урала, и Камеликом, впадающим в Б. Иргиз, оставался неогражденным живою стеной военной охраны. Но он был очень далек от киргизов, а ближе к ним степь иногда переносывалась системой пикетов и посередине [1]). Конечно, эти временные стоянки военных людей нельзя еще признать населенными пунктами, хотя они уже и являли известную стадию освоения пространств русским народом. Существеннее то, что в некоторых урочищах с постоянными пикетами постепенно слагались будущие селения.

Внутри этого охваченного охраной степного простора с начала XIX века уже легально, по договору с властью, водворялась кочевая орда киргизов Букея, насчитывавшая в 1803 г. до 7500 кибиток, т. е. около 36.000 человек обоего пола. Небольшой юго-западный угол степи был отведен для полукочевых кундровских татар, коих местная власть считала в 1803 г. около 3500 душ обоего пола [2]).

Такое размещение населения на громадной части Нижнего Поволжья делает бесполезными для наших целей вычисления плотности отдельных районов этих слабо заселенных $^6/_7$ его площади. Но сделанные наблюдения позволяют расчленить в них две опять таки не вполне сходных между собою части. В Донских округах, Царицынском уезде и в заволжских частях Хвалынского, Вольского, Саратовского и Камышинского уездов на площади примерно в 160.000 кв. верст проживало около 165.000 жителей. Довольно значительное по сравнению с третьей частью Нижнего Поволжья—количество населенных пунктов, во всяком случае свыше 270, расположилось не только на главных, но и на второстепенных реках. Наоборот, на громадной площади Астраханского и Уральского краев—около 240.000 кв. верст—все немногие постоянные

[1]) Об этой системе охраны очень обстоятельно и с хорошей картой трактовано в главе „Кордон против киргиз-кайсаков“ в 3 томе назв. работы Бирюкова, стр. 543—576.

[2]) Подробнее о кочевом населении Астраханского края в моей выше названной статье. О Букеевской орде см. еще в труде А. Ф. Рязанова—„Сорок лет борьбы за национ. независимость казакского народа“ в „Трудах Об-ва изучения Казакстана“, т. VII, вып. 2, 1926, стр. 180—186.

поселения (их всего 95) связаны только с Волгой, ее неотъемлемым параллельным дополнением—Ахтубой и Уралом. Вместе с этим только здесь Нижнее Поволжье имело кочевников, равнявшихся или даже несколько превосходивших по численности оседлое население: около 100.000 калмыков, киргизов и кундровских татар на 95.000 приблизительно оседлых жителей.

С наметившимися, таким образом, по степени и характеру заселенности тремя частями Нижнего Поволжья совпадают, как увидим ниже, и три хозяйственных района его.

II. Борьба за землю.

На громадной части Нижнего Поволжья, как мы выяснили, население располагалось в начале XIX века очень широко и свободно. Мест. готовых принять нового поселенца, было еще много, и не только в привольи богатых Донских степей и на просторах черноземного Заволжья. Даже на гуще заселенной территории 9 уездов нагорной половины Саратовской губернии немало было земель, не освоенных еще трудом хлебороба, хотя и вполне пригодных для полеводства. Возьмем, например, один из старейших по заселению и с плотностью выше средней для этого района Поволжья—около 14 человек на квадратную версту—Сердобский уезд. В нем на 269.000 десятин пашни по описанию губернии 1804 г., или на 282.000 десятин по несколько более позднему генеральному межеванию приходилось 278.000 (по межев. 277.000) десятин „степи и сенных покосов“ и 34.000 (почти 35.000 по межев.) десятин, считавшихся в начале XIX века „неудобными“. Иными словами пашня и степь, если даже оставить в стороне „неудобные земли, занимали почти совершенно равные площади. В Аткарском же уезде с плотностью не более 7,5 человек на квадратную версту по данным описания на 249.000 десятин пашни приходилось 644.000 десятин степи и сенокосов и 169.000 десятин „неудобной“ земли, т. е. пахотные угодья занимали в $3^1/_4$ раза меньшую площадь, чем две названные статьи, или в $2^1/_2$ раза менее степи и сенокосов. Даже в районе самого Саратова громадные земельные дачи города (свыше 100.000 дес.), закрепленные за ним Петром I, продолжали давать приют новым и новым группам вольных захватчиков, и, например, в 1804 г. было легализовано совершившееся с 1797 г. водворение почти 2.500 душ м. п. помещичьих крестьян. [1])

Можно было-бы думать, что край с „пространными ковыльными степями, впусте лежащими“, как характеризовали и район 9 уездов в нагорной стороне нашей губернии в начале XIX века, совсем не знает земельного вопроса. И однако земельное утеснение и борьба за землю уже начинали чувствоваться в Нижнем Поволжьи и в это время. Вызывались они, конечно, не абсолютным недостатком земель, годных под поселение и обработку, а прихотливым распределением земли между разными классами общества. Земли, не освоенные трудом хлебопашца, не всегда были свободными в юридическом смысле, и даже в отдельных районах незанятых казенных земель, которые можно было-бы использовать для земледельческой колонизации, оставалось крайне мало или не оказывалось совсем.

Мы, к сожалению, не располагаем сейчас точными или хотя-бы приблизительными массовыми данными о распределении земель между разными группами населения не только по всему Нижнему Поволжью,

[1]) Данные начала XIX века в цитир. уже „Топограф. в историч. описании Сарат. губ.“ Генеральное межевание в Сердобском и Аткарском уездах проводилось позднее; для Аткарского уезда по генеральному межеванию соответственные цифры будут 270.000 дес. пашни, 648.000 степи и покосов и 167.000 неудобной. О поселенцах на Саратовской земле см. Архив Госуд. Совета т. III, часть 2, стр. 904—906.— Нужно иметь ввиду, что те земли, которые в начале XIX века считались „неудобными“, после шли в эксплоатацию.

но даже и по одной Саратовской губернии [1]). Однако ряд отдельных указаний, думается, в достаточной степени выяснит, как обстояло в этом отношении дело.

Нижнее Поволжье с громадным запасом пустующих земель с 1760-х годов стало местом применения колонизационных планов правительства. Манифестом 4 декабря и указом сената 14 декабря 1762 г. приглашались между прочим и в пределы нашего края и скоро поселились по Б. Иргизу зарубежные старообрядцы. С 1764 г. за Волгой и в нагорной части будущей Саратовской губернии водворялись иностранные колонисты. С 1765 г. в целях заселения же начата продажа земли дворянам в Астраханском крае [2]). И уже независимо от правительственных колонизаторских стремлений с 1770-х годов, как мы видели, казацкая старшина Дона торопилась использовать свои дворянские права водворением в донских степях своих „подданных".

С 1785 г. в Саратовском „наместничестве" и в Астраханской „области" Кавказского наместничества, на ряду с казенной колонизацией и мешая ей, протекает при энергичном содействии генерал-губернаторов бурный процесс перехода казенных земель в частные руки. В годы Павла, приостановившего в начале отвод земель по пожалованиям матери, приходит второй пароксизм этой земельной лихорадки. За землею в Нижнем Поволжьи тянутся многие, так что не все заявления могли быть удовлетворены. Дело в том, что к средине 1780-х годов довольно остро чувствовались переселение и недостаток земли в ряде губерний, особенно центрального района, и широко проявлялось разорение дворянства, особенно высшего круга, из-за жизни не по средствам. А слава Саратовских девственных черноземов, дававших прекрасную, находившую обеспеченный сбыт и внутри государства и—при желании—на внешнем рынке пшеницу, и исключительные рыбные богатства низовьев Волги и берегов Каспия обещали легкие способы поправить дела. И вот высшая аристократия и служебная знать, а также местное поволжское чиновничество и расхватывали, пользуясь связями, „пустующие" земли. Отводы тысяч десятин обычны, нередки получения десятков тысяч, бывали пожалования и сотен тысяч десятин. При этом далеко не всегда земли эти эксплоатировались самими получившими: рыбные ловли обычно сдавались в аренду, земли в отдельных случаях даже скоро перепродавались. О заселении их думали сравнительно мало, но у переселяемых в край казенных и удельных даже крестьян выбивалась из рук земля. И скоро показались угрожающие признаки.

В Астраханской губернии уже в конце XVIII века негде было разместить казенных переселенцев, приходилось отбирать пустующие земли у помещиков, и все же часть переселенцев должна была искать пристанища в других местах. В Саратовской губернии в некоторых частях земля была довольно хорошо освоена еще гораздо ранее. Не даром в поисках колонизационного фонда еще в 1764 г. были совсем оставлены в стороне (имею ввиду, конечно, правобережье) территории будущих Кузнецкого, Вольского и Хвалынского уездов, и в ближайших к ним

---

[1]) Данные генерального межевания очень неодновременны для разных частей Нижнего Поволжья и требуют довольно большой и сложной обработки, так как нередко показывают в общей меже и в общей сумме земли владельцев разных категорий.

[2]) О поселении старообр. в работе Н. С. Соколова, „Раскол в Саратовском крае", т. 1, 1886 г., стр. 29 и сл.; об иностранных колонистах в книге Г. Г. Писаревского „Из истории иностранной колонизации в Рос. в XVIII веке", 1909 г., гл. III—V и прилож. №№ 26—32 и реценз. на эту работу Шафранова в „Чтениях Об-ва Инст. Древн. Росс.", 1909 г., кн. IV, в „Смеси", стр 28—46; об Астраханском крае в моей выше названной статье.

Петровском и Сердобском обследованием было захвачено менее половины площади. Не случайно, конечно, что в заявлениях о желании получить землю, разработанных Л. Н. Юровским за 1785—1803 годы, ни разу не фигурирует Кузнецкий уезд, лишь двое соискателей просили землю в Хвалынском уезде (6.000 десятин), но неполучили, впрочем некоторые другие позднее были более счастливы; не часто встретим в пожалованиях и Вольский уезд. Показательно, что ведомость казенной палаты о сданных в аренду казенных оброчных землях с 1802 г. также не упоминает этих уездов. [1]) Так рядом указаний намечается в нагорной части Саратовской губернии район, где свободных годных под поселение и обработку земель, видимо, не имелось или почти не имелось к началу XIX века. При этих данных мы не удивимся сообщению оффициального „Топографического и исторического описания Саратовской губернии", что в нагорной стороне Хвалынского уезда в большой части казенных и помещичьих селений не хватает полной 15-ти десятинной пропорции земли на душу. Наоборот, ниже мы должны будем констатировать это и для 4 еще уездов в нагорной половине губернии. Естественным покажется нам, что удельное ведомство в поисках новых мест для переселения своих недостаточно наделенных землею крестьян, в том числе и из Саратовской губернии, направляло свои взоры уже на Заволжье [2]).

Мы только-что указывали выше, что в Астраханской губернии с ее малым количеством удобной для земледелия почвы аграрный кризис всею тяжестью пал на плечи казенных (разных категорий) переселенцев. Можно полагать, что и в нагорной стороне Саратовской губернии земельное утеснение более испытывали казенные и удельные крестьяне, чем помещики. Итоговые таблицы раздач и отмежеваний земли за время от опекунского межевания, начатого в силу указа 1764 г., по 1803 г. включительно, данные в книге Л. Н. Юровского, позволяют подсчитать, что помещики получили за эти годы, особенно с 1785-го, в нагорной стороне 9 уездов губернии (без Царицынского) 928.000 дес. (считая с возвращений отмежеванной-было у них в опекунское отмежевание), а казенные крестьяне всех групп увеличили свое землевладение только на 773.000 десятин.

Затруднительность, а в иных местах и полная безисходность положения казенных поселенцев в Нижнем Поволжье бросалась в глаза и тогдашним наблюдателям. Факты особенно разительные наблюдались в Астраханской губернии. И там уже в 1806 г. раздача казенных земель в частные руки была приостановлена. Еще ранее были случаи отобрания у помещиков пустующих земель для устройства казенных переселенцев, а в 1802—03 г.г. для предоставления рыбных ловель, чрезвычайно стесненных частным землевладением, „во всеобщее употребление„ были отобраны в казну прибрежные по Каспийскому морю земли с оставлением помещикам по 1 квадратной версте на каждый их промысел. В Саратовской губернии запоздалое прекращение раздач земель помещи-

[1]) Материал по Саратовской губернии (неполный) в работе Н. Ф. Хованского „Помещики и крестьяне Саратовской губернии" в сборнике Сарат. Арх. комм. „Материалы по крепостному праву", 1911 г. стр. 4—21; подсчеты и таблицы в книге Л. Н. Юровского—„Саратовские вотчины", 1923 г. стр. 29—47; ведомость Казенной Палаты 1802 г. в архивном деле „Сенат„ № 782—423 в историч. архиве Сарат. Области. Научн. Об-ва Краеведения. По Астраханской губ. материал в моей указ. уже статье.—В Хвалынском уезде пожалований не отмечает Юровский, но несколько случаев приведено у Хованского.

[2]) Цитиров. рукопись из рукописн. отдела библиотеки Академии Наук, л. 56 об. и дело серии „Сенат". № 1179—819 из архива Об-ва Краеведения.

кам в нагорной части было постановлено только в 1820 г., но темп пожалований с начала XIX века во всяком случае ослабел.

Думается, что известным земельным утеснением вызывались и столкновения из-за земли. Конечно, это утеснение надо понимать в реальной обстановке тогдашних приемов хозяйства. Для человека того времени рост населения, пожалования, а то и простые захваты земель создавали затруднения в ведении хозяйства на основе старых навыков или уничтожали перспективы развернуть шире эксплоатацию богатой почвы. Отсюда и начиналась борьба за землю. Ее проявлением в легальных формах служат судебные процессы. И кажется, нельзя случайностью лучшей сохранности дел начала XIX века или, наоборот, истребления, естественной гибели документов самого конца XVIII-го об'яснить несомненно большее количество судебных дел о земле, восходивших до сената, как раз с грани этих двух столетий. [1])

В районе Царицынского уезда, луговой стороны Хвалынского, Вольского, Саратовского и Камышинского дело с землей обстояло гораздо более благоприятно. Помещик еще мало стремился сюда. По тем же данным Л. И. Юровского за тот же период помещики получили здесь всего 146.000 десятин, тогда как казенным крестьянам намежевано 4.033.000 десятин. Однако и здесь уже действовала алчность по отношению к земле, и здесь наблюдались случаи захвата таких пространств, которых реально освоить было невозможно, и например, в 1800 г. у ряда помещиков было отрезано в казну свыше 1.400.000 десятин земли, захваченной даже без всякого юридического титула. И за Волгой разигрывались такие случаи, как события на Чагре, где помещик буквально выбил крестьян с обселенной ими земли, хотя и сам на нее не имел надлежащего права. [2])

В областях казачьих до земельного утеснения было далеко. Но тревога проникала и сюда. По крайней мере уральские казаки, очень мало занимавшиеся тогда земледелием и имевшие неизмеримые просторы степей, именно в первые годы XIX века начинают ряд процессов из-за земли. [3])

---

[1]. См. „Опись докум. и дел историч. архива“ Сарат. Арх. Комм., вып. 1, Дела „Сенатские“, сост. А. А. Гераклитовым, по предметному указателю.

[2]) Указ. работа Юровского и дела серии „Сенат“ №№ 435—289, 260—3339 и 861—554.

[3]) Ден, Население России по пятой ревизии, т. 1, стр. 198—199.

III. Добывающая промышленность первого района.

Борьба за землю, обозначившаяся в Нижнем Поволжье в начале XIX века, может служить показателем того, что земля рассматривалась, как значительная ценность. Но, конечно, потребность в земле и ее оценка будут различны в разных укладах хозяйственной жизни. Характеризуя их, мы будем придерживаться выявившегося уже при рассмотрении вопроса о населении деления Нижнего Поволжья на 3 основные части. Им хорошо соответствуют и 3 главные хозяйственные районы края.

Саратовская губерния всеми, писавшими о ней в начале XIX века, характеризуется, как область земледельческая. Однако, это будет в полной мере справедливо лишь в применении к основной части ее территории—9 уездам в нагорной стороне.

Первый вопрос, который необходимо осветить, при изображении хозяйственной структуры земледельческого района, это степень обеспечения населения землею. Мы не обладаем детальными данными о каждом селении, чтобы расчленение ответить на этот вопрос. Но и массовые указания несколько уясняют положение.

Нормой наделения землею хлебопашца-крестьянина в начале XIX века считали 15 десятин на ревизскую душу. И именно по этой пропорции предписывалось наделить сельское население Саратовского края в связи с производством генерального межевания, начатого в губернии в 1797 году. Межевые работы были еще далеки до конца в занимающие нас годы, но все же межевая контора располагала достаточно удовлетворительными данными о площади по крайней мере 5 северных и западных уездов правобережья Саратовской губернии [1]). Хотя эти цифры землемеров начала XIX века и отличаются несколько (в пределах от 2,3 до 4,9%%) от установленных сто лет спустя, однако, нам удобнее пользоваться первыми, как потому, что именно из них исходили практики того времени, о которон у нас идет речь, так и потому, что эти итоги согласованы с весьма важным в нашей характеристике распределением земельных угодий. Для сравнения будем приводить в скобках и данные о площади наших дореволюционных уездов. Точно также, чтобы стоять на позиции деятелей начала XIX века, и данные о населении возьмем по V ревизии, как того требовал указ о нарезке земли. При этом в общих итогах населения будем учитывать и городское ревизское население, так как и оно в уездных городах, иногда и оставаясь в старом звании, почти сплошь занималось земледелием. Больше того. Невольные купцы и мещане с обращением их сел в уездные города, эти горожане большими группами как-раз в начале XIX века добивались возврата их в „первобытное состояние", причем тогда и земля им нарезалась по 15 десятин на душу [2]).

---

[1]) Приведенные ниже данные извлекаются, главным образом, из „Топогр. и историч. описания Саратовской губернии". Чтобы не пестрить справками, буду ниже делать ссылки только на другие источники.

[2]) О Сердобске (1433 души) в „Топогр. описании" л. 126 об.; об Аткарске и Кузнецке (170 душ) в делах „Сенат." Об-ва Краеведения №№ 109—3398 (затеряно после пожара) и 611—328).

Начнем обзор с Хвалынского уезда, о котором имеется свидетельство, что в нем для большой части селений казенных и владельческих не хватало земли до указанной 15 десятинной пропорции. Взятые на круг цифры населения и площади уезда как-будто опровергают это свидетельство. В уезде с городом по V ревизии насчитано 33.000 душ. Из них часть нужно выделить на заволжские селения. Проводя это выделение пропорционально числу населенных пунктов—более точных средств в нашем распоряжении сейчас нет: 93 с городом на нагорной стороне и 31 на луговой, и считаясь с тем, что последние в среднем были более мелкими, чем первые (на нагорной было 32 села и город на 93 селения, на луговой всего 4 села из 31), мы можем приблизительно считать на нагорной стороне около 27.000 душ [1]). При наделе в 15 десятин на душу всего нужно было для них 405.000 дес. Меж тем по подсчетам межевой конторы в нагорной части Хвалынского уезда считалось 548.000 десятин (по данным XX века 576.000), т.-е. за полным обеспечением населения в уезде должен был-бы—при идеальном разрешении вопроса—остаться еще запасной свободный фонд на „прибылые души". Однако, учитывая большое количество земли, считавшейся тогда „неудобной" для поселения и сельско-хозяйственной эксплоатации,—56.000 дес. и 12.000 солонцов, считавшихся в надел 3 дес. за одну и, принимая во внимание неравномерное размещение населения по территории уезда, большую лесистость отдельных частей его, мы ближе подойдем к автору приведенной фразы. Полное принятие этого оффициального констатирования недостатка земли заставляет еще сделать вывод, что, очевидно, наряду с недостатком наделов в одних селениях был некоторый избыток земли против казенной нормы у других.

Определеннее выступает земельный голод в Кузнецком уезде. Здесь по пятой ревизии проживало 39.000 душ. При 15 десятинном наделе для них требовалось 585.000 дес., а вся площадь уезда, со включением и неудобных земель, которых, правда, считалось немного—21.000 дес., заключала 471.000 дес. (в XX веке считали 482.000), т.-е. не хватало для полного надела 114.000 дес. При самом рациональном размещении и идеальном уравнительном разделе на ревизскую душу пришлось-бы всего по 12 дес. (включая более, чем по полдесятине неудобной). Но так как действительность такого раздела на знала, то, бесспорно, некоторая часть населения переживала острое—по тогдашним понятиям—малоземелье.

Близко к этому обстояло дело и в соседнем Вольском уезде. В нем, за исключением колонистов, которые все были устроены на луговой стороне, пятая ревизия зарегистрировала 44.000 душ. Менее четверти этого количества, если расчитывать опять-таки по населенным пунктам, проживало на луговой стороне в 34 селениях. На нагорной стороне в 107, считая с городом, который был крупным по тому времени пунктом [2]), можно полагать около 36.000 душ. Им в надел требовалось по казенной норме 540.000 дес., а вся площадь уезда определялась тогда в 527.000 дес. (позднее в 514.000). Таким образом на ревизские души уже не хватало земли, если даже брать в раздел всю площадь уезда, в которой считалось 70.000 дес. неудобной и 19.000 солонцов, шедших в

[1]) Данные по 5 рев. здесь и далее из указ. уже архивного дела Ленингр. Центрархива. В самом Хвалынске одних положенных в оклад по ведомости 1800 г. считалось свыше 1.300 душ—„Сенат." № 705—3732.

[2]) По ведом. 1800 г. (серия „Сенат." № 705—3732) в Вольске только положенных в оклад считалось 3586 душ; из уездных городов Саратовской губернии больше было только в Петровске—3638 душ.

надел, как мы уже видели, по 3 дес. за одну пашни. При исключении же неудобной и счете солонцов в треть средний идеальный надел по Вольскому уезду определится несколько менее 13 дес. на ревизскую душу.

Не далеко ушли от трех северных уездов и два центральных.

В Петровском уезде на 42.000 ревизских душ необходимо было 630.000 дес. земли. И, если из общей площади в 659.000 десятин (по позднейшим подсчетам 684.000) выбросить 30.000 дес., считавшихся негодными, то окажется, что уезд уже в 1796 г. стоял у самой грани насыщения населением, не имея никакого запаса для будущих поколений. А в уезде еще в 1798—1803 г.г. было роздано помещикам 32.000 дес. Таким образом, и в Петровском уезде в начале XIX века отдельные группы крестьян уже не могли иметь земли в казенную пропорцию.

В Сердобском уезде казенный надел 40.000 ревизских душ составлял 600.000 дес., а из 652.000 дес. (674.000 по позди. подсчетам), числившихся в уезде, 34.000 дес. почитались негодными, да 93.000 дес., если правильны подсчеты Л. П. Юровского [1]), были пожалованы помещикам в 1798—1803 г.г.

В наших вычислениях мы исходили из площади уезда в целом. Но мы уже знаем, что генеральное межевание было далеко от конца и в 1805 г. и, следовательно, предполагаемое обеспечение землей крестьян было еще не реализовано. А пока казна, располагавшая свободными землями, пускала их в аренду. Из знакомой уже нам ведомости Казенной Палаты о сданных в 10-тилетнюю аренду в 1802 г. казенных оброчных статьях мы узнаем, что в Петровском уезде было сдано 88 участков общей площадью в 281.000 дес., в Сердобском, в который тогда входила и значительная доля Балашовского, 120 участков размером в 206.000 дес. [2]). И мы еще не знаем, фигурирует-ли в этой ведомости вся принадлежавшаяся казне земля. Кузнецкий, Хвалынский и Вольский уезды в этой ведомости не упомянуты, да в них, как выясняется, и трудно предполагать наличие более или менее значительных свободных площадей.

Если мы допустим, что не кажется совершенно вероятным, что в 1802 г. были сданы в аренду полностью все казенные оброчные земли [3]), если отнесем на долю собственно Сердобского уезда хотя-бы половину всей связанной с ним в ведомости сданной площади и если выделим намежеванные вновь с 1798 г. помещикам земли, то и в Петровском и Сердобском уездах в реальном пользовании крестьян окажется в среднем около 11 дес. надельных земель на ревизскую душу, в том числе почти по десятине неудобной.

Таким образом, в то время, как в Хвалынском уезде—по замечанию современника—только в большой части селений не хватало земли для надела в казенную пропорцию, в остальных 4 уездах взятой здесь половины губернии находившейся в руках населения земли не доставало в казенную меру необходимого обеспечения для всех селений по

---

[1]) Остается неизвестным, учел-ли Юровский, что как-раз в эти годы Балашовский уезд был временно ликвидирован и часть его территории входила в Сердобский уезд. Не попали-ли в подсчеты по Сердобскому уезду некоторые отводы, относившиеся к Балаш.? По вычислениям Юровского (таб. на стр. 46 его книги) в Балашовском уезде при большей и более свободной площади дано помещикам всего 51.000 дес.

[2]) Серия „Сенат." № 782—423.

[3]) В ведомости 1804 г. опять отмечена сдача по Петровскому уезду 2 участков в 1500 дес.—Там же № 1003—736.

средним статистическим расчетам. Если применить идеальное уравнительное распределение, то ревизская душа из имевшегося у населения земельного фонда могла быть наделена 11—13 дес. земли.

В полную меру казенной пропорции могли получить землю крестьяне и горожане в четырех южных уездах выделенного нами района. В пределах этой части территории мы лишены, к сожалению, возможности привести такие же поуездные вычисления, какие даны выше. Дело в том, что в этом менее заселенном районе межевая контора довольствовалась, видимо, менее точными исчислениями земельной площади. По крайней мере указанная ею мера Балашовского уезда отличается от позднее определенной площади уже на 10%. Впрочем очень вероятно, что граница уездов в пустых незаселенных местах проходила в начале XIX века несколько иначе, чем в конце его [1]). С другой стороны, в данных по Саратовскому и Камышинскому уездах в общей сумме об'единены нагорная сторона их с частями их луговых территорий. Наконец, как-раз Аткарский и Балашовский уезды не существовали в период 1798—1802 г.г. включительно и потому нет возможности по уездам распределить точно сдававшиеся тогда в оброк казенные свободные земли, как и нет уверенности в правильном разнесении по уездам земельных дач дворянами за эти именно годы. Но все же на основе подсчетов, которые излагать здесь было-бы—из экономии места—нецелесообразно, можно с известною уверенностью говорить, что в этих четырех уездах и за вычетом казенных оброчных статей и пожалованной дворянам земли население могло располагать 15 дес. на ревизскую душу [2]). Это не значит, конечно, что и в этих менее заселенных уездах не было обиженных в отношении земли против казенной пропорции. Наш вывод здесь имеет еще более отвлеченно—общее значение.

Может возникнуть недоумение, что в наших расчетах не учтен прилив новых переселенцев, который должен был сокращать размеры душевого надела старожилов. Но сколько можно судить по имеющимся данным, казенные переселенцы направлялись именно на свободные земли и казна, сдавая в аренду оброчные статьи, даже оставляла за собой право нарушить контракт до срока, если участок понадобится для заселения. На свободные, чаще вновь полученные земли переводили крестьян из других деревень и помещики. И, таким образом, выводя из общей площади, распределяемой на ревизские души, казенные оброчные статьи и новые получения дворян, мы тем самым выделяли колонизационные фонды. Конечно, были случаи вселений в уже существовавшие пункты с использованием для новоприходцев уже числившихся за старожилами земель, но эти моменты большого влияния на полученные нами результаты иметь не могли, а учет их в массовом масштабе сопряжен с очень большими трудностями.

Воздействие новых поселенцев должно было сказаться на старожилах в другом отношении. Казенная пропорция далеко не всегда могла удовлетворять всей потребности крестьянской в земле. А во многих

[1]) Говорю так потому, что и по окончании генер. межевания площади Аткар., Сарат. и Цариц. у.у. считались большими, чем определяли их в начале XX века, а территории Балаш. и Камыш., наоборот, меньшими См. „ведомость" землемера Патрикеева 1840 г. в „Трудах Сарат. учен. Арх. Комм.", вып. 23, 1903, стр. 204—205.—По данным генер. межевания селения, по крайней мере более крупные, распределялись по уездам так же, как и в конце XIX века; поэтому решаюсь высказать предположение, что границы шли иначе именно в пустых местах.

[2]) Здесь мы оставляем в стороне вопрос о неудобных землях и солонцах, так как они, нежелательные помещикам и непригодные казенным переселенцам, в значительной доле оставались за казною в участках оброчных статей.

местах, как мы видели, даже и не могло быть дано сельскому населению в меру этой нормы. Таким образом, слагалась необходимость искать пополнения площади землепользования вне надельных угодий. И в материалах по сдаче казенных земель мы часто встречаем крестьян одиночек и целые общества в качестве соискателей и арендаторов оброчных статей. И вот здесь раздача земли помещикам и отводы ее новым поселенцам, вырывая лучшие куски, все более сокращали возможную площадь арендного землепользования и повышали арендные цены. В 1784 г. генерал-прокурор кн. Вяземский обращал внимание Саратовской Казенной Палаты на то, что „оброк с казенных земель весьма мал, ибо оных состоит в оброке 585.000 (округляю в тысячах) дес., а доходу с них собирается в год только 9.831 р. 21 к., следовательно, всякая десятина... приходится по $^3/_4$ к.“. Палата, оправдываясь, указывала, что она принимает всякие меры к тому, чтобы вызвать больше желающих и поднять цены, но ничего не может добиться, ибо „оных по Саратовской губернии впусте лежащих земель находится великое количество“. В 1802 году, когда в результате громадных за 18 протекших лет раздач дворянам и энергичной колонизации в руках казны оставались, конечно, менее удобно расположенные и не лучшего качества участки, Казенная Палата сдала в аренду уже 1.913.000 дес. по арендной цене 3,8 к. за десятину, т.-е. арендный фонд увеличился в 3 слишком раза, оброк поднялся на 223 процента [1]).

Учесть эту, арендную, часть крестьянского землепользования не представляется возможным, так как у нас нет исчерпывающих и расчлененных данных даже о казенных оброчных землях, причем площадь их неустойчива, а ведь крестьяне могли еще снимать участки и у помещиков и у городов.

Теперь от вопроса об общей обеспеченности населения землею можно перейти к удовлетворению его отдельными угодьями. В основе наших суждений и здесь будут лежать данные межевой конторы. Они сведены мною в таблицу, причем для простоты показания округлены в тысячах десятин кроме группы „под поселением“, где в виду незначительности их сохранены и сотни. Кроме того, для сравнения вслед за итогами даны площади уездов по вычислениям начала XX века. Уезды располагаем в естественном порядке природных условий. Несколько обособленно будут стоять и здесь уезды Саратовский и Камышинский, так как для них имеем общие данные по правобережью и части луговой стороны [2]).

Прежде чем перейти к анализу данных таблицы, отметим, что резко отличный от соседних уездов, как показывают относительные величины, характер Саратовского и Камышинского уездов об'ясняется влиянием внесенных в итоги очень крупных величин Заволжья. Там в безлюдном почти крае не только почвенные условия были другими, но и люди при богатстве земель очень легко зачисляли в разряды неудобных и солонцов в сущности и не подходившие сюда угодья. Если-бы мы располагали обособленными данными по нагорным частям этих уездов, то за счет уменьшения роли солонцов и неудобных земель выиграли-бы луч-

[1]) „Дело по 4 рев. Саратовской губернии“ в Ленингр. Центр архиве, ч. 1, лл. 193, 204 об.—205 об. и архива Об-ва Краев. серии „Сепат.“ № 782—423. Для полной сравнимости и в последнем случае взята вся Сарат. губ. с Новохоп. и Цариц. уездами.—О притоке поселенцев говорит уже то, что от 4 до 5 рев., т.-е. с 1782 по 96 г.г. прирост ревизского населения по пяти уездам, целиком расположенным в нагорной части губернии, достигал 30%.

[2]) Для луговой стороны Вольского и Хвалынского уездов приведена в нашем источнике единая суммарная цифра отдельно.

Таблица

распределения угодий в 9-ти уездах нагорной стороны Саратовской губернии в начале XIX века.

Уезды. / Угодья.	В абсолютных числах—десятин.							Площадь в начале XX века в десятинах.	В процентах.						
	Под поселением.	Пашня.	Степи и сенокосы.	Солонцы.	Лес.	Неудобная.	ВСЕГО.		Под поселением.	Пашня.	Степи и сенокосы.	Солонцы.	Лес.	Неудобная.	ВСЕГО.
Кузнецкий	7600	181000	28000	—	233000	21000	471000	482000	1,6	38,4	6,2	—	49,4	4,4	100
Хвалынский	6300	210000	89000	12000	176000	56000	548000	576000	1,1	38,5	16,1	2,0	32,1	10,2	100
Вольский	6000	223000	105000	19000	104000	70000	527000	514000	1,2	42,3	19,9	3,6	19,7	13,3	100
Петровский	7200 Сверх	256000 того	205000 нераспр.	5000 внутр	114000 и гор.	30000 дач41000	659000	684000	1,1	38,8 Нера	31,2 спре	0,8 дел.	17,3 6,3	4.5	100
Сердобский	5500	269000	278000	5000	59000	34000	652000	675000	0,9	41,3	42,7	0,8	9,1	5.2	100
Балашовский	7000	380000	441000	19000	52000	79000	978000	1088000	0,8	38,9	45,1	1,9	5,3	8,0	100
Аткарский	5700	249000	644000	54000	71000	169000	1194000	1146000	0,5	20,9	54,0	4.5	6,0	14,1	100
Саратовский	5000	205000	562000	700000	89000	1495000	3057000	731000	0,2	6,7	18,4	22.9	2,9	48.9	100
Камышинский	5400	273000	1107000	699000	78000	1782000	3944000	1137000	0,1	7,0	28,1	17.6	2,0	45,2	100

шее место пашни и частью леса, и общая картина получилась-бы гораздо более близкая к тому, что дает Аткарский уезд. Помимо априорных соображений в этом убеждают нас и довольно близкие по времени, но все же более поздние итоги генерального межевания, представленные Патрикеевым расчленению по нагорной и луговой сторонам, где, впрочем, в его время уже были открыты новые уезды [1]). По этим данным площадь под поселениями занимает 0,7 в Саратовском и 0,5 в Камышинском уездах; пашня составляет 28,6 и 21,3 (здесь, конечно, сказалось и более позднее время), сенокосы 35,8 и 27,9, леса 15,3 и 6,7, между тем солонцы только 3,1 и 4,2% площади и неудобные земли 16,5 в Саратовском и 39,4 в Камышинском уездах. Делая поправку на время, мы получим картину довольно близкую к той, которую слагают показания начала XIX века для Аткарского уезда.

Присматриваясь к нашей таблице, мы наблюдаем знакомые нам и по современным данным правильное увеличение роли солонцов по мере движения с севера на юг и с запада на восток и почти параллельное этому уменьшение лесистости. Но для земледельческого района самое важное—пашня. Степень распаханности в 6 уездах близка к 40% площади, причем более всех других молодой по заселению Балашовский уезд даже обогнал остальные (по абсолютной величине) в поднятии новин под хлеб. Отстают только три юго-восточных уезда (Аткар., Сарат. и Камыш.), в которых распаханность можно принять для начала XIX века приблизительно в 20% площади. Здесь еще слишком много „пространных ковыльных степей впусте лежащих", как говорит описатель начала XIX века об Аткарском уезде. Однако, нам интересно отношение пашни не только к площади уезда, но и к населению его. При этом мы опять будем руководствоваться данными пятой ревизии, чтобы иметь в вопросах обеспечения землей единое мерило и чтобы не впасть в ошибку за отсутствием проверенных данных для начала XIX века.

Выше мы отмечали степень ошибки в данных межевой конторы, но надо думать, что менее точными были вычисления, касавшиеся статей менее интересных для населения, напр. неудобных земель, пустовавших степей, громадных площадей лесов. Трудно допустить значительные погрешности в определениях площади пашни, в которой были так заинтересованы и население и правительство. И действительно показания относительно пашни начала XIX века хорошо согласуются с самыми точными для первой половины прошлого века цифрами—генерального межевания. А раз так, то мы имеем достаточно удовлетворительный показатель средней запашки на ревизскую душу па чьей-бы земле, своей или арендованной, и для кого-бы, себя или барина, она не производилась. Вместе с тем получаем достаточно твердую базу для учета хозяйственной мощности района в области земледелия.

Проведя вычисления на ревизские души, при чем для Саратовского и Камышинского уездов придется брать население обеих половин и допустить фикцию одинаковой в них запашки, мы получим следующий ряд по убывающей площади пашни на душу: Балашовский уезд—8,7, Аткарский—8, Хвалынский—7,8, Камышинский—7, Сердобский—6,7, Петровский и Вольский по 6, Кузнецкий и Саратовский по 4,7 дес. Относительно последнего (т. е. Сарат. у.) можно с известной уверенностью высказать предположение, что такой низкий показатель запашки дан Заволжьем, а на нагорной стороне, судя по более поздним указа-

[1]) Уже цитиров. „Труды Сарат. Уч. Арх. Комм.", вып. 23, стр. 204—205. В итоге по Саратовскому уезду нужно читать 733.607 дес., а не 773.607, как напечатано.

ниям, пахали более. В Кузнецком же уезде—такая пониженная в сравнении с другими уездами цифра пашни еще один показатель критического положения здесь сельского хозяина.

Перейти от общей площади пашни к уяснению реальных размеров годового засева мы, к сожалению, лишены возможности. Только для Кузнецкого уезда можно твердо считать, что там прочно установилось к началу XIX века трехполье. Т. е в этом уезде душевой засев выражается скромной цифрой $3^2/_3$ дес. на душу, приблизительно поровну озимого и ярового хлеба [1]). Такая же система была, повидимому, и в Хвалынском уезде. В других уездах по мере движения на юг все бо́льшее значение получает переложная система, которая известной неопределенностью и мешает учету засевов. По крайней мере такое впечатление дают указания о количествах засеваемых озимого и ярового хлеба [2]). Это допускают сведения о наличии больших пространств нетронутых степей; это согласуется с более поздними известиями о системе земледелия в губернии.

Переходя к обработке данных о посевах и сборах хлеба, испытываешь известное смущение, так как не знаешь приемов получения этих цифр и не можешь учесть величину возможной ошибки. Но имея в виду с одной стороны, что и теперь мы не умеем еще очень точно подсчитать ни посевные площади, ни урожаи, а с другой—что приводимые ниже оффициальные показания не заключают внутренних несообразностей и не встречаются в противоречии с другими данными, в том числе и с данными о размерах пашни, можно воспользоваться и этим материалом, если не для точного учета количественной стороны земледелия, то для уяснения его характера.

Так как поуездные данные имеем только за один год и они внушают опасения своими то слишком большими (по Сердоб. и Аткар. у.), то очень маленькими (по Балаш. и Камышин.) в сравнении с площадями пашни цифрами, мы будем иметь дело лишь с погубернскими итогами, в которых по закону больших чисел должны сглаживаться отдельные уклонения.

Посев и сбор хлебов, в четвертях [3]) по указаниям местных властей, за 1802—05 годы можно представить в следующей таблице (с округлением в тысячах четв.).

---

[1]) Трехполье констатируют не раз „Эконом. примеч. к генер. межев.“, которое в Кузн. у было к 1804 г. уже закончено. „Эконом. примеч.“ по Хвалынск. и Петровск. у. нет в Сарат. архивах, остальные не дают указаний на системы полеводства.

[2]) По показаниям 1790 г. в Хвалынск. у. под рожью было 53.000 десят. из 108.000 дес всего посева—М. Владимиров „Первое столетие Хвалынска“ в „Саратовск. Сборнике“, изд. Статист. Комитетом, т. 2, 1882, стр. 192. Данные о посевах цитируются ниже.

[3]) Оставляю четверти без перевода в пуды, т. к. вес ее для разного хлеба различен: напр., ржи ок. 8 пуд., пшеницы до 10, овса ок. 6. С другой стороны, тогда в четвертях выражали не только посевы и сбор хлеба, но и торговые операции с ним, даже отправки заграницу. Поэтому указания в четвертях легче позволяют делать разные сопоставления с материалом по всему государству или отдельным частям его.

ГОДЫ.	ПОСЕВ.		УРОЖАЙ.	
	Озимые.	Яровые.	Озимые.	Яровые.
1802	1.330.000		3.450.000	
1803	577.000	681.000	2.401.000	2.223.000
	1.258.000		4.624.000	
1804	905.000	1.332.000	3.571.000	4.181.000
	2.237.000		7.752.000	
1805	715.000	696.000	2.372.000	1.926.000
	1.411.000		4.298.000	
Средн.	1.584.000		4.756.000	

По сбору хлебов мы располагаем данными и за предшествующее время. В 1802 г. местная власть определяла его в среднем за 10 предшествующих лет в 2.750.000 четвертей; за 1795 г. имеются данные о сборе по пяти хлебам (ржи, пшенице, ячменю, овсу и гречe) в количестве 1.056.000 четвертей [1]).

Прежде использования этих цифр нужно отметить, что они относятся к территории более широкой, чем здесь характеризуемая, и притом не к одной и той же, и что они не вполне однородны. Приведенные данные касаются Сарат. губ. в целом, т. е. с захватом и Заволжья и Царицынского уезда и. по 1802 г. включительно, даже Новохоперского уезда. Выделить из общей суммы данные по нагорной стороне в пределах 9 уездов, к сожалению, невозможно, Меж тем если Заволжье и Царицынский уезд сравнительно мало вносили в общую сумму, то Новохоперский уезд, и тогда очень хлебный, давал значительные слагаемые; впрочем в цифрах последнего трехлетия их уже нет. Что касается данных 1795 г., то для сравнимости их с показаниями до 1802 г. к ним нужно прибавить урожай полбы, гороха, проса и культур меньшего значения, а по средней за 10 лет до 1802 г. это составляет около 300.000 четвертей.

Имея в виду сделанные сейчас оговорки, можно из приведенных данных о сборе хлебов получить некоторые выводы. Сопоставление сбора 1795 г., доводимого с пополнениями до 1.350.000 чтв., с средним за десятилетие 1792—1801 г.г.—2.750.000 чтв., как кажется, выявляет быстрый рост запашки в последние годы XVIII столетия. С другой стороны эта же средняя за 10 лет для территории с Новохоперским уездом в сравнении со средней за трехлетие 1803—05 г.г.—5.558.000 чтв. или даже с исключением 1804 г.—около 4½ милл. чтв. без Новохоперского уезда обнаруживает, что рост земледельческого хозяйства в начале XIX века был не менее значителен.

В свою очередь данные о посевах и сборах за 4 года XIX века

[1]) Данные за 10-летие до 1802 г. и за 1803—05 г.г. в указ. статье Германа, цифра 1795 г. в „Архиве Госуд. Совета“, т. 2, стр. 87—90, за 1802 г. в цитиров работе Зябловского, ч. IV, стр. 215.

Для сопоставления и некоторой проверки можно указать, что в 1831—35 г.г. по оффициальным же данным—в среднем в год сеялось 2.209.000 четвертей, собиралось более 9 милл. четв.— А. Леопольдов „Статист. описание Сарат. губ.“, 1839, стр. 114—115.

представляют знакомую и по современности картину колебаний урожайности: сам 2,6 в 1802, 3,7—в 1803, 3,6—в 1804 г. и сам 3,0—в 1805 г., а в 1800 году губерния была поражена неурожаем [1]).

Что касается состава земледельческих культур, то перечни их известны по многим показаниям, но относительное значение каждой можно установить только по цитированной уже ведомости 1802 г. о среднем сборе за предшествовавшее десятилетие.

Первое место, естественно, занимает главный крестьянский хлеб—рожь, дающая несколько более половины (53%) сбора (1.454.000 четверти из 2.750.000); около этого уровня она стоит и по данным 1803 и 1805 г.г. [2]) (1804-й год для нашей губ., как выяснится ниже, год исключительный). Второе место в сборе принадлежит овсу, дающему почти четверть общей суммы (24%). Далее следуют пшеница—7,5% среднего сбора, полба—почти 5% его, горох (менее 1%) и ячмень (3,3% всего сбора). Просо и греча с почти равными сборами (39 и 38 тыс. чтв.) сеялись, очевидно, в очень малых количествах, почти исключительно для собственного потребления. Из технических растений имела значение только конопля; посевы же льна были совершенно ничтожны.

Нужно сделать оговорку, что относительное значение отдельных культур сделано на материале, обнимающем и Заволжье, и Царицынский, и Новохоперский уезды. Так как последний был одним из пшеничных районов и в Заволжьи очень мало сеялось ржи и больше всего пшеницы, а с другой стороны во всех этих местах совсем не сеяли полбы, то, выделив территорию 9 уездов нагорной стороны, мы имели бы несколько бо́льший удельный вес ржи и полбы и сниженной относительно роль пшеницы.

В отношении размещения отдельных видов культур по территории, нужно сказать на основании ряда указаний, что большинство хлебов засевалось более или менее равномерно. Особо нужно отметить, что пшеница хуже родилась и менее сеялась в Кузнецком уезде; полба, наоборот, не упоминается в перечнях хлебов южных уездов и посевы ее сосредотачиваются в Кузнецком, Хвалынском, Вольском, Саратовском, Петровском и Сердобском [3]).

Для полноты перечня полевых культур отметим еще отсутствующие в ведомости 1802 г. чечевицу, картофель и табак в немецких колониях (последний на нагорной стороне только в Камыш. у.) и бахчи с арбузами и дынями, имевшие промышленное значение, кажется, только в Камышинском уезде. Наконец, в немецких же колониях в 1804 году впервые сеяли подсолнечник.

Энергично колонизовавшийся и имевший еще запасы целинных степей край быстро развивал, как мы видели засевы зерновых хлебов и очевидно, делал это в расчете на рынок. В начале XIX века Саратовская губерния, т. е. в сущности характеризуемая здесь нагорная сторона в пределах 9 уездов считалась—по оффициальным данным—в числе первых 15 губерний по размерам хлебного производства. Связь ее земледелия с рынком и влияние на него рыночных условий обнаруживаются, как кажется, уже из приведенных данных о посеве и сборе хлебов в начале XIX века. Хороший урожай (сам 3,7) 1803 года соблазнил и дал возможность сильно увеличить засевы и 1804 года. Новый урожай сам 3,5, повидимомому, уже хуже размещался на рынке, [4]) чем

[1]) А. Савельев „Трехсотлетие войска Донского 1570—1870 г.г.“, 1870, стр. 109.
[2]) Нужно иметь в виду, что других озимых хлебов кроме ржи почти не сеялось.
[3]) По „Топограф. и историч. описанию“ и „Эконом. примеч. к генер. межев.“ разных уездов.
[4]) 1803 и 1804 г г. отмечены урожаем вообще по России.

в предыдущем году, и это обстоятельство привело и при урожае к сокращению посева. Интересно при этом, что засев ржи, производившийся в обстановке, когда реализация нового урожая почти еще не началась, дал сравнительно небольшое снижение по сравнению с предыдущим годом (на 20%) и даже повышение против 1803 года (на 25%). Наоборот высев яровых уже после осенней и зимней хлебной кампании сокращен почти вдвое против 1804 года (на 48%) и только равнялся посеву 1803 года, следовавшему за неважным по урожайности годом.

Каковы были в целом товарные излишки хлебов в изучаемом районе, определить точно трудно. Используемое нами описание губернии в качестве „примерной" (очевидно средней для начала XIX века?) цифры вывоза из пределов губернии указывает 658.000 четвертей. Сверх того часть свободных излишков потреблялось внутри губернии винокуренными заводами — не более 150.000 четвертей. Однако первая цифра едва-ли может считаться точной, так как учета движения грузов еще не существовало в начале XIX века. С другой стороны, министерство внутренних дел ежегодные остатки хлеба по Саратовской губернии „за продовольствием и посевом" определяло для 1802—04 г.г. в среднем в 2.200.000 четвертей. Эти данные также вызывают сомнение прихотливостью установления исчислений на продовольствие и во всяком случае не дают еще товарной массы хлеба. Подойти к уяснению приблизительных размеров ее величины можно следующим подсчетом. Считая по тогдашним нормам на продовольствие по 2 четверти в год на человека, получим продовольственный фонд губернии приблизительно в 1660000 четвертей. В качестве посевного фонда воспользуемся средней высевов за приведенные 4 года т. е. 1.584.000 четвертей. Кроме того крестьяне должны были сдавать ежегодно в казенные запасные магазины по полчетверика ржи и полгарнца ярового с души для создания годового продовольственного запаса. Помещики нередко повышали нормы сбора в запасные магазины, а казенные крестьяне создавали наряду с казенными свои общественные запасы. Наконец, в крае с перемежающимися урожаями естественно было каждому хозяйству придерживать свой страховой фонд в натуре. Мы, пожалуй, не очень погрешим, если будем считать ежегодные отчисления в эти связанные, запасные фонды примерно в треть годового потребления, т. е. в 500.000 четвертей с небольшим [1]). Тогда выбрасываемый на рынок хлеб определится в губернии приблизительно в 1 миллион четвертей, или около 9 миллионов пудов. Конечно нельзя с полной твердостью отстаивать эту цифру полученную приблизительными вычислениями, но все же она кажется довольно вероятной для занимающих нас лет XIX века. Расширить ее применение назад или вперед было-бы неосмотрительным уже и потому, что она выведена для 4-летия без неурожая, который сильно изменил-бы картину.

Относительно роли отдельных хлебов в поступающей на рынок массе мы имеем согласующиеся в общем с другими известиями сведения. Акад. Герман сообщил детальный состав 150.000 четвертей, вывезенных из губернии в 1802 году. Первое место занимает здесь пшеница (31.000 четвертей) — третья в сборе хлебов по средней за предшествовавшее 10-летие; второе—ячмень (почти 30.000 четвертей), который в сборе стоит на шестом месте; далее следует сборная группа круп; за нею на четвертом месте идет овес (25.500 четвертей)— вторая культура в уро-

[1]) Считается общепринятым, что главным относительно поставщиком хлеба был помещик. Но в Саратовской губернии преобладало в эту пору оброчное хозяйство.

жае: следующим в сбыте хлебом оказывается полба (18.000 четвертей)—четвертая в сборе и лишь на шестом месте встречаем рожь (с 10.000 четвертей в вывозе)—доминирующий хлеб в посевах и сборах; ниже ржи показан горох.

Конечно, нельзя быть уверенным—по высказанным выше соображениям, что здесь приведены точные и полные данные. Но положение отдельных хлебов очень правдоподобно. Мы знаем, что в 1780-х годах Москва и крупчатые мельницы ее губернии получали пшеницу из Нижнего Поволжья, [1]) т. е. из Саратовского края, так как в других местах по Волге не было больших засевов этого хлеба. В начале XIX века помимо все растущего внутреннего потребления пшеницы она шла значительными партиями заграницу (до 1806 года): вместо 67.600 четвертей начала 1790-х годов свыше 1 миллиона четвертей в год по данным 1801—805 г.г. Мы не знаем, направлялась—ли и наша пшеница в Европу, но во всяком случае растущий экспорт создавал большой спрос на нее. Экспорт рос быстро и в отношении других хлебов, [2]) но были для некоторых из них и внутренние причины расширения для них рынка. Потребность в ячмене слагалась в связи с ростом пивоварения внутри страны, а спрос на полбу диктовался модой еще с XVIII века на французскую кухню, рекомендовавшую полбяную кашу, как пищу „очень легкую для желудка“ [3]).

„Крестьянские“ хлеба—рожь и овес в относительно больших количествах потреблялись на месте населением и шли на винокуренные заводы.

Так в общих чертах можно характеризовать состояние земледелия в нагорной части Саратовской губернии. Как уже отмечалось выше и как это следует из цифровых показаний, оно было главнейшим занятием населения. Другие отрасли сельского хозяйства и вообще добывающей промышленности имели в этом районе меньшее значение.

Об огородничестве, напр., используемое нами описание губернии даже не упоминает в изображении хозяйственной жизни уездов и городов; настолько, очевидно, оно (огородничество) имело ничтожное, чисто домашнее значение. Только в заметках о немецких колониях отмечены две в Камышинском уезде—Сосновка и Севастьяновка и две—Новоскатовка и Побочная в Саратовском уезде, в которых „разводят всякие огородные овощи хорошего качества“ для продажи в Саратов.

Садоводство также было очень мало развито в изучаемом районе. Только сады в окрестностях Саратова—68—да Хвалынска—106 отмечены особо, как имевшие, очевидно, промышленное значение. В других местах, просматривая „экономические примечания к генер. межеванию“, не без удивления констатируешь, что даже помещичьи усадьбы далеко не всегда имеют „плодовитые сады“, хотя-бы для собственного их владельцев потребления. Точно также и в немецких колониях—в очень немногих—означены только начатки садоводства, и отметки, что в Севастьяновке у мельника Лаута хороший сад и лозы, что в Грязноватке у шульмейстра хороший сад, а в Верхн Кулалинке у двух колонистов имеются молодые виноградники—являются исключениями.

Большее значение уже по непосредственной связи с земледелием должно было иметь скотоводство. Но и оно почти нигде в районе не

[1]) „Историч. и топограф. описание Моск. губ.“ (Чеботарева) 1787, стр. 12.

[2]) А. Семенов, „Изучение истор. сведений о росс. внешней торговле и промышл.“, ч. III, 1859 стр. 418—419 и „Сборник сведений по истории и статистике внешней торг. России“ под ред. В. И. Покровского, I, 1902, стр. 3.

[3]) См. напр., „Словарь поваренный приспешничий и дистиллаторский“ в 6 частях 1795—97 г.г., ч. II, стр. 258—259.

получило промышленной постановки, нигде не обособило специальных хозяйств, нигде даже не отмечено главной, определяющей частью в их составе, а осталось только придатком к земледелию. Не даром же Герману казалось, что „оно (т. е. скотоводство) в сей губернии не важно".

Такое положение дело вполне понятно для Кузнецкого уезда. В ту пору проводилось, конечно, пастбищное, а не стойловое содержание скота с запасом на зиму сена. Как же можно ожидать развития скотоводства в Кузнецком уезде, когда там не приходилось на душу даже 1 дес. сенокосов? [1]) Выкашивая лесные поляны, крестьянин едва мог обеспечить себе необходимый рабочий скот для его урезанной против других запашки, молочный и мелкий скот для собственных надобностей. И у помещиков „Эконом. примеч." указывает здесь только один „конный завод" в с. Никольском—Труеве. Несколько лучше, но далеко не блестяще обстояло с степями и сенокосами и в Хвалынском и Вольском уездах. В них приходилось на ревизскую душу ровно по 3 дес. сенных угодий, а затем к услугам крестьян, очевидно, были те же лесные поляны. Конечно, и здесь не было простора для выпаса и больших запасов сена для зимнего корма более или менее крупных стад. А несколько большее обеспечение землею и большая запашка, чем в Кузнецком уезде, уже для обеспечения рабочей силой требовали наличия у крестьян большего числа голов для самих себя. И если „Эконом. примечание" по Вольскому уезду указывает у купцов Вольска Волковойных, Расторгуевых и Котенева до 460 штук рогатого скота холмогорской, английской, голландской и „кафимской" (очевидно кафинской, от г. Кафы в Крыму?) пород, 115 лошадей английской и датской пород, продаваемых по 200—400 рублей, и до 300 овец волоцкой, киргизской и черкасской пород, то, во-первых, стада эти не очень уже велики, хотя очень любопытны по составу для истории скотоводства в нашем крае, а, во-вторых, и это скромное начинание (с доходом в 4000 рублей в год) было возможно для Вольска в связи с тем, что город располагал довольно обширными землями и по нагорной и—что пожалуй, для содержания скота важнее—по луговой стороне Волги, [2]) где возможны и выпасы и запасы сена; да к услугам купцов были и казенные оброчные статьи в Заволжье. У помещиков Вольского уезда „Эконом. примечание" знает только „конный завод" Горихвостава в сельце Агаревке, скотный двор и конный завод кн. Вяземской в Царевщине (лошади „немецкой породы") да в д. Бекетовке у помещика Бекетова рогатого скота бывает до 100 голов более русской породы и лошадей до 60.

Естественнее ждать развития скотоводства в Петровском и Сердобском уездах с их сравнительно большими площадями степей и покосов —205.000 дес. в первом и 278.000—во втором; на ревизскую душу приходилось почти 5 дес. в первом и 7 дес. во втором. Однако и здесь описатель губернии по Петровскому уезду совсем не отмечает скотоводства и говорит только о „прогоне" (из других районов) скота, а по Сердобскому, сказав, что есть „конские заводы в селах Куракине, Репьевке, Засецком, Урусове, Трескине Колышлее, и деревнях Апраксиной и Бутурлинке"—все помещичьи селения,—спешит оговорится; „но в небольшем количестве". И действительно владельцы некоторых из названных здесь сел и деревень едва-ли и могли вести крупное хозяйство по своим достаткам. Все же по отношению к Сердобскому уезду имеем отметку о скупке там скота скотопромышленниками, опять с оговоркою—„частью".

[1]) См. приведенную выше таблицу угодий.

[2]) За Вольском состояло в конце XVIII века 22 800 дес. на нагорной ст. да 17.250—на луговой—см. „Протокол V общ. собр. Сарат. Арх. Ком." 1888, 14 стр.

Главным же образом этот прогоняемый чрез (казенную) дер. Елшанку в количестве до 1.300 штук скот скупался в соседних с нею Балашовском и Аткарском уездах, где, очевидно, были некоторые избытки скота. В этих уездах было, действительно, приволье для нагула убойного скота в большом количестве „выгодных для скотоводства" „пространных степей". В Балашовском уезде их считали 441.000 дес., а в Аткарском—даже 644.000 дес., а в отношении к общей площади 45% в первом и 54%—во втором. И однако крупных скотоводческих хозяйств и здесь не знаем, и гуртовщики, очевидно, скупали скотину по мелочам.

В Саратовском уезде, в котором наше „описание" отмечает „много степных незаселенных еще мест" и где в нагорной части и позже считалось еще свыше четверти миллиона десятин степи и покосов, однако ничего достойного внимания по части скотоводства не нашлось. А в Камышинском, в территории нагорной стороны которого позже полагали также без малого четверть миллиона десятин степи и покосов, оказалось 2 конских завода и „постольку же рогатого скота и овец", но очевидно, не очень „значущих", если автор кроме отметки их не счёл нужным сказать о них еще что-нибудь.

Итак, даже благоприятная обстановка некоторых уездов для скотоводства не могла отвлечь силы и средства населения в сторону разведения ценных животных. Земледелие, можно сказать, всецело владело им, суля очевидно, большие выгоды при богатой, в большинстве мест еще девственной, почве.

Не имело серьезного экономического значения в характеризуемом районе и рыболовство за исключением приволжских мест. Даже такие крупные реки края, как Сура, Хопер и Медведица, иные давно и все густо обселенные человеком, уже не давали более или менее заметного заработка рыболовам. В уездах Кузнецком, Петровском и Сердобском рыбных ловель „занимающих народную промышленность", нет—констатирует наш основной источник, а в г.г. Петровске и Сердобске в рыболовстве упражняется по нескольку человек с выручкой до 300 руб. в первом и 130 р. во втором. Ловли городов и уездов Аткарского и Балашевского описатель называет „незначущими", издержки и доходы рыболовов считает „ничтожными". По Волге в пределах Хвалынского, Вольского, Саратовского и Камышинского уездов и низовьях некоторых ее притоков было правильно налаженное промысловое рыболовство, с поставкой продуктов не только на местный рынок, но и в Москву, Рыбинск, Ярославль, Кострому, Нижний, Казань, Пензу и на Урюпинскую ярмарку. Но былые богатства рыбой всех этих вод были все в прошлом. Чтобы оценить их значение уже не в общерусском, а только в несколько более широком размере, достаточно сопоставить с ними ловы Царицынские. Общий итог по 4 выше названным уездам на пространстве около 490 верст по одной Волге дает около 2500 человек, занятых в качестве предпринимателей, а главным образом рабочих в рыбной ловле; добыча их расценивается приблизительно в 110000 руб. в год. Между тем по одному Царицынскому уезду на протяжении всего 240 верст рыболовным промыслом занято около 1300 человек, а поставляемый ими на рынок продукт стоит 105000 руб. или переводя расчет на каждого участника, в 4 уездах выше Царицынского на ловца приходится 43 руб., на промыслах Царицынского уезда каждый добывает рыбы на 80 рублей, т. е. почти в два раза более [1]). Конечно, эти цифры не могут претендовать на полную точность и скорее ориентируют нас относительно, чем

абсолютно, но все же они очень показательны. Кроме того мы имеем здесь дело с очень локализованной отраслью хозяйственной жизни, дающей заработок или доход только жителям приволжских сел; и сверх всего прочего в характеристике волжских ловель мы поневоле должны были выйти из намеченных для района географических рамок, захватив оба берега Волги и даже низовья ее луговых притоков. Для одного правобережья значение рыбных ловель и на Волге будет еще скромнее.

Значительным богатством нагорной стороны Саратовской губернии продолжали еще оставаться леса, особенно в северной части ее. Мы видели, что в Кузнецком уезде леса занимали тогда почти половину всей площади (49,4%), в Хвалынском—около трети (32,1%) и в Вольском почти 1/5 (19,7%). В остальных лесистость была слабее, но все же и в степных Балашовском, Аткарском и Камышинском она спускалась максимум до 5,3% всей площади (Балашов.). Леса прежде всего должны были обеспечить население строительным материалом и топливом. Тогда при повышенных требованиях к первому [2]) все же строевой лес был по местам даже в трех малолесистых южных уездах, хотя и не обеспечивал полностью местных нужд. При распределении леса главным образом вдоль более крупных рек—Хопра, Медведицы, Волги и Иловли—в местах, удаленных от них не хватало и дров. И даже отопление поставлялось кое-где богатой жатвой: в некоторых местах Балашовского уезда, замечает описатель „печи топят наиболее соломою". Строевого материала не хватало и в других уездах, и приволжские места получали его в виде плотов, сплавляемых по Волге и Каме; некоторые места Сердобского уезда, в котором вообще леса занимали менее десятой части площади (9,1%), снабжались строительным материалом с реке Суры из Кузнецкого уезда и Пензенской губ.

Лесные заготовки ставились в расчете главным образом только по потребности ближайших местных рынков. До 1790 г. в районе Аткарска собирались дрова и строительные материалы для сплава по Медведице в Донские станицы вплоть до самого Черкасска, но с вырубкой лесов и постройкой ряда мельниц проход по Медведице оказался очень затрудненным и после убыточной операции купца Пчелинцева в 1789 году [3]) судоходство по этой реке прекратилось. Наоборот лесные разработки для сплава по Суре в Кузнецком уезде, как кажется, расширялись. Этот присурский район и был, можно сказать, единственным, где лесное хозяйство велось не с потребительскими, а настоящими рыночными целями.

Обширные лесные площади, особенно северной части нашего района, были довольно богаты пушным зверем. В описаниях уездов и „экономич. примечаниях" кроме обычных и теперь волков, лисиц и зайцев называются—даже для Петровского и Саратовского уездов—куницы, горностаи, а для более северных мест и медведи. Обилен был край и дичью лесной—преимущественно на севере, степной главным образом на юге и водяной и болотной—повсюду. Условия, казались бы, очень

[1]) Зябловский (ч. IV стр. 271) выручку от рыболовства в Саратовской губ. (целиком, с Царицынским уездом) оценивает в 257775 руб. Но мы не знаем—при системе его соченения, к какому времени относился источник его показания, да сама по себе эта цыфра не очень велика и в ней, конечно, львиная доля падает на Царицынский уезд. Ак. Герман продукты рыболовства всей губернии ценит в 215000 руб.

[2]) Строевым считалось дерево с диаметром не менее 6 вершков у комля.

[3]) Когда Зябовский указывает сплав леса по Хопру и Медведице „в безлесные страны" (цит. работа, ч. IV, стр. 216), он приводит, как и в некоторых других местах, устарелые сведения.

хорошие для развития охоты. Но земледелец края мало соблазнялся этим занятием, и экономического значения охота не имела. Не только не отмечает ее описатель в качестве самостоятельной отрасли хозяйственной жизни, но и в перечне товаров, предлагаемых на рынках и ярмарках, добыча зверолова и птицелова нигде не упоминается, тогда как, например, продукты скотоводства фигурируют весьма нередко.

В противоположность охоте более домашняя отрасль хозяйства—пчеловодство отмечается во всех уездах, впрочем с оговоркой—для Камышинского „местами" и „скудное", для других—„только что почти для домашнего обихода", и лишь в Кузнецком уезде пчеловодство расценивается, как „весьма изрядное",-выпускающее на рынок мед, особенно „липовец", „в довольном количестве".

Мы закончили характеристику экономической физиономии основного по заселенности района Нижнего Поволжья с точки зрения добывающей промышленности. Мы видели, что хозяйственный уклад этого края очень однообразен. Хозяйство носит здесь резко выраженный земледельческий характер, с подсобным, почти всюду только в меру необходимости для земледелия же, скотоводством, с узко местным, только в приволжских селениях значением рыболовства, с местным же—опять в узко-ограниченном районе Кузнецкого уезда, характером лесных разработок и пчеловодства и с промысловым садоводством только у Хвалынска и Саратова.

IV. Добывающая промышленность во втором районе.

В совершенно иных чертах характеризуется хозяйство двух других районов, окаймляющих изученный нами северо-западный угол области последовательными полукольцами с юга и востока. Первый из них можно назвать промыслово-земледельческим, второй будет чисто промысловым.

В состав первого войдут Донские округа, Царицынский уезд и заволжские части Камышинского, Саратовского, Вольского и Хвалынского уездов. Мы уже знаем, что здесь на громадной площади примерно в 160000 кв. верст проживало всего около 165000 жителей, т. е. 1 человек на кв. версту. Мы видели также, что населенные пункты—числом несколько более 270—расположились только вдоль более значительных рек и речек, оставив обширные пространства девственных степей нетронутыми. Всем этим рисуется обстановка благоприятная для сложения скотоводческого хозяйства в этом районе, тем более, что земледелие и земельная теснота во многих губерниях коренной России делали невозможным ведение там животноводческого хозяйства в более или менее обширных размерах и, значит, создавали потребность в лошадях, мясе и других продуктах скотоводства.

И действительно скотоводство выступает на первый план во всех заметках о хозяйственной жизни разных частей этого района и при том оно определенно связано с рынком. Так в описаниях донских станиц всегда раньше называется скотоводство, иногда с квалификацией „изрядное" (ст. Арчадинская на Медведице, Дурновская на Бузулуке и др.), а потом уже хлебопашество, как ни привыкли русские географы того времени прежде всего рассматривать и важнее всего ценить именно земледелие. Зябловский же прямо указывает, что „от тучных паств скотоводство повсеместно составляет главнейшее упражнение жителей". В отношении нас занимающих округов можно подметить, как кажется, что более близкие к Воронежской губ. станицы более богаты овцами, главным образом черкасской породы, может быть, не без связи с тем, что в Воронежской и Тамбовской губ. давние и очень большие суконные фабрики с выработкой исключительно грубого солдатского сукна. В восточных станицах, видимо, большее внимание уделялось коневодству. Зябловский, подчеркивая особую профессиональную любовь казака к своим донским коням, сообщает, что у отдельных казаков были табуны до 500 лошадей—цыфра немалая по сравнению с данными о „конских заводах" Саратовской губернии.

Большое количество скота, естественно, требовало и значительных заготовок сена на зиму. В этом отношении своих рабочих рук не хватало в донских станицах и, например, из Сердобского и Балашовского уездов крестьяне уходили „для косьбы сена" в казачьи станицы. Конечно, широкие размеры скотоводства на Дону выходили из рамок удовлетворения местных потребностей, и продажа казаками лошадей, скота, шерсти отмечается в числе "знатных торговых промыслов" местного населения [1]).

[1]) Общие данные о Донской области у Зябловского, указ. работа, ч. VI, стр. 418—448 и в сводном и независимом от Зябловского „Словаре Географич. Росс. Государства" Щекатова ч. II 1804 г., статьи „Дон", „Донская степь", „Донские казаки", „Жилища донских казаков". Об отдельных станицах—здесь же во всех семи частях. Ниже будут цитироваться только иные, кроме названных, материалы.—Об отходе из Сердоб. и Балаш. уездов в цитир. описании Саратовской губернии.

Что касается Царицынского уезда, то автор известного нам описания Саратовской губернии, только один этот уезд выделяет отметкой, что жители его „изрядное имеют скотоводство, свойственное крестьянскому званию, из рогатого скота, овец русской породы и лошадей". И в отношении помещичьих заводов это описание, квалифицирующее их в 9 уездах губернии как „малозначущие", выделило, даже в общем введении, 2 завода в Царицынском уезде ген. Савельева, имевшего 200 лошадей горской, татарской и донской пород, до 50 голов рогатого скота (помесь русского с калмыцким), до 500 русских овец и 50 коз, и майора Савельева, у которого было до 200 лошадей и 100 коров тех же пород и 1000 овец русских и украинских.

Также и для севера Заволжья мы имеем в описании Иргизских старообрядч. монастырей данные об их „заводах лошадей и рогатого скота": в Успенском на 137 насельников имеется 80 лошадей, 50 дойных и 100 молодых коров, в Средне-Никольском с населением в 81 человек —54 лошади и 90 коров, в Воскресенском, в котором постоянных жителей считалось 110 человек,—104 лошади и 125 коров. При этом скотоводство и здесь носит не потребительский, а торговый характер. Доход от продажи лошадей и коров преобладающая статья в общей сумме получений от собственных монастырских предприятий: в первом монастыре он составляет 800 руб. из 1200 руб. всего дохода, а в третьем 1100 руб. из 1900 руб.

Сплошные данные по немецким колониям Заволжья позволяют думать, что и их скотоводство было не только видной статьей их хозяйства, но и велось в расчете на сбыт. В среднем на каждый двор (считая и безземельные, которых было около 7% общего количества) с средним составом 6⅓ души обоего пола приходилось до 6 коров, 7½ лошадей (в обоих группах с молодняком) и около 8 овец. Обеспеченность более, чем высокая, особенно по лошадям, для чисто потребительского хозяйства, и как раз по лошадям более высокая, чем в среднем по всем колониям губернии (6 с небольшим).

В противоположность скотоводству, земледелие этого района построено главным образом в расчете на собственное потребление.

О донских казаках авторы начала XIX века прямо говорят, что они „не любят" заниматься земледелием, что они „пашут землю только для собственной потребы" или сеют хлеба „только сколько почти требуется для домашнего продовольствия", хотя „всякой хлеб... удается там превзрядно". Но если от зерновых культур мы перейдем к бахчевым, то увидим, что развитие их связано с рынком, тем более, что степная целина давала продукты хорошего качества. „Арбузов и дынь"—говорят наши материалы, „сеют казаки в степи такое множество, что отвозят их на продажу в Москву и др. города, где за превзрядную их доброту охотно покупают".

Скромная роль земледелия в Цариц. у. достаточно хорошо характеризуется двумя цифрами. Из общей территории уезда почти в 2 милл. десятин (точнее свыше 1,900,000 дес.) на долю пашни приходилось всего около 32,000 дес., т. е. 1,7% всей площади. На душу ревизского населения в уезде было всего 2½ дес. пашни. Если с этими данными сопоставить знакомые уже нам указания, что в наименее (относительно) распаханном Аткарском у. было под пашней все же более 20% площади и что в самом малоземельном Кузнецком у. на ревизскую душу приходилось 4,7 дес. пахотной земли [1]), то характер земледелия в Царицын. у.

[2]) Не беру для сравнения наиболее близкий географически Камышин. у., т. к. для него нет раздельных данных по нагорной и луговой сторонам.

будет вполне ясен. И здесь только бахчеводство выходило за рамки потребления.

Для заволжских частей Камыш., Сарат., Вольск. и Хвалын. уездов сплошными данными не располагаем, но здесь картина едва-ли была однородной. Напр., иргизские монастыри, энергично занимавшиеся скотоводством, земледелию уделяли мало внимания; в двух из них при 3600 дес. нарезанной земли под пашней было только до 250 дес., т. е. менее 7%, и на каждого постоянного жителя приходилось менее 1½ дес. посева. Население ряда наиболее крупных пунктов Заволжья, как слобод Покровской и Узморской—Сарат. у. Николаевской—Камышин., Порубежки и Пестровки—Вольск. у., было обременено нелегкой повинностью вывозить соль с Эльтона и не могло широко развивать земледельческое хозяйство.

Наоборот немецкие колонии, составлявшие здесь около 1/3 населенных пунктов, то прямо вытянувшиеся вдоль Волги, то расположившиеся сравнительно не вдалеке от нее, усиленно занимались в начале XIX века земледелием. Мы имеем интересные показания самих колонистов о засевах (очевидно, средние для этих лет), сведенные в таблицах и по отдельным колониям и по округам. Не загромождая изложения этими цифрами, тем более, что соотношение хлебов во всех 5 заволжских округах приблизительно одинаково, приведу лишь суммарные данные. В 56 колониях округов Нанинского и Екатериништадского—Вольского у., Красноярского и Тонкошуровского—Сарат. у. и Тарлыцкого—Камыш. у., высевалось в четвертях:

Пшеницы яровой		22,015 чт.
Овса		10,307 чт.
Ржи озимой	7,489	9,947 чт.
„ яровой	2,458	
Ячменя		1,902 чт.
Гороху		442 чт.
Чечевицы		263 чт.
Проса		200 чт.
Итого		44,884 чт.

Таким образом, в пределах немецких колоний—царство пшеницы. Ее сеялось почти ровно 50% всего высеваемого зерна, и уже, конечно, такие большие засевы ее диктовались хорошим сбытом. Тот же источник—отдельный очерк немецких колоний в описании Сарат. губ.—сохранил указание, что в 1804 г. из Нанинской и Екатериништадта (теперь Маркештадт), игравших роль сборных пунктов по отправке хлеба для всех колоний Вольск. и Сарат. уездов, было отправлено вверх по Волге на 62 судах 53 тысячи с половиной четвертей, т. е. свыше 500.000 пуд., пшеницы зерном (сбора 1803 г., когда был в крае большой урожай). Тарлыцкий округ свои излишки пшеницы сбывал мукой в Астрахань.

Остальные культуры, кроме пшеницы, имели главным образом потребительское значение; впрочем есть указание, что из Тарлыцкого округа, в котором засевалось более половины всего проса (120 чт-ей), вывозилось еще пшено.

Трудно представить себе, чтобы в отношении зерновых культур немецкие колонии были каким-то исключением среди окружающих их селений. Тем более, что и общие данные по губернии заставляют отвести пшенице первое место среди хлебов в поставках местного края на широкий рынок. Очевидно, и другие селения, имевшие возможность свободно строить свое хозяйство, в роде напр. Балакова (тогда Сарат. г.), отдавали должное пшенице, т. е. можно сказать, что преобладающая

роль этого ценного хлеба в засевах Заволжья было фактом уже начала XIX века.

Но немецкие колонии имели еще и свои специальные культуры. Почти все немецкие поселения сажали понемногу картофель, главным образом для собственного потребления. Во многих колониях утвердилась культура табаку, при чем три округа Заволжья: Краснояр., Екатериншт. и Панин.—были исключительным средоточием ее; в них получалось 96% всего сбора табаку во всех колониях право- и левобережья. Собиравшиеся в трех названных округах почти 75,000 пуд. табаку были, конечно, новой товарной статьей сельского хозяйства Заволжья.

От данных по немецким колониям может, пожалуй, сложиться впечатление, что в Заволжьи именно разные отрасли земледелия и были определяющей для общей физиономии хозяйства. Такая характеристика будет справедлива, однако, только в отношении колоний и то с учетом немалого значения в их хозяйстве скотоводства. Но сами колонии составляли в Заволжьи всего около трети поселений. Мы уже видели, что часть других селений, при том из наиболее крупных, была связана в своем хозяйстве надавшей как-раз на весь сельско-хозяйственный период принудительной доставки соли с Элтона в Камышин и Саратов. 30-ти десятинная земельная пропорция была назначена соляным волчкам как-раз для обеспечения их сенокосами и выпасами, чтобы они могли содержать необходимое количество рабочего скота, главным образом волов [1]). Да и вообще-то все население Заволжья, 60—65 тысяч душ обоего пола было слишком еще мало, чтобы превратить край с миллионами десятин степи в земледельческий район. Обширными нетронутыми целинами и заливными лугами в качестве выпасов и сенокосов широко пользовались жители не только приволжских городов, но и селений правобережья в пределах нарезанных им участков или специально снимая у казны оброчные статьи. Степь, а не пашня, даже в местах близких к Волге, наиболее типичный ландшафт луговой стороны.

Кроме хлебопашества, бахчеводства и табаководства из занятий, связанных с обработкой земли, необходимо отметить виноградарство в районе Цымлянской станицы как-раз на границе Нижнего Поволжья в намеченных нами рамках, и севернее—около Нижне-Чирской. Сравнительно недавно появились виноградники на среднем Дону, но уже с конца XVIII века „Цымлянское" (виногр. вино) пользовалось славой вездуду на Руси, хотя и упрекают писатели этого времени казаков в том, что они „совсем почти не знают обходиться" с виноградом в целях виноделия.

Настойчивые в XVIII веке старания водворить в изучаемом районе, именно в верховьях Ахтубы, шелководство ни привели ни к каким положительным результатам. Казенный шелковый завод, как предприятие безнадежно убыточное, был ликвидирован к началу XIX века, а бывшие невольные шелководы 6 образованных в связи с заводом селений, обратившись в казенных крестьян, не проявляли никакого интереса к этой отрасли хозяйства [2]). Попытки разводить тутовицу в немецких колониях и на Дону, вызвавшие новые надежды, были еще в стадии начальных опытов, но вскоре также оказались бесплодными в отношении шелководства.

Что касается леса, то в Донской области по Хопру и его притоку Бузулуку, по Медведице и отчасти по Дону приблизительно до впадения Иловли было достаточное количество лесу не только дровяного, но и

[1]) См. напр. дела Соляной Конторы (фонд Сарат. Каз. Палаты) №№ 331, 735.

[2]) Судьбе ахтубин. завода посвящена особая статья в „Топографич. и истор. описании Сарат. губ."

строевого. Леса эти были еще так дремучи, что в них встречались даже медведи. Ниже Иловли леса обеспечивали станицы дровами, а строительные материалы доставлялись сюда с Волги через Дубовку. В пределах Царицынского у. в начале XIX века были еще порядочные леса по Волге и Ахтубе, в частности в районе самого Царицына, так что в городе находился особый чиновник лесного ведомства (форшмейстер) [1]). Общая площадь лесов в уезде—143,000 дес., или 7½% всей территории, далеко превосходила площадь пашни: лесистость этого южного уезда была большей, чем Аткарского (6%) и Балашовского (5,3%), и более или менее достаточной для обеспечения населения дровами. Были леса и в Заволжьи не только вдоль Волги, но и по ее притокам Иргизу, Б. Караману и др., т. е. как-раз там, где сосредотачивались главным образом поселения. Правда, строевой лес, бывший кое-где еще в средине XVIII в., был уже весь сведен, оставались обычно осокори, ветлы, да мелкий дровяной иных пород. Поэтому бревна и доски для построек получались с верхней Волги и Камы. Кое-где не хватало и дровяного лесу, а глубже в степи, напр. по Узеням, малая лесистость или полное отсутствие леса было одним из препятствий к заселению их [2]). Интересно отметить, что недостаток строевого леса побудил немцев Екатериншт. округа еще с конца XVIII в. проделать ряд опытов с посевами хвойных пород. До 1805 г. опыты были неудачны. В этом году должны были высеваться семена сосны, ели и даже лиственницы, присланные Вольно-Экономич. Обществом.

Нигде в этом обширном районе источники не отмечают широких лесозаготовок; очевидно, население обычно заботилось только об удовлетворении собственных нужд и в крайнем случае имело в виду потребности ближайшей округи.

Серьезное значение в хозяйстве этого района имело рыболовство. В характеристике первого района приходилось отмечать оскудение рыбой ряда, иногда и значительных, рек. Здесь, наоборот, сравнительно более позднее, а иногда прямо недавнее появление постоянных оседлых насельников и гораздо менее плотное их размещение обусловили большую сохранность рыбных богатств. Но с другой стороны и требовательность промышленников была тогда совершенно иною, чем теперь. Настоящею промысловою рыбою считалась прежде всего и главным образом „красная“: осетр, белуга, севрюга, шип, стерлядь; из „частиковой“ вниманием пользовались (из рыбных богатств нашего края) белая рыбица, сом, сазан, (карп), судак и немногие другие. Мелкая рыба, в том числе и главная питательница бедноты в настоящее время—вобла, при серьезных ловах прямо отбрасывалась. А как-раз мелкой рыбой по преимуществу и были богаты второстепенные и третьестепенные реки и речки и даже Дон в границах нашего края. И для собственного почти исключительно потребления производился лов рыбы казаками, а о таких ловлях и отзывались тогдашние авторы, как о „не составляющих народной промышленности“. Но и такой рыбы, видимо, не всегда хватало в донских станицах. Есть указание, что казаки, очевидно, ближайших к Волге мест, с разрешения Сарепты приезжали ловить сельдь в отведенной Сарептянам Воложке; лавливали в лето до 120.000 штук, так что возили ее и на продажу. Но в последние годы, замечает автор, уже не приезжали,—очевидно, с оскудением ловов и здесь,—можно прибавить.

[1]) Кроме „Топограф. и историч. описания Сарат. губ.“ см. еще „Из дел Царицын. градской думы“ Н. А. Соловьева в 21 вып. „Трудов Сарат. Арх. Комм.“, стр. 43—70.

[2]) См. напр. оценку удельным ведомствам района Узеней в 1805 г.—историч. архив О-ва Краеведения, серия „Сенат“, № 1179—819.

Более богатыми, как кажется, были рыбные ловли в степных притоках Волги—Иргизе, по которому сдавались на откуп места на 200 верст от устья, Еруслане—на 30 верст и др. Даже озерки Заволжья приносили доход владельцам: напр., один Иргизский монастырь имел с рыбного озера 100 рублей доходу, другой—от рыбной ловли в Иргизе и озерах—„за продовольствием братии“ даже 300 рублей.

Но главные ловли были в Волге. Выше уже приводились данные о размерах рыбной промышленности в пределах Царицынского уезда и характеризовались слитно с правобережными волжские ловли у левого берега на пространстве четырех других уездов Саратовской губернии. Здесь, чтобы яснее представить роль рыболовства в Царицынском уезде, нужно отметить, что 1.300 человек, занятых им, составляют ровно $^1/_{10}$ всего ревизского населения уезда (со включением города и посада Дубовки). В отношении мужского работоспособного населения процент рыбопромышленников был, конечно, еще более значительным. И очень вероятно, что к обслуживанию рыбных ловель привлекались пришлые рабочие из других уездов.

Но и самое крупное по оборотам Царицынское рыболовство имело в сущности только местное, для сравнительно узких береговых полос по Волге на протяжении около 240 верст, значение. Уже при краевом, не государственном, масштабе оно в общей массе поставок на рынок рыбных продуктов Нижнего Поволжья занимало, как выяснится ниже, очень скромное место.

Наоборот, с широким общегосударственным значением выступает другая отрасль хозяйства характеризуемого района—соледобывание. Элтон, с которого в начале XIX века вывозилось ежегодно около 8 миллионов пудов соли, что составляло свыше трети (37%) всей годовой добычи государства, занимал первое место в соляной промышленности тогдашней России. Элтонской солью снабжались, кроме Саратовской, все вышележащие поволжские губернии по Ярославскую включительно, ряд губерний центральных—Владимирская, Рязанская Тульская, Орловская, Курская и Воронежская (последние три не полностью), и, конечно, лежащие среди названных Тамбовская и Пензенская, т. е. всего 14 губерний, да еще ряд губерний получал соль из Нижегородских магазинов, заполнявшихся элтонскою—преимущественно и пермскою солью. Отсюда уже видна роль Элтона в обеспечении солью страны. Но как-раз в 1805—06 г.г. шла речь о дальнейшем расширении соледобывания в в этом озере, а вскоре началась и реализация этих проэктов [1]).

Организация снабжения солью с Элтона представляла много своеобразных трудностей. Озеро лежит в глухой и неприютной песчаной степи. Не только у самого озера, но и на большом радиусе кругом не было и не могло быть вследствие крайнего недостатка пресной воды ни одного постоянного населенного пункта. И потому все работы по добыче и вывозке соли нужно было ставить силами приходящих сезонных рабочих. С ранней весны и до поздней осени работали на озере свободные артели „ломщиков“ общей численностью до 1000 и более человек. Это были главным образом крестьяне Саратовской и Пензенской губ. Примитивным инструментом вручную выламывали они со дна озера большие глыбы соли, вывозили на берег, разбивали на более мелкие куски и после легкой промывки соленым же раствором озера (рапой)

[1]) В „Топограф. и историч. описание Саратовской губернии“ нет данных об Элтоне: они были представлены в министерство отдельно. Для общей ориентировки по России см. указ. работу Зябловского, ч. II, стр. 314—323. Большое количество архивн. материалов в фонде Сарат. Каз. Палаты. Хорошую разработку вопроса для начала XIX века дал акад. Герман в статье „Статист. описание озера Элтона“ в первой части I т. „Статист. журнала“ 1806, стр. 158—224.

складывали в кучи, готовые к отправке. Свою заработную плату, крайне низкую, они получали с возчиков, продавая им соль по 40—80 копеек воз (около 60 пудов); в редких случаях цены поднимались до рубля, но бывало, что и опускались до 20 копеек (по данным самого конца XVIII. века).

Пожалуй, не менее трудным делом была и вывозка соли с Элтона. Нужно было преодолеть песчаную безлюдную и почти безводную степь на пространстве 127 и 258 верст (по тогдашнему счету), чтобы доставить соль на базисные склады, в „соляные магазейны" Камышина и Саратова. Эту работу правительство, державшее в своих руках монополию снабжения солью населения, возложило на особую группу населения—„соляных возчиков". Освобожденные от военной службы и податей, наделенные двойной против других крестьян нормой земли (30 дес.), они обязаны были доставлять соль с Элтона в Камышин и Саратов, получая с казны по 6 копеек с пуда до первого и по 10 копеек до второго (с 1806 года плата была повышена до 7 и 13 копеек). В рассматриваемые годы числилось в Саратовской губернии около 12.000 ревизских душ „соляных возчиков", выставлявших до 16.000 пароконных или—гораздо чаще воловых подвод. Селения возчиков были как в Заволжьи (к названным выше, надо прибавить Рахинку Царицынского уезда), так и в правобережьи Саратовской губернии (Котовы хутора Камышинского уезда, Самойловка или Три острова—Балаш.). Желание увеличить вывоз соли с Элтона привело к тому, что правительством были куплены в начале 1807 года для обращения в возчиков целые помещичьи села: Краснояровка Камышинского уезда и Песчанка Балашовского с 1800 ревиз. душами [1]).

Далее предстояло еще развести соль до мест потребления, но это делалось уже наймом от казны или чаще чрез подрядчиков, водою и сухопутьем.

Таким образом соляная промышленность Элтона не только географически входила во второй—по нашему делению—район Нижнего Поволжья, но и тесно связана была экономически с значительными группами населения и этого и первого района области.

Для полноты обзора добывающей промышленности этого района надобно еще отметить, что охота имела здесь более существенное значение, чем в первом, и донские казаки уделяли ей часть своего времени. Из промысловых животных, кроме обычных и теперь, нужно назвать сайгу и дикую лошадь (тарпана).

---

[1]) Дела Сарат. Каз. Палаты №№ 326, 746, 1.304, 1.310 и др. Полн. Собр. Законов т. XXIX, № 22.058.

Вопрос о том, почему—именно усиленно разрабатывался Элтон, не входит в нашу тему, но можно сказать, что добыча озерной соли была наиболее дешевой, а из соляных озер Элтон был самым близким к достаточно заселенным районам и к Волге, облегчавшей дальнейшую развозку соли; Баскунчак—будущий центр волжской соленромышленности—ближе к почти безлюдной и менее удобной для судоходства Ахтубе. Но и Элтонская соль выходила казне с убытком, как показывал Герман.

V. Добывающая промышленность третьего района.

Третий район Нижнего Поволжья, состоявший из Астраханской губернии и земли Уральского казачества, самый обширный по территории, как мы уже выдели—около 240000 кв. верст—и наименее заселенный —около 0,8 чел. на 1 кв. версту.

Выше он охарактеризован, как промысловый. Действительно, хлебопашество не имело здесь почти никакого значения. Оседлое население по Волге и Ахтубе в некоторых местах не располагало удобною для зерновых хлебов землею, в других возделывало ее совсем не для хлеба, и лишь в очень малой мере крестьянствовало по настоящему. По официальным данным, сбор хлебов по Астраханской губернии выражался скромной цифрой 4000 четвертей в 1803 г. и 6¼ тыс. четвертей—в 1804 г. [1]). Уральские казаки в начале XIX века только-только начинали в самых скромных размерах пробовать сеять хлеб [2]). Кочующие народы Волжских и Уральских степей, составлявшие более половины населения в районе, совсем не знали земледелия, хотя и имели вкус к хлебу, особенно пшеничному. Таким образом, перед нами в отношении хлеба отнюдь не производящий, а чисто потребляющий район. И на удовлетворение нужды жителей его в муке и крупе шли хлебные избытки прежде всего земледельческого района Нижнего же Поволжья и земледельческих селений Заволжья, хотя поступал хлеб и из других далее лежащих, а для Уральской земли частью и ближних, но все же внеобластных мест.

В области земледелия в Астраханском крае следует отметить, однако, как-раз в начале XIX века делавшиеся удачные опыты культуры кунжута. С другой стороны шли разговоры и о возможности опытов с хлопчатником [3]).

В отношении леса, как и хлеба, Астраханский край всецело зависел от привоза. Не только строительные материалы— для всей губ., но даже и дрова —во всяком случае для самой Астрахани доставлялись с Волги, Камы и Вятки [4]). В Уральской области по Уралу были собственные леса, во всяком случае обеспечивавшие жителей топливом.

Средства к существованию население этого района сыскивало иными путями, и среди них связанные с обработкой земли имели сравнительно небольшое значение.

Славное и когда-то монопольное бахчеводство Астраханского края имело теперь, хотя и продолжали считаться лучшими астрах. арбузы, преуспевающих конкуррентов в виде ближе относительно районов потребления расположенных бахчевых хозяйств Царицынск. и Камышинск. уездов, Донской земли, Воронежской губ. и ряда мест Украины.

Более важною отраслью являлись садоводство и особенно виноградарство, сосредоточенные на юге края, в самой дельте, в особенности же в окрестностях самой Астрахани. Около города считалось 124 вино-

[1]) Зябловский, назв. работа, ч. V, стр. 477; (Равинский), Хозяйств. описание Астраханской и Кавказ. губ.—книга, напечатанная в 1809 г., но составленная в 1804 году.

[2]) Равинский, стр. 379—380; Ден, назв. работа т. 1, стр. 198, прим. 2.

[3]) Зябловский, ч. II, стр. 143, 141; Равинский, стр. 337—340.

[4]) В деле № 224 фонда Астрах. двор. собрания—в Астрах. губархиве имеются интересные данные по организации торговли дровами в Астрахани в самом конце 18 века.

градника и сада с 1—6 тысяч. лоз каждый, а в уезде Астрах. был даже сад с 35000 лоз. В Красном Яру и его уезде виноградники (всего 3) были потребительского характера, но фруктовые сады, хотя и небольших размеров (до четверти десятины), уже числом своим—338 в крохотном городке с 2200 жителей обоего пола—свидетельствуют о промышленном их значении. И фрукты, и особенно виноград, из которого мало делали вино, доставлялись отсюда по городам, особенно в Москву. По указаниям Равинского, виноградники в хороший год приносили своим владельцам до 100000 руб. валового дохода.

Шелководство, которому в XVIII веке уделялось много внимания правительством, не получило особого развития и не могло обеспечить сырьем даже местные, астраханские шелкоткацкие заведения. В 1798 году Астраханская губ. дала 256 пуд. шелка, в 1802—364 пуда [1]).

Определяющими в хозяйстве этого района были рыболовство (и лов тюленей) и главным образом для него же производившееся соледобывание с одной стороны и скотоводство—с другой. При этом рыболовство было организовано силами оседлой части населения, скотоводство сосредоточивалось преимущественно в руках кочевников.

Рыболовство на Урале, на всем протяжении от Илецкого городка до самого моря, принадлежало коллективу Уральского казачества. Своеобразные приемы общинного рыболовства уральцев неоднократно описывались в литературе и здесь не место останавливаться на этой стороне дела. Важно лишь отметить, что велась эта отрасль хозяйства только местными силами.

Урал был очень богат лучшими сортами рыб и ежегодно сотни тысяч пудов—по сведениям министерства внутренних дел—разных сортов, главным образом, красной рыбы и икры за удовлетворением местных потребностей поступали на широкий рынок государства. Валовой доход уральского рыболовства определялся для начала XIX столетия примерно в 600000 рублей [2]). Это при 30000 всего населения Уральского края!

Только добыча декабрьского улова и январьского багрения могла быть доставлена на далекие рынки в свежем—замороженном виде. Весь улов весенней (май—июнь) и осенней (октябрь) „плавен“ необходимо было консервировать. И для этой заготовки рыбы и икры и для домашнего потребления казакам была разрешена беспошлинная добыча соли из ближайших степных соляных озер. Это соледобывание, размеры которого неизвестны, проводилось также местными силами и имело только местное значение.

Уральское рыболовство, как мы только-что видели, было величиной очень крупной. Но еще значительнее по размерам и рабочей силе рыболовство Астраханское.

Это последнее охватывало громадную территорию. Волга в ее низовьях от границы Саратовской губ. и особенно самые устья ее ниже Астрахани, побережье Каспийского моря от западных границ губернии до самой Эмбы—были главными местами лова. Но астраханские же промышленники эксплоатировали и Сальяны—побережье Каспия у устья Куры и самые низовья этой реки и некоторые другие места в пределах Персии—„Персидский промысел“.

Астраханское рыболовство было организовано капиталистически. И как-раз в начале XIX века купеческий капитал получал возможность удобнее охватывать рыбное дело. В течение второй половины XVIII

[1]) Андросов, Хозяйств. Статистика России, 1827, стр. 125.

[2]) Е. Зябловский, „Статистич. описание Российской империи в нынешнем ее состоянии“, изд. 2, ч. 4 и 5, 1815, стр. 148 (данные начала XIX века).

века земли по Волге в разных местах и бесплодные побережья моря путем купли и аренды у казны, а главное вследствие щедрых пожалований перешли в руки помещиков. Дворянству же—именно кн. Куракиным—были отданы Павлом казенные учуги и ловли по близости Астрахани, находившиеся с 1762 года во владении астраханского купечества. Вследствии этого рыбопромышленники оказались связанными в своей промысловой деятельности волею новых землевладельцев и вынуждены были арендовать свободные ранее берега для устройства ватаг и самые воды для постановки ловли. И вот в 1802—1803 г.г. для предоставления рыбных промыслов „во всеобщее употребление" были возвращены в казну дворянские земли, связанные с рыбными ловлями, с оставлением за владельцами по 1 кв. версте на каждый налаженный ими промысел; исключением были укрепленные ранее „в вечность" земли Безбородко и ловы Куракинские. Кроме того, в те же годы было предписано все учуги (загородки, препятствовавшие ходу рыбы вверх по Волге), кроме четырех Куракинских, „немедленно и навсегда уничтожить" и вместе с тем воспрещены к употреблению все „орудия, во вред общественный, для преграды свободного хода рыбы употребляемые, во всех устьях и протоках, из моря вверх реки Волги впадающих" [1]).

Этими мероприятиями в значительной мере раскрепощалось рыболовство в крае и становились более ценными ловы выше Астрахани, немало обессиливаемые до того учугами и другими приспособлениями в мелких протоках самых низовьев реки. И капиталы Варвация, Сапожниковых, Вахрамеева, Перетца и мн. др. более свободно и с большей выгодой вкладывались теперь в развитие астраханского рыболовства.

В 1804 и 1805 г.г. по оффициальным данным работало по 70 ватаг, насчитывавших 11—в 1804 и почти 10 тысяч—в 1805 году рабочих. Улов только более крупных пород—осетров, севрюг, белуг, сомов и сазанов—определялся для этих лет в 1.200.000 и 1.170.000 штук. С прибавлением более дорогих из мелких пород—стерлядей и лососей добыча исчислялась, включая и „Персидский промысел", в 4.000.000 штук. „По уверению знатных промышленников" добыча 1802 года продана почти за 2 миллиона рублей. Но оценка эта, видимо, очень скромная. По данным мин. вн. дел для 1804 года она оценивалась (с тюленьим промыслом) в 4.700.000 рублей. Выручка от тюленьего промысла определялась примерно в 200 тыс. руб. Таким образом рыболовство давало около $4^1/_2$ миллионов валового дохода промышленникам. „Персидский промысел" за отдаленностью и невыгодностью использования менее ценных пород давал сравнительно небольшую добычу. По „записке" 1801 года 12 судов, ходивших на ловлю к берегам Персии, привезли всего 131.500 шт. севрюг (главным образом), осетров и белуг общей ценностью, включая клей и икру, примерно в 200.000 руб. Таким образом главную массу продукта давало рыболовство, связанное с Нижним Поволжьем не только организационно и местом первоначального поступления на рынок—чрез Астрахань, но и географически, по районам добычи. [2])

Астраханской рыбой не только более дорогих сортов красной, но и более доступной массе частиковой, в свежем, а более в соленом и вяленом виде снабжалась громадная часть государства, а икра паюсная и зернистая в качестве дорогого деликатеса направлялась и в Западную Европу.

---

[1]) См. мою статью „Заселение Астраханского Края в XVIII веке" в астр. журнале „Наш Край", 1926, № 4.

[2]) Кроме указанных ранее работ Равинского и Зябловского (ч. V „Землеописания" и ч. IV—V „Статистич. описания", стр. 160—162)—дело № 2265 фонда Губ. Правления в Астрах. губ. арх. бюро.

Так как главный лов рыбы на астраханских промыслах проводился весною, частью летом и осенью и менее всего зимою, то заготовка рыбных продуктов требовала большого количества соли. С этою, главным образом, целью и была поставлена разработка соли на астраханских озерах. В Бассинских, Мочаговских и Поводорменском озерах ежегодно нагребали в начале XIX века 750—850 тыс. пудов, которые поступали главным образом в магазины Бертюльской пристани для надобностей рыбопромышленников.

Второю после рыболовства важнейшею отраслью хозяйства описываемого района было, как уже замечено выше, скотоводство. Изобилие степей и наличие в составе населения кочевников уже заранее направляют к этому виду хозяйства внимание и исследователя и читателя.

Однако роль одной из групп кочевого населения в общей структуре экономики Нижнего Поволжья еще совершенно не определилась. Киргизы, совсем недавно бывавшие здесь в качестве временных и опасных для ближайших мест захватчиков степи, в период, нас занимающий, только еще начинали, при том не без шероховатостей в отношениях с русскими властями и не без попыток и реализаций уходов назад за Урал, только еще начинали обосновываться в качестве уже постоянных, хотя и подвижных, насельников степи и более или менее мирных соседей ранее осевших по краям этой степи русских. Ни сами киргизы не успели еще хорошо освоиться с новой обстановкой, ни русские не сумели еще победить, как следует, недавнего страха и войти в интенсивные связи с новыми жителями области. Так в значительной мере обособленно жили в глубине степей между Волгой и Уралом их новые владыки. И почти нацело самодовлеющим оставалось их полностью обоснованное на скотоводстве хозяйство. Роль его в сложном целом экономики Нижнего Поволжья была еще в будущем.

Наоборот, хозяйство калмыков, в основе своей также скотоводческое, было уже элементом в хозяйстве области. Мы имеем и цифровые показатели для калмыцкого скотоводства. По данным русских приставов у части калмыков, именно на 13½ тыс. кибиток (о 4000 кибиток сведений нет), т. е. приблизительно на 43—44 тыс. душ населения, считалось 57 тыс. верблюдов, 158 тыс. голов крупного рогатого скота, 230 тыс. лошадей и 734 тыс. овец. Иначе говоря на кибитку с 3—4 душами населения приходилось 4,3 верблюда и 17,3 лошади, 11,8 голов крупного рогатого скота и 55,1 мелкого. Данные эти едва-ли отличаются полной точностью, но во всяком случае иллюстрируют среднюю обеспеченность калмыков скотом. Само собою разумеется, что именно скот—главное богатство калмыка—служил средством приобретения необходимых товаров со стороны. И главным образом именно калмыцкие лошади и скот, шкуры и шерсть фигурировали на крупных рынках Нижнего Поволжья и шли отсюда внутрь государства.

Скот же был главным имуществом и небольшой народности кундровских татар. По скотоводству же немало внимания уделяло и сельское оседлое население Астраханского края, отмечается оно и у помещиков его; а относительно уральских казаков прямо указывается, что „содержание скота почитается“ у них „за превосходный промысел“, что и рогатый скот и лошади у них хорошего качества и что с Урала „гоняют скот на Волгу, а сало и кожи отпускают в те места, в коих есть кожевенные и мыловаренные заводы“.

Мы лишены возможности как-нибудь конкретизировать размеры продаж скота уральскими казаками. Что же касается калмыков и астраханских татар, то по показаниям покупщиков их скота они продавали

его в начале XIX века на 800.000 р. первые и на 200.000 р. вторые ежегодно. При тогдашних ценах в Астрахан. губ.: лошадь 12—18 руб., корова 7—12 руб., бык 12—18 руб. и баран 2—4 руб.—1 миллион рублей в переводе на скот даст во всяком случае более ста тысяч голов. Так значительны в одном Астраханском крае „товарные" излишки скотоводства.

Наконец, охота в этом районе имела более серьезное значение, чем в обоих предыдущих. Волки и корсаки (степные лисицы), сайгаки дикие лошади (тарпаны) в степях, кабаны в волжских и уральских плавнях, бобры в устьях Урала и ряд других зверей и масса дичи доставляли богатую добычу охотникам из кочевников и оседлого населения, особенно уральским казакам, у которых охота была настоящим и постоянным промыслом. И за обеспечением собственных потребностей разные сорта мехов и шкур сбывались скупщикам.

Еще существеннее, уже в обще-государственном масштабе, была роль морской охоты на тюленей. Каспийское море считалось тогда самым богатым этими животными и на островах Святом, Долгом, Кулалах и др. их добывали в начале XIX века ежегодно свыше 150.000 штук. Тюлений промысел, в отличие от обычной охоты, был организован капиталистически. Ежегодно из Астрахани уходило до 12 специальных судов с 200 наемных работников. По указаниям Равинского, охотник получал за тюленя по 30 коп., а вся добыча давала промышленникам—организаторам до 200.000 руб. валового дохода. Из тюленей использовался в сущности только жир, который по перетопке являлся одною из видных статей в поставках Астрахани на внутренние рынки.

Так рисуется нам состояние добывающей промышленности в Нижнем Поволжье в начале XIX века. В первом районе, на территории 9-ти уездов нагорной стороны Сарат. губ. исключительное значение в хозяйстве имеет культура зерновых хлебов. В экономике второго района в донских округах и остальной части Сарат. губ.—при потребительском земледелии выступают на первый план соледобывание, скотоводство и рыболовство. Третий район—Астраханско-Уральский край живет главным образом рыболовством и скотоводством, отчасти охотой и садоводством.

VI. Обрабатывающая промышленность в Нижнем Поволжьи.

Если разделение Нижнего Поволжья на экономические районы проведено выше на основе только добывающей промышленности, то это сделано потому, что промышленность обрабатывающая не имела существенного значения в хозяйственной жизни области.

Правда, первое впечатление от материалов как-будто идет против такого решительного утверждения. Пусть не отмечают наши источники фабрик и заводов в земле уральских казаков, пусть о Донской области в целом имеем категорическое свидетельство, что там „нет ни фабрик, ни заводов, кроме нескольких винокуренных“ [1]), за то по Саратовской губ. нам указывают 127 (Зябловский) или 128 (Голицын) „фабрик и заводов“, а по Астраханской 174 (первый) или 195 (второй) таких предприятий. И это еще без мукомольных мельниц, которые были и в Донской области. Однако попытки вскрыть экономическую сущность явления, прикрытого голой цифрой, скоро убеждают, что такие статистич. показания только вводят в заблуждение современного читателя, что термины „фабрика“, „завод“ понимались в начале XIX века иначе, чем теперь, да и тогда понимались не всеми одинаково. В этих трех сотнях „фабрик и заводов“ Саратовской и Астраханской губ. встретятся и даже часто—предприятия кустарного характера.

Переходя к обзору отдельных отраслей производства, можно наперед сказать, что в крае была слабо налажена обработка для рынка даже собственного сырья.

Возьмем прежде всего хлеб.

Мы располагаем довольно хорошими данными, чтобы судить о мукомольном производстве в Нижнем Поволжьи. Правда, наши сведения охватывают только одну Саратовскую губ., но, как мы уже знаем, именно она была основным районом производства хлеба. Известное нам „Описание“ этой губернии показывает на территории ее (кроме Вольского уезда) около 1200 мукомольных мельниц [2]), из них не менее 750 водяных. Эти последние составляют главную массу мельниц на севере—в уездах: Кузнецком, Хвалынском, Петровском, Саратовском, и очевидно, в близком к ним по обстановке Вольском, в которых (кроме Вольского уезда) всего 14 ветрянок и то главным образом в Заволжьи; ветряные, наоборот, преобладают в южных уездах—Балашовск., Царицынск. и особенно в Аткарском, в которых составляют $^5/_7$ общего количества.

Сама по себе цифра 1200—1300 мельниц в губернии говорит мало об их значимости. Немного прибавит и сопоставление с населением: одна мельница приблизительно на 650 жителей. Но если сказать, что, напр., в Московской губ. с 1.120.000 или, без Москвы, с 920.000 жителей было всего 681 мукомольная мельница (652 водяных и 29 ветряных), т. е. одна мельница обслуживала 1350 жителей, то может показаться,

[1]) Зябловский, Землеопис Росс. империи, ч. 6, 1810, стр 435. Кн. Голицын в „Статист. таблицах Всеросс. империи“, 1807, даже не ввел в свои таблицы по промышленности ни Донской, ни Уральск. областей.

[2]) Выше уже отмечалось, что описание Вольского у. в копии дефектно; в нем можно полагать до 100 мельниц, гл. обр. водяных. Данные о городе Вольске имеются и включены в общий итог.

что избыток мельничных заведений в Сарат. губ. связан с работой их на рынок. Однако это не так. Ветрянки, которых так много в нашей губ. и так мало в Московской [1]), уже по самой конструкции своей были, как и теперь, промышленными заведениями мелкого, кустарного типа. Но и водяные мельницы, которые в центрально-промышленном районе и в частности в Московск. губ. встречались нередко о 6, 8, 10 поставах, в нашем крае отличались также малыми размерами. „Экономические примечания" обычно отмечали в описаниях мощность мельниц, которые попадали на их страницы. И вот по Кузнецкому уезду из 54 зарегистрированных ими мельниц (по „Описанию" губ. значится 90 водяных и 1 ветр.) более половины—29—работали с одним поставом, только 4 имели по 3 постава и лишь 2 по 4; высшей мощности мельниц совсем не было. Точно также из 43 водяных мельниц, расположенных на землях Вольска—пункта с большим отпуском хлебных продуктов— только 4 имели по 3 постава, остальные по 2 и по одному. А такие мельницы, как принадлежавшие Ив. Ил. Огареву, вообще очень предприимчивому человеку того времени, в с. Тугуске и д. Никольской Вольского уезда, одна 6 и две по 5 поставов и по толчее с пропускной способностью до 17 000 четв. хлеба и 2000 четв. проса и полбы, как изображается одна из них, были очень редким исключением [2]).

Таким образом большое количество мельниц малой производительности служило в крае главным образом удовлетворению потребностей в муке и крупе местного населения, расселившегося довольно далеко отстоявшими друг от друга поселками и старавшегося обеспечить себя помолом поблизости. Только такие средоточия мельниц, как 43 водяных и 3 ветряных в районе Вольска или 29 водяных у Хвалынска, могут говорить о работе их на рынок, тем более, что оба эти города занимались отпуском хлеба по Волге, а мельницы по крайней мере в Вольске сплошь принадлежали купцам.

По другим частям Нижнего Поволжья, кроме Саратовской губернии, мы не имеем таких данных о мукомолье. Но потребительский характер производства хлеба во втором районе или получение его из других мест в третьем—уже говорят за то, что там крупного мукомолья не было. Такой же крупный потребительский центр, как Астрахань с 28.600 постоянных жителей и большим числом пришлых рабочих в период рыболовства и навигации, получал почти полностью хлебные продукты в готовом виде муки и крупы, и, следовательно, не имел и нужды в организации у себя крупного перемола. И Равинский отмечает в Астр. губ. только 8 мельниц (6 ветр. и 2 водян.) в Черноярском уезде.

Другая отрасль переработки хлеба—винокурение—носила в общем более выраженный характер производства на сбыт, но и она развилась далеко не достаточно в сравнении с возможностями, которые открывало обилие свободных излишков хлеба.

Совершенно естественно, что и винокурение сосредоточено в наиболее хлебном районе—в Саратовской губернии. Здесь по статистике мин. вн. дел было в начале XIX века 52 помещичьих винокуренных завода. Общая производительность их—по данным Германа—683.921 ведро вина. Так как из четверти хлеба выкуривали тогда от 4,46 ведер вина, [3]) то заводы эти потребляли не более 150.000 четвертей

[1]) О Моск. губ. таблицы в рукоп. 42 $^{10}/_{35}$ во 2 отдел. Ленингр. Публ. Библ.

[2]) Разработкой данных „Эконом. примеч." по Кузнецкому у. автор обязан своему ученику Н. С. Дадонову. Данные о мельницах Вольска и Огарева в тех же примеч. по Вольск у.

[3]) Архив Об-ва Краеведения, серия „Сенат" № 98/3739, данные об 11 заводах Сарат. губ. 1796 г. Ср. об'явления мастеров, предлагавших свои услуги, в „Моск. Ведом.", напр., 1795 г., № 49, стр. 1043—4, № 50, стр. 1067.

хлеба, главным образом ржи и частью овса. Если даже принять самое скромное показание о вывозе хлеба из губернии—658.000 четвертей, то и тогда на винокурение внутри губернии издерживалось менее $^1/_5$ товарной массы хлеба. Если же воспользоваться выведенной цыфрой товарных излишков в 1 миллион четвертей, то доля винокурения в использовании их спустится до $^1/_7$.

Приведенные выше данные определяют среднюю годовую производительность завода в 13.000 ведер. По сравнению со средней всероссийской для частных заводов—около 250 ведер в год—производительность Саратовских заводов кажется очень высокой. Однако низкая средняя для всего государства об'ясняется громадным количеством мелких винокурен украинских, белорусских и литовских губерний, в которых в XVIII веке и начале XIX-го была свобода производства и продажи вина. Но в пределах Великороссии мощность Саратовских заводов и в сравнении с частными же оказались-бы небольшою. От средней мощности 17 казенных заводов, расположенных только в Великороссии (7) и Сибири (10),—почти 66.000 ведер в год,—Саратовские отставали чрезвычайно сильно. [1])

Таким образом в масштабе Великороссии Саратовские винокуренные заводы совсем не были крупными предприятиями, если брать все их в целом. Но группа эта была составлена из разнородных по размерам и характеру заведений. Министерство внутренних дел считало в Саратовской губ. 52 винокуренных завода, а „Описание" губернии, составленное на месте, указывает для тех же лет всего 22 завода [2]). Это расхождение в показаниях об'ясняется тем, что в министерскую статистику попали не только заводы в настоящем смысле слова, но и винокурни, в которых помещики в силу дворянской привиллегии гнали вино для домашнего употребления в пределах до 90 ведер на каждого. Четыре таких „завода" отмечены и в „Описании" (в Кузнецком уезде); такого же типа была винокурня Сарепты. А если исключить такие заведения, даже не кустарного, а домашнего типа, то получим для губернии 17 настоящих заводов, производство которых велось в расчете на поставки в казну.

В сравнении с 1796 г. в течение 8—9 лет в губернии сильно возросло и количество заводов—с 11 до 17—и особенно их производительность—с 117.000 ведер до 680.000. В начале XIX века местное винокурение не только покрывало всю внутреннюю потребность в водке, [3]) но и давало значительные излишки для поставок в другие губернии.

Географическое размещение винокуренных заводов также представляет интерес. Более половины их—9 находились в Кузнецком уезде, 3 расположены в Балашовском, 2—в Камышинском и по 1 заводу имели Вольский, Саратовский и Сердобский уезды, т. е. винокурение сосредоточено главным образом в районе, наиболее удаленном от Волги и с преобладанием (относительным) в засевах ржи и овса (Кузнецк. и Сердобск. уезды). Иначе говоря, удобство сбыта хлеба, главным образом в зерне, в районах более близких к Волге, простотой и быстротой операции соблазняло помещиков—единственных винокуров—в бо́льшей мере,

[1]) Общие данные о винокуренных заводах у Зябловского в „Землеописании", ч. 2, стр. 336—337.

[2]) Собственно в „Описании" показан 21; но так как о Вольском уезде данные отсутствуют, то я пополнил пробел по „Эконом. примеч." (с данными первого же десятилетия XIX века), тем более, что один завод и в том же селе отмечен в Вольском уезде и ведомостью 1796 г.

[3]) В 1795 г. в Саратовской губернии было продано всего 177.500 ведер вина—Архив Государственного Совета, т 2, стр. 78. С тех пор потребление водки не могло возрасти даже и вдвое.

чем длительный и требующий капитала на оборудование выпуск на рынок вина.

В других частях Нижнего Поволжья винокурение не играло роли. Указанные в министерской статистике 3 „винокуренных завода" Астраханской губернии были очевидно маленькими винокурнями (для себя) помещиков, иначе их едва-ли оставил-бы без внимания в общем обстоятельный описатель этой губернии—Равинский. Такого же типа были, по всей вероятности, и „несколько винокуренных заводов" Донской области, о которых только упоминает Зябловский, да и расположены они были, вероятнее всего, вне пределов Нижнего Поволжья, в южных округах, где сосредоточивалось старшинское землевладение. Для Уральского края и таких отрывочных указаний мы не имеем.

Так обстояло дело с переработкой хлеба.

Два другие вида сырья совсем не требовали особых заведений для переработки. Соль не перемалывалась тогда не только в местах добычи ее, но и в местах продажи [1]). Рыба заготовлялась впрок сейчас же по улове на ватагах или в судах—в случае лова на море.

Промышленное использование тюленьего жира было налажено только на 15 мелких мыльных заводах Астрахани, находившихся в руках татар. Но это „татарское", как оно называется в источниках, мыло было, видимо, не очень высокого качества и заметно уступало привозному мылу „белому". Последнее стоило в Астрахани в 1796—1800 г.г. от 10 до 16 копеек фунт, татарское—ценилось в 8—8¾ копеек. [2])

Скот поступал на рынок гоном. И „бойницы", т. е. бойни, в количестве 28 (8 общественных и 20 частных) отмеченные только для Саратова, были, очевидно, простыми местами убоя скота для потребностей прежде всего и главным образом города, какие были у мясников и других городов. Промышленное использование сала отмечается 3 свечносальными „заводами" в Астрахани, 1 в Саратове и 1 в Сарепте, работавшим только для нужд колонии. Впрочем этого рода заведения повсюду в России были тогда мелкими кустарными.

Обработка кожи и шерсти почти исключительно была поставлена в формах домашнего, изредка кустарного производства. В области кожевенной промышленности заслуживают внимания только Кузнецк с 43 „заводами" с выработкой товара на 10—250 рублей в год в каждом, [3]) Вольск с 5 такого же типа заведениями, Сарепта с небольшим заводом, выпускавшим свыше 2300 кожи разного сорта (опоек, выростки, подошв. товар) и Астрахань с 12 (или 14) средними и мелкими по размерам заведениями, выделывавшими главным образом сафьян и находившимися в руках армян и грузин. В Саратове же не только не показано ни одного кожевенного завода, но даже в числе цеховых не было в 1805 г.

---

[1]) Голицын в своих таблицах в графе „Соловаренные заводы" отмечает 19 в Астрах. и 3 в Саратовской. Но это одна из тех„ неожиданностей", которыми, к сожалению, богата статистика промышленности начала XIX вкеа.

[2]) Фонд дворян. собрания в Астрах. архиве, связка № 224, дело № 4142 о таксах 1797—1800 г. г.

[3]) И. Голицын и Зябловский, пользующиеся отчетами министерства внутренних дел, показывают вообще в Саратовской губернии всего 33 кожевенных „завода", но „Описание" губернии указывает только в Кузнецке 43 „завода"; и сообщение 1806 г. говорит о 43 кожевниках в городе—свящ. А. Смирнов—„Материалы для истории г. Кузнецка" в 1 томе „Саратовского Сборника", издан. статистическим комитетом, 1881 г., отд. 2, стр. 76.

ни одного кожевника и лишь 1 сыромятник.[1]) При таких данных естественно, что продукты кожевенного производства не могли удовлетворить даже и местный рынок. И, с другой стороны, трудно думать, что в других местах, особенно далеких от крупных торговых центров, не было налажено домашней или кустарной обработки кожи, хотя и не попало это производство в наши материалы, кроме отдельных кожевников и сыромятников в немногих немецких колониях, обыкновенно по 1, редко по 2 в каждой, отмеченных благодаря детальности изображения колоний в „Описании" Саратовской губернии.

Изготовление кожаных обуви и сбруи вообще в государстве было тогда делом ремесленников и кустарей. Но наши материалы не указывают в крае даже центров обувного и шорного промыслов.

Производство шерстяных изделий в еще большей мере, чем обработка кожи, находилось на стадии домашней промышленности. Очень частые отметки „Экономич. примечаний к генеральн. межев." по Саратовской губернии, что крестьянки „прядут лен, поконь, шерсть и ткут холсты и сукна", заставляют думать, что и в менее определенных указаниях женских „рукоделий" прежде всего разумеются те же производства, тем более, что наряду с ними в описаниях мельниц оговаривается иногда, что отдельные ступы в толчеях приспособлены именно для сукноваляния. По всей совокупности этих данных выносишь впечатление, что производство крестьянского сукна было очень распространенной отраслью домашней промышленности саратовских крестьян. Конечно, излишки продукта попадали и на рынок, но и здесь мы не знаем ни одного центра, где-бы производство это поставлено было именно в целях вывоза на рынок, т.-е. перешло в форму кустарную. „Описание" Саратовской губернии указывает и две фабрики: одна чисто суконная в с. Урусове, Сердобского уезда, другая—суконная и полотняная в с. Теряевке, Кузнецкого уезда (пом. Ушаковой); на них выделывалось сукно руками местных крестьян, при том на первой только для домашнего обихода господского хозяйства; вторая—хотя и отправляла всю продукцию в Москву к помещице, без продажи на месте, но, видимо, работала на сбыт, так как давала 8.000 аршин в год.

Домашнее же производство шерстяных тканей отмечено и в Уральской земле, где казачки ткали камлоты, по местному армяки, из верблюжьей шерсти, в Астрахани и Красноярском уезде, где тем же производством камлота были заняты татарки, и в Донской области (домашнее производство сукна). В Астрахани была еще „знатная" фабрика войлочная. Производством войлока (кошмы) для себя занимались и калмычки.

Так представлена обработка сырья, составлявшего главную товарную массу области.

И другие отрасли промышленности, использовавшие местное сырье, слабо представлены в Нижнем Поволжьи.

Технические растения—лен и, главным образом, конопля,—конечно, шли целиком в переработку и в виде зерна и в качестве волокон. Но мы не знаем вся-ли переработка производилась на месте, не имеем сведений о маслобойных заведениях (намек на них только в замечании о

[1]) О Вольских заводах в „Экономич. примеч." Сарепта с большою полностью представлена в „Описании" Саратовской губернии. О мастерствах в ней данные и в архиве Мануфактур—Коллегии—2 отдел. Эконом секции Ленингр. Центрархива, св. 436; здесь сохранились и образцы кожевен. и др. производств этой колонии. Стоит отметить, что в Сарепте обрабатывали и шкуры буйволов, получавшиеся с Кавказа. В Астрахани—Равинский указывает 12, а данные министерства (Зяблоцкого и Голицына) 14 заводов. О размерах см. „Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г.", стр. 28—79.

скупке в Кузнецком уезде конопляного масла), а использование волокна было поставлено опять-таки почти полностью в виде домашней промышленности. Выше уже попутно с производством сукон отмечено и тканье холста в селениях Саратовской губернии. Ткали холст и казачки на Дону. Но это ткачество так же, как и производство сукон, ставило себе целью удовлетворить домашним нуждам, и только излишки могли попасть на рынок.

На потребности помещицы изготовлялось полотно (до 400 арш. в год) на „фабрике" в Теряевке Кузнецкого уезда. Такой же, очевидно, была и, ближе нам неизвестная, полотняная фабрика в Петровском уезде [1]). О выработке холста или полотна в Астраханском и Уральском краях данных не имеется.

Более крупными предприятиями, работавшими исключительно на рынок, были канатные заводы Саратова—5 и—по одному указанию—Астрахани—8. Впрочем, существование последних очень сомнительно, так как их указывает только Голицын.

Производительность саратовских заводов определялось в 13.000 пудов канатов (11.300 пудов) и веревок (1.700 пудов). При сравнении с данными общероссийскими саратовские заводы принадлежат к предприятиям средней мощности. Интересно еще отметить, что канатное производство оказалось в Саратове расчлененным на две стадии, сосредоточенные в независимых друг от друга хозяйствах. Витьем „канатных веревок" занимались на дому „множество" мещан, сбывавших свой полуфабрикат для окончательной обработки на заводы. Какого-нибудь учета этих мелких производителей мы не имеем, но во всяком случае Саратов выдвигается, как заметный центр кустарного и заводского канатно-веревочного производства [2]). В качестве пунктов кустарного производства канатов и веревок, особенно вожжей и тяжей, указывают наши источники [3]) деревни Бутурлиновку и Козляковку около Кузнецка.

Производство канатов в Саратове, возникшее еще в начале второй половины XVIII века, определялось потребностями волжского судоходства, в котором, как увидим ниже, Саратов играл в пределах Нижнего Поволжья крупную роль. Промысел деревень Кузнецкого уезда, конечно, связан с гужевым трактом Оренбург—Москва, прорезывавшим уезд в северной части и имевшим оживленное движение еще и в конце XVIII века. Не даром и главный продукт производства здесь—неотъемлемые принадлежности извозного дела.

Табак большею частью поступал на рынок в виде листового, т. е. так, как его выпускали сами производители. Дальнейшая переработка производилась только на небольшой фабрике Сарепты, продукты которой находили себе сбыт в Москве и Петербурге, Таганроге и Астрахани, на Украине, и, повидимому, на фабрике в Екатеринштадте [4]) (ныне Маркштадт).

Виноград астраханский сбывался, как мы уже отмечали, главным образом в сыром виде. Производство вина в Астрахани и в больших количествах на Дону было, очевидно, всецело кустарным, сосредоточенным в руках самих виноградарей.

---

[1]) Ни та, ни другая фабрика не фигурируют ни в данных мануфактур.-коллегии 1797—1803 г.г. (во 2 отд. экономич. секции Ленинградск. Центрарх.), ни в печатной ведомости о мануфактурах в России за 1812 год.

[2]) Зябловский и Голицын указывают 6 канатных заводов в Саратовской губернии.

[3]) По „Экономич. примеч. к генеральн. межеваник.".

[4]) И Зяблоцкий, и Голицын указывают 2 табачных фабрики в губ.; вторую предположительно приурочиваю к центру табаководства и скупки табаку.

„Пильных мельниц“ наши материалы знают только две в Кузнецком уезде—на Суре при дер. Липовке помещика Зубова и на Кададе у с. Комаровки пом. Злобиных. Производительность последней 7000 штук лесу и досок. Здесь же в Кузнецком уезде на Суре организовано судостроение: в 1805 г. пом. Зубовым и Наквакиным выстроено 7 и купцами 7 барок 15—17½ саж. длины и стоимостью с оснасткой „не мене 1000 руб.“ каждая. При чем Зубов строил барки для отправки вина с собственного завода. Наквакин сплавлял их порожняком в Пензу на продажу. Еще одна пильная мельница, по всего об одной раме, т. е., очевидно, для собственных нужд, строилась в Сарепте.

Шире было поставлено промышленное использование леса кустарями. „Описание“ Саратовской губ. говорит о сельском населении Кузнецкого уезда, что „доможилы (противополагаемые отходчикам) упражняются в делании саней, телег, колес, бочек, ведр сосновых и берд и в выскуривании смолы и дегтя“. С меньшей силой то же сказано и о Петровском уезде: „некоторые (крестьяне) в свободное от полевых работ время делают колеса, оси, телеги, сани, сохи и разную деревянную посуду“. То обстоятельство, что такого рода производство не отмечено в других уездах, едва-ли можно понять в смысле полного отсутствия там деревообделочной промышленности: очевидно, в Кузнецком и Петровском уездах были именно выделявшиеся центры кустарной обработки дерева, но „Описание“ их не указывает. Очень скупыми в отношении такого рода данных оказались и „Экономич. примечания“. В Кузнецком уезде они отмечают со смолокурением с. Комаровку, Чибирлей, Канадей, Богородское-Аннино (Аненково) и Дмитриевское-Тютнярь; в Пидерке и Бестянке показана сидка смолы и дегтя; в с. Богородском—Березовке (оно же Теряевка) кроме смолы производство угля. Деревообделочное производство показано в селах Гольцовке (бочки) и Евлашеве (ведра) и знакомых уже нам по веревочному производству Бутурлиновке (колеса, бочки и ведра) и Козляковке (бочки). Очевидно, колесами и телегами собственного изделия торговали и крестьяне сельца Нижн.-Дубенского. Все эти пункты расположены в разных направлениях от Кузнецка не дальше, чем на 30 верст, т. е. составляют как-бы целый район и очень близки или непосредственно связаны с отмеченным уже торговым трактом.

Вне Кузнецкого уезда знаем производство колес на продажу в немецкой колонии Саратовского уезда—Ягодной Поляне; отдельные колесники отмечены кое-где и в других колониях [1]).

Лес использовался также и на производство поташа. Зябловский и Голицын указывают 5 поташных заводов в Саратовской губ., но другие материалы позволяют отметить лишь один пункт изготовления поташа—с. Богородское-Березовку Кузнецкого уезда.

Кроме Саратовской губ. промышленное использование леса нигде в области не констатировано нашими материалами.

Из производств, поставленных на местном сырье, нужно еще отметить селитряное, гончарное и кирпичное.

Первое сосредоточено исключительно в Астраханской губернии, в которой было 20 (цифра Зябловского) или 22 (показание Голицына) „малых“, по квалификации Зябловского, селитр. заводов. Впрочем это производство вообще во всем государстве было представлено мелкими заведениями. Астраханские заводы в общей массе государства состав-

[1]). „Эконом. примечаниями“ по Петровскому уезду мы не располагаем, да они и дали-бы несколько более поздний материал.

ляли пятую часть, и, конечно, продукт их находил себе сбыт главным образом вне пределов области [1]).

Наоборот, изготовление глиняной посуды, только упомянутое „Описанием“ Саратовской губ. в общей характеристике Кузнецкого уезда, и отмеченное „Эконом. Примеч.“ в с. Нижн.-Дубенском, очевидно, удовлетворяло потребностям местного района. В Дубовку, например, глиняная посуда в числе других товаров поступала на судах с Волги.

На местное потребление и при том небольших районов, а иногда даже для домашних надобностей помещичьих экономий, была рассчитана и выделка кирпича. Кроме Саратовского края она сосредоточена в одной Астрахани, где она ставилась еще с XVII века [2]) и где теперь 18 заводов, вероятно, только-только удовлетворяли местный спрос: из всех городов Нижнего Поволжья одна Астрахань выделялась значительным преобладанием каменных строений церковных, казенных и общественных, и даже в числе разного рода „гражданских“, т. е. частных зданий —каменные составляли очень заметную величину.

В Саратовском крае, наоборот, эта отрасль промышленности очень рассеяна географически. Кирпичные заводы, обычно по 1, по 2, отмечены в 7 городах губернии [3]) (кроме Кузнецка, Сердобска и Камышина), имелись и в ряде сельских пунктов. Характерно при этом, что в наиболее богатом строевым лесом—Кузнецком уезде совсем не показано кирпичных заводов; а в Балашовском—с недостатком лесных строительных материалов—производство кирпича было поставлено в нескольких „помещичьих селениях“ с расчетом на сбыт (по 12 рублей за 1000 штук), и в самом Балашове в 1805 году был устроен завод большой— по тогдашним местным масштабам— производительности: 50.000 штук в год. Всего в губернии было не менее трех десятков заводов, но некоторые, повидимому, существовали временно, так как или были устроены помещиками „для себя“ (в двух селениях Сердобского уезда) или имели в виду определенную временную цель (в Черном Затоне Хвалынского уезда—постройку церкви).

Таким образом кирпичное производство было еще очень мало развито в крае. В параллель мы видим и очень слабое проникновение каменной архитектуры. Даже в районах с недостатком лесных материалов преобладают деревянные постройки. Так, в Аткарском уезде, включая и город, из 46 церквей только 1 была каменная, да другая строилась (обе в селах); в Царицыне из 115 купеческих домов только два были каменные, нечего и говорить, что мещанские и бобыльские сплошь были деревянными; в Енотаевске вообще не было ни единого каменного здания.

Этим, в большей части перечнем, а не экономическим анализом, вследствие недостатка материалов, и можно закончить обзор промышленности, перерабатывавшей местное сырье.

Но в крае существовали и производства, базировавшиеся на сырье привозном. Из отраслей промышленности этой группы наши материалы отмечают металлическую и ткацкую, каждую в двух видах, свя-

[1]) Общее положение селитр. промышленности у Зябловского во II части стр. 371—372.

[2]) По истории кирпичного производства в Астрахани см беглые замечания в работах Савинского, Астр. епархия, вып. I, 1905, стр. 85, в работе Ю. В. Готье, „История областн. управления в России...“, т. I, 1913, стр. 170 и 172 и Бирюкова. Ист. астрах. казач. войска, ч. I, 1911, стр. 97.

[3]) Использовать более подробные данные о кирпичных заводах Вольска в „Эконом. примеч.“ вследствие запутанности и противоречивости изложения (в копии) положительно невозможно.

занные с последней красильное и прядильное производства, и также вязанье и тканье разных мелких готовых изделий.

В отношении промышленности металлической заслуживают упоминания колокольный завод в Саратове, с литьем колоколов до 100 пудов весом, и особенно кузнечно-слесарное производство Кузнецка, где на 2.500 м. п. душ купцов и мещан было 86 по „Описанию" губернии, или даже 90,—по „Эконом. примечаниям", кузниц. Понятно, что эта отрасль хозяйства называлась главным занятием жителей после хлебопашества. Совершенно ясно также, что „деланные ими разные для работ орудия продают на месте или сдают приезжим купцам для отвозу в другие города". Последняя фраза свидетельствует о важной уже роли скупщика в этом кустарном производстве; к сожалению, мы не имеем данных ни о размерах и структуре самого промысла, ни о роли в его жизни капитала.

Несколько более обстоятельные данные сохранились для двух отраслей ткацкой промышленности: шелковой и бумажной.

Восток с давних пор слал в Астрахань шелк и хлопок в сыром, пряденом и крашеном виде наряду с тканями из них. С Востока же и на месте можно было получить краски. Сыздавна был в Астрахани и контингент лиц восточного происхождения—персы и главным образом армяне,—которые могли поставить производство. В самой же Астрахани и неподалеку от нее был и потребитель, воспитанный на восточных вкусах. И с давнего времени, вероятно еще с XVII века, и было налажено в Астрахани производство хлопчатобумажных, а главным образом шелковых тканей восточного типа и связанное с этим красильное дело. На начало XIX века видело эту отрасль промышленности уже в состоянии кризиса. Уход из пределов России главной части одного из основных потребителей калмыков, отлив индийских капиталов, оплодотворявших, хотя и на тяжелых условиях, эту отрасль производства, и конкуренция технически лучше поставленных и экономически более мощных московских шелко-ткацких фабрик, были главными факторами, создававшими затруднения для астраханской ткацкой промышленности. Она пробовала несколько переконструироваться. Если в середине XVIII века доминировало здесь производство шелковых тканей, теперь, в новой обстановке, переходили преимущественно к выработке более дешевых хлопчато-бумажных изделий. На этой стадии и застают астраханскую ткацкую промышленность первые годы XIX века [1]).

Астраханец Равинский считал в своем городе в 1803 году 92 фабрики, не дав распределения их на шелковые, бумажные и красильные. Мануфактур-Коллегия в 1798 году получила из Астрахани ведомости о 52 бумажных и в период 1798—1803 г.г.—о 27 шелковых фабриках этого города, с сведениями главным образом о 1797 годе. Если к этим 79 заведениям присоединить еще 18 красильных, отмечаемых для начала XIX века Зябловским и Голицыным, получим итог, очень близкий к цифре Равинского. Некоторое расхождение этих авторитетных для нас показаний надобно об'яснить, очевидно, тем, что за 5—6 разделяющих их лет вынуждены были ликвидироваться некоторые предприятия. Поэтому современные Равинскому данные Зябловского и Голицына о 57 бумажных и 50 шелковых фабриках (кроме них отмечены 18 красилен) кажутся преувеличенными или включающими в число „фабрик" одиночки—станы в домах мелких кустарей, тем более, что в другом месте и сам Зябловский называет только 57 бумажных, 22 шелковых и 8 полу-

[1]) Историю Астрах. ткацкой промышленности см. в моей статье Астрах. журнал „Наш Край", 1926, № 2. В дальнейшем начало XIX века освещено с привлечением новых материалов.

шелковых с оговоркой, что „есть-ли причислить все станы, заведенные во многих домах, то число их (очевидно, станов?) будет простираться до несколька сот".

Общая мощность всей ткацкой промышленности Астрахани указана Равинским в количестве 685 (или 686—в другом месте) станов, из которых 567 заняты производством бумажных материй и 118 шелковых и полушелковых. Данные архива Мануфактур-Коллегии позволяют подсчитать 587 станов в бумаготкацкой промышленности и 107 в шелкоткацкой; кроме того оборудование двух шелковых фабрик не показано, но из них одна, судя по количеству рабочих и размерам производства, имела не более 3 станов: о другой нет и таких указаний. Таким образом и общая мощность ткацкой промышленности в 1797 году была несколько выше, чем в 1803 году.

Те же ведомости Мануфактур-Коллегии выясняют и мощность отдельных заведений. 52 бумажных мануфактуры располагали от 4 до 30 станов каждая, при этом от 4 до 10 включительно имели 31 заведение, в общей сумме 230, со средней на каждое по $7\frac{1}{2}$ станов; от 11 до 20 станов было в 17 фабриках, имевших в общей 255 станов и в среднем на каждую 15; наконец, оборудование выше 20 станов находилось только в 4 заведениях: в 3—по 24 стана и в 1—30. Шелковые фабрики отличались гораздо более скромными размерами. Из 25, о которых есть точные указания, 22 имели от 1 до 5 станов, главным образом, по 3—4 (16 „фабрик"), и лишь 3 свыше 5, 6, 8 и 17 станов.

Вся совокупность этих данных еще раз заставляет предполагать, что вне учета Равинского и вне ведомостей Мануфактур-Коллегии могло остаться только производство на дому в самых мелких размерах.

В масштабе общероссийском хлопчато-бумажное ткачество Астрахани было величиной очень крупной. И по числу заведений, и по количеству станов Астрахань была самым крупным пунктом этой отрасли промышленности. Но по мощности отдельных фабрик Астрахань отставала не только от Москвы и Шуйского района, но и от Казанской губернии, где были заведения и с 40, и с 50 станами; хотя нужно заметить, что хлопчато-бумажное производство, наиболее молодое в ткацкой промышленности, не отличалось очень крупными размерами отдельных фабрик, в сравнении с другими отраслями той же ткацкой промышленности.

Иначе расценивается удельный вес шелкового производства Астрахани. Будучи вторым после Москвы центром в этом отношении по числу заведений, если считать все, зарегистрированные Мануфактур-Коллегией, Астрахань по общей сумме станов уступала не только Москве, но и Ярославлю, в котором было свыше 280 шелкоткацких станов; в Москве же и под Москвою было несколько фабрик, из которых каждая числом станов превосходила всю астраханскую шелкоткацкую промышленность в целом.

Таким образом, в обстановке общегосударственной, астраханские ткацкие заведения в громадном большинстве своем были мелкими мастерскими кустарного типа и лишь немногие, главным образом, хлопчато-бумажные, принадлежали к фабрикам средней мощности.

Указания Равинского позволяют представить себе и капиталы, обращавшиеся в этой промышленности Астрахани в начале XIX века. Все расходы по оборудованию и обеспечению производства сырьем и рабочей силой на год в переводе на стан составляли 800 р. по шелкоткацкому и 400 р. по бумажному. Здесь не включена стоимость только самого строения, но она, даже при устройстве специальных помещений, не могла лечь на стан крупной суммой. Таким образом, 4.000—5.000

рублей вкладывал в предприятие средний шелковый фабрикант: 6.000—7.000 рублей достигали вложения среднего для Астрахани заведения бумаго-ткацкого. Капиталы бо́льших размеров были вовлечены в ткацкую промышленность всего в каком-нибудь десятке случаев.

Естественно поэтому, что ткацкая промышленность Астрахани находилась в руках средней буржуазии—более зажиточного мещанства, мелкого купечества, почти исключительно из армян; ни один крупный капиталист тогдашней Астрахани не был содержателем ткацкого предприятия.

Кроме содержателей, с производством этим связаны, конечно, рабочие. Равинский считает, что каждый ткацкий стан обслуживался мастером и двумя учениками, да кроме того на фабрике часто имелся красильщик, а на шелковых—еще цевочники, разматывающие шелк с катушек в мотки и цевки. Но его же собственная цифра ткачей, учеников—1.006 человек это на 685 станов—опровергает данное им потребление рабочей силы на стан. И ведомости самих фабрикантов в архиве Мануфактур-Коллегии свидетельствуют, что не всегда на стан приходилось даже два человека—ткач и ученик; нередко один ученик был при двух ткачах, т. е. более близкими к истине надо признать показание общего числа рабочих у Равинского, чем его расчеты на стан. Но кроме рабочих, занятых в самом помещении фабрики, были связанные с нею более самостоятельные производители, работавшие у себя на дому. Размотка шелка, пряденье хлопка и размотка бумаги давно выделились в самостоятельные операции и часто обособлялись и хозяйственно, т. е. или была организована фабрикантом раздача на дом работы,—так обыкновенно ставилась размотка шелка,—или кустарь, производивший полуфабрикат, как это было нередко с бумажной пряжей, сбывал его непосредственно на ткацкую фабрику или на рынок. И Равинский в таблице, как можно было-бы сказать, профессионального распределения „от рукоделия живущих" в Астрахани указывает 739 женщин, занятых размоткой шелка и бумаги и 586 прядильщиц хлопка на дому. Как видим, здесь выступает уже женский труд, совсем не представленный в числе работающих на фабрике. Женщина эксплоатировалась в ткацком производстве чрез домашнюю ее работу.

Интересно еще отметить, что из этих 1.325 женщин, связанных с фабриками, было только 272 русских в числе размотальщиц; остальные размотальщицы были армянки и грузинки, прядильщицами хлопка были сплошь татарки, подготовленные к тому прядением шерсти. Естественно догадываться, что у армян, содержателей фабрик, армяне же были и рабочими. Зародившаяся в среде выходцев с Востока ткацкая промышленность Астрахани и в начале XIX века очень мало еще вобрала в себя русское население города.

Общая цифра рабочих ткацкой промышленности, считая и работавших на дому по заказу или выделывавших полуфабрикат, достигала 2.331 человек, но так как некоторые из мелких „фабрикантов" и сами работали за станами, то можно округлить это показание до 2.400 человек. При общей численности постоянного Астраханского населения в 28.600 человек об. п. рабочие, обслуживавшие ткацкую промышленность, составляли более 8% населения, т. е. роль этой отрасли производства была очень существенной в обиходе жизни городского населения [1]).

[1]) Кроме Равинского данные архива Мануфактур-Коллегии, вязки 434 и 436. Здесь и „ведомости" фабрик тех же отраслей по всей России, о чем кроме того у Зябловского, ч. II, стр. 330—331 и 356—358.

Но широко поставленная обработка хлопка и шелка вызвала к жизни и другие, кроме ткацкого, производства с использованием этого сырья. Уже в средине XVIII века на основе утилизации шелковых концов, не годных для ткачества, существовало производство гайтанов, тесьмы. В начале XIX века отмечается еще использование хлопчатой бумаги для вязанья колпаков и чулок. И то и другое производство имело форму мелкого кустарного и занимало в начале XIX века исключительно женщин. Сколько их было, сказать точно не можем, но вместе с вышивальщицами золотом, серебром и шелками платья и одеял всего Равинский указывает 432: 68 армянок и грузинок и 364 русских.

С другой стороны, выше уже отмечались красильни, в которых производилась окраска шелка крученого и хлопчатой бумаги, также и готовых тканей. Количество рабочих в них нам неизвестно.

Другим пунктом, где было налажено промышленное использование хлопка, а частью и шелка, только здесь уже итальянского, была Сарепта. Эта маленькая колония гернгутеров, насчитывавшая в начале XIX века 500 человек жителей об. пола, была вообще интересным хозяйственным, и в частности промышленным центром. В числе других производств очень рано, во всяком случае не позднее 70-х г.г. XVIII века, было организовано здесь и ткацкое. В начале XIX века на 25 станах при 5 мастерах ткали бумажные и полушелковые платки и материи. Производство манчестера, канифаса и др. более дорогих материй, еще в 1800 году ткавшихся на 2 станах, сокращалось, так как „продажа сим товарам уменьшилась". Кроме тканья хлопок шел на изготовление колпаков и чулок, которые вязали на 12 стальных станах. Работы эти производились силами общества. Продукция, за удовлетворением местных потребностей, шла в продажу, и, напр., для донских казачек готовились особые колпаки „даже с шелком и золотом" [1]).

Предварительная обработка хлопка—сырца, изготовление пряжи и здесь оторвано от ткачества. Пряденьем хлопка для Сарепты занимались в ряде немецких колоний, главным образом ближайшего Камышинского уезда. Данные начала XIX века отмечают уже и занесение сюда ткачества и вязанья. В Лесном Карамыше 1 ткач (так он назван в источнике) на двух сарептянских станах работал для Сарепты колпаки, чулки и т. под. А в Екатериштадте в общем перечне промышленных заведений Саратовской губернии, которым посылались из Мануфактур-Коллегии требования о присылке ведомостей, упоминается фабрика бумажных материй колониста Готфр. Вингута Но ведомостей из нее представлено не было [2]).

На этом можно закончить характеристику обрабатывающей промышленности и подвести некоторые итоги. И прежде всего географические.

Мы видели, что наиболее массовые производства, шире всего захватившие население и территорию—мукомольное, производство крестьянских сукон и холста, находились на стадии чисто домашнего (два последних) или имели целью удовлетворение потребностей небольшого района путем выполнения заказов из сырья заказчиков (первое). Если же взять производства, теснее связанные с рынком, действительно характеризующие степень индустриализации края, то они в общем были слабо представлены и мало изменяли земледельческо-промысловую физиономию области. Единственным районом промышленного значения был в начале XIX века Кузнецкий уезд, где и наибольшее число винокурен-

[1]) Кроме „Описания" Саратовской губернии архив. Ман.-Коллегии, связка № 434, где сохранились и образцы ткани и вязанья.

[2]) Упоминанье Екатериштт. фабрики в связке 351 архива Мануф.-Коллегии.

ных заводов, и кожевенное; кузнечно-слесарное, дерево-обделочное, веревочное, гончарное кустарные производства, сидка смолы и дегтя, приготовление угля и поташа. К этому надо прибавить, что отсюда же шли в отход шерстобиты. И такое разнообразие отраслей промышленности на небольшом пространстве нельзя об'яснить какими-то исключительными природными богатствами. Скорее, наоборот, стимулами к развитию здесь производств были естественные недостатки района и частью проходившие через него торговые пути. Мы уже отмечали, что укоренение винокурения нужно ставить в связь с тем, что здесь в избытке производились почти только менее рыночные хлеба—рожь и овес да и их сбыт затруднен отдаленностью от главной торговой артерии—Волги; ближайшие же районы внеобластные, с которыми уезд связан Сурой и грунтовыми дорогами, сами избыточествовали тем же. С другой стороны, нужно иметь в виду, что это—старейший по массовой колонизации район Нижнего Поволжья, уезд с наибольшей плотностью населения—свыше 17 чел. на кв. версту, с наименьшим в земледельческом районе обеспечением пахатной землей на душу, с ничтожным количеством сенокосов, с отсутствием рыбных угодий. Естественно было населению искать средств к жизни и на иных, кроме отраслей добывающей промышленности, путях. И не случайно, что подошедший к пределу казенной земельной нормы и очень близкий по составу зерновых культур и отсутствию удобных путей для сбыта хлеба Петровский уезд, также становился на путь развития кустарных промыслов.

В других, кроме Кузнецкого уезда, местах Нижнего Поволжья, мы видим только редкие точки, отдельные пункты, выделяющиеся в отношении обрабатывающей промышленности. Это—Хвалынск с мукомольем, Вольск—с мукомольем же и производством кож, Саратов с канато-веревочным производством и колокольным заводом, Сарепта—с разнообразием мелких промышленных заведений и Астрахань—с значительной ткацкой промышленностью, с производством мыла и сафьяна и другими более мелкими. Все эти пункты вытянулись по Волге, и промышленность их тесно связана с этой рекой не только удобством сбыта готовых изделий, но и удобством получения в нужных случаях сырья.

Полное, можно сказать, отсутствие промышленных предприятий в землях донских и уральских казаков нельзя об'яснить одною малою заселенностью их, особенно Уральской. Даже и в Донскую область трудно было проникнуть капиталу. Своеобразный уклад жизни и специальные узаконения делали невозможной здесь покупку земли, и сторонний войску дворянин не мог создать здесь себе хозяйственной базы. Купец также мог быть только временным торговцем на ярмарках нас занимающих округов. Собственные средства наростали медленно и главным образом на юге Донской земли, вне пределов нашей области. В Уральской, очень отдаленной и пограничной полосе, с постоянными опасностями военных и грабительских набегов, с общинным землевладением в неустановленных еще границах, с общинным даже рыболовством, капитал также не мог найти сферы применения. Да он не освоил еще и обширных, ближе лежащих районов Саратовского Заволжья.

Более того. Крупный капитал играл очень малую роль в обрабатывающей промышленности всей области в целом. Мы уже видели, что обработка сырья в области была представлена главным образом домашней и кустарной промышленностью. И в последней, связанной с рынком, мы встретили сторонних скупщиков в отношении кузнечных и слесарных изделий Кузнецка, а на сельских ярмарках его уезда они упоминаются в общей форме, без специальной связи с определенной отраслью производства; да и это были, конечно, не крупные капиталисты края, а мелкие тор-

говцы. Наоборот, в ряде случаев „Эконом. примеч." подчеркнута самостоятельная доставка самими производителями,—конечно, некоторыми из них, —своих изделий на далекий даже рынок. Так, ведерники с. Евлашева добирались с своими изделиями даже до Уральска (и попутно занимались скупкой шерсти, щетины и пр.); из Канадея развозили по городам смолу, из И. Дубенского доставляли колеса, телеги, горшки в Екатериштадт и разные города. Таким образом, в начале XIX века мы как-будто присутствуем при начальной стадии капитализации кустарных промыслов и путем вторжения капитала извне, и путем выделения более сильных или более оборотливых хозяев из среды самих кустарей. Наряду с этим наблюдаем и насаждение прядильного и вязального производства предприимчивыми саратянами в среде немецких колонистов посредством раздачи сырья и даже снабжения инструментарием. Но эти случаи попали в наши источники, думается, именно по своей особенности, может быть исключительности. Обычно же кустарь—колесник, веревочник, гончар или смолокур знал по большей части ближайшие местные рынки кругом, где и сбывал сам свои изделья большею частью непосредственно потребителю.

Однако и в тех заведениях, которые назывались тогда фабриками и заводами, участие капитала было относительно невелико. Сами по себе заведения эти были в большинстве случаев небольших размеров, и к ним не имели отношения наиболее крупные капиталисты области.

Выше это показано в отношении Астрахани, где к тому же главная отрасль обрабатывающей промышленности—ткацкая, находилась в стадии постепенного свертывания. Промышленность Саратовского края, как ни была незначительна в большинстве своих отраслей, была явлением новым: здесь перед нами процесс развертывания обработки сырья для рынка. Мы уже отмечали рост винокурения с 1796 года: нужно еще иметь в виду, что из существовавших тогда 9 заводов по крайней мере 3 уже были ликвидированы к 1805 г., и, значит, из 17 работавших на сбыт винокуренных заводов этого времени не менее 9 возникло после 1796 г. Все „фабрики" суконные и полотняные, отмеченные выше, ни в каком виде не фигурируют в использованных нами материалах Мануфактур-Коллегии 1797—1803 г., хотя тут и упомянуты такого же типа предприятия в уездах Пензенской губ., причислявшихся тогда к Саратовской. Наконец, и колокольный завод в Саратове не существовал еще в 1782 г., когда губернию описывал первый местный губернатор, очень внимательный к промышленности [1]). Таким образом промышленность в Сарат. крае только еще насаждалась, но не крупный капитал строил ее.

Винокурение было специально дворянской промышленностью (не считая казны) в тогдашней России. Достаточно видным было и участие дворян в суконном и полотняном производстве. Мы уже видели, как невелики по количеству и по размерам были такого рода предприятия в Саратовской губернии. При этом в них почти нет участия крупных землевладельцев края. Шереметевы и Нарышкины, Воронцовы и Голицыны, или из видных новых фигур Безбородко и кн. Вяземский предпочитали эксплоатировать просто крестьян в своих саратовских латифундиях и не создавали промышленных предприятий. Только кн. Ал. Куракин из крупных магнатов имел винокуренный завод в Сердобском уезде. Известные нам предприятия принадлежали все местным дворянам, дворянам средней руки, как можно—бы сказать. При этом нередки случаи об'единения разных предприятий в одних руках.

[1]) Это описание было напечатано в академ. „Месяцеслове историч. и географ. на 1785 г." и перепечатано в VI части „Собр. сочинений, выбр. из месяц.".

Ив. Пл. Огарев, известный нам владелец крупных по местному масштабу мельниц, имел и винокуренный завод. У Зубова были и винокуренный и лесопильный заводы, им же строились барки. Ушакова поставила производство и сукна и полотна. Наконец, были предприятия дворянские по недавнему новому званию владельца, напр. винокуренный завод помещиков Злобиных, отец которых известный крупный откупщик своего времени из вольских горожан. Как видно, мы имеем здесь дело с каким—нибудь десятком предприимчивых людей из среды местного дворянства. Дело в том, что преобладавшая численно в крае группа мелкопоместного дворянства и здесь, как и вообще в государстве, совсем не имела средств, чтобы поставить какой—нибудь завод или фабрику. Но и средние землевладельцы, сильно пострадавшие в Пугачевщину и переобременяемые расходами на жизнь не по средствам, не только не располагали лишними деньгами, но, наоборот, всюду искали их, чтобы извернуться в течение года, свести концы с концами. Документы конца XVIII века полны дворянскими закладными, векселями, ежегодной пересрочкой тех и других; при этом не был оставлен без внимания, кажется, ни один источник, откуда можно было-бы почерпнуть ту или другую сумму денег [1]). Промышленность, особенно переработка собственного сырья могла казаться очень соблазнительной ожидаемыми выгодами, но нечем было ставить ее. В этом отношении интересно свидетельство не только вновь возникших за короткий срок, но и проэктировавшихся предприятий. Вот кн. Волконский просит в 1798 г. отвести к его именью—с. Перевесинке Балашовского уезда казенную дачу по Хопру и заодно разрешить ввоз „Шпанской соли ежегодно по 50 пуд.“ „к размножению скотоводства“, но собственно к производству сукон и сыра, и мотивирует это тем, что делаемые им в малом количестве сукна и сыры „не уступают добротою“ лучшим заграничным. Вот сек.-майор Ермолаев в 1801 г. просит отвести ему в близости от его села в вершинах р. Сердобы в Петровск. у. 4000 дес. земли „для предполагаемого им делания свекольного сахару“ [2]). Мы не знаем подробностей, но, очевидно, казенная земля, бесплатно отводимая, должна была сыграть здесь роль оживотворяющего капитала. В просьбах было отказано, и проэкты не осуществились. Оттого лишь немногие, более смелые или более умелые, рисковали вложить средства, по существу часто чужие, в организацию промышленных заведений. Большинство предпочитало по неволе или по склонности и традиции довольствоваться сельским хозяйством или даже крестьянским оброком. Иные, особенно из служащих, входили, часто вместе с купцами, в казенные подряды и откупа.

Но и крупные купцы не уделяли своих средств промышленности в Сарат. крае так же, как это было и в Астрахани. „Описание“ губернии прямо указывает, что знатнейшее купечество „упражняется“ в откупах, подрядах и торговле. Промышленность в городах и Саратовской губернии была делом, главным образом, мещанства и третьестепенного купечества.

---

[1]) Громадный материал на эту тему в крепостных книгах и книгах „верющих писем“ Сарат. Палаты Гражд. Суда в „Древлехранилище“ Центрархива.

[2]) Архив об-ва краеведения серия „Сенат“. №№ 187—923 и 645—3255. Позже в 1809 г. Ермолаев получил разрешение на устройство сах. завода. Полн. Собр. Законов, т. XXX. № 23566.

VII. Пути сообщения, торговля и отхожие промыслы.

Все операции, в которых значительную роль играл капитал, возьмем ли мы откупа, например, винный, или казенные поставки соли из запасных магазинов, продовольствия, фуража и аммуниции для военных частей, или будем иметь в виду вольный торговый оборот—все они одинаково обязательно связаны с передвижением больших грузов по территории области, все они вовлекали немалые группы населения в качестве извозчиков и бурлаков, т.-е. транспортных рабочих того времени. И раньше, чем характеризовать эти операции, необходимо познакомиться с сетью путей сообщения Нижнего Поволжья в начале XIX века и с направлениями в движении хотя бы основных грузов.

В период до создания железных дорог значение водных путей сообщения вообще было относительно бо́льшим, чем теперь. И роль Волги, как основной судоходной артерии, связующей край с центрами государства в одном направлении и с морем, а через него с странами Востока в другом, была для Нижнего Поволжья исключительной. Выше мы уже видели, как ее могучее воздействие сказывалось на географическом размещении промышленности. Волга сосредоточивала и главное товарное движение в области.

Мы оговаривались, что в начале XIX века не существовало еще учета грузооборота и потому дать цифровую характеристику волжского транспорта, конечно, невозможно. Однако иллюстрировать грузовое движение по Волге в пределах области все же можно и цифровым и описательным материалом.

Из числа основных грузов Нижнего Поволжья, Эльтонская соль в главной своей массе—около 6—6½ миллионов пудов—направлялась вверх по Волге. Астраханская рыба, икра, тюлений жир, можно сказать, полностью, весом около 3 миллионов пудов, шли также по Волге, впрочем уже с значительными отгрузками и в пределах края. Из хлебных грузов Саратовской губ. свыше 400000 четвертей, т.-е. около 4 миллионов пудов, по указанию „Описания“ двигалось вверх и вниз по Волге же; если принять более высокую цифру товарной массы хлеба, то волжская отправка его соответственно увеличится. Кроме этих основных товаров, на пристанях Нижнего Поволжья грузились и второстепенные: виноград, арбузы, вино и т. д. В Астрахани на волжские суда перегружались прибывавшие из-за моря восточные товары, из которых отметим партии хлопка и хлопчатой бумаги (не менее 8½ тыс. пудов), шелка (около 8000 пуд.), риса (не менее 10 тыс. пуд.), фруктов, восточных изделий и др. По Волге в Нижнее Поволжье сплавлялись прежде всего большие партии лесных строительных материалов и дров—в плотах и на белянах, затем нужно назвать железо, чугун, медь и изделия из них, разного рода ткани, всех родов посуду, колониальные товары, частично хлеб. Нельзя дать цифр, характеризующих эти грузы. Но они в большей массе, за исключением лесных грузов, у которых обратное соотношение, или транзитом через Нижнее Поволжье в низовья Дона, на Кавказскую линию, в экспорт через Астрахань и Таганрог.

Тогдашние суда не отличались большою грузоподъемностью, особенно „водовзводные“, т.-е. идущие вверх по Волге. Наиболее крупные—беляны шли только по воде и обратно не возвращались, превращаясь в местах разгрузки в дрова. Они поднимали до 1000 саж. дров и соответ-

ственные партии других лесных материалов. Наиболее часто обращавшиеся на Волге расшивы поднимали от 5000 до 20000—25000 пудов груза, барки разных видов до 8000—10000 пудов, кладные лодки и того менее. И если менее ценные грузы, как соль, хлеб, или такие, как железо и чугун грузились на крупные суда, то товары более дорогие шли обычно в кладных. При большой медленности движения, особенно против воды, когда в навигацию груз едва поспевал подняться от Астрахани до Нижнего или от Саратова до Рыбинска, требовалось большое количество судов. И мы встречаем указания, что в Саратовском затоне зимовало до тысячи купеческих соляных судов, конечно разной емкости, что в Дубовку приходило для перегрузки на Дон „множество" судов с разными товарами, что в Астрахани одновременно стояло „слишком 100" разных судов, пришедших с верху. Все это может дать впечатление достаточно оживленного движения по Волге.

В пределах описываемой области на Волге было около двух с половиной десятков пристаней. В Хвалынском уезде, кроме самого города, пристани были в Черном Затоне, Федоровке, Ивановке, Алексеевке и Широком Буераке—все на правом берегу. Пристанскими пунктами в Вольском у. были: Балаково, Панинская и Екатериштадт на левом и Вольск и Воскресенское на правом берегу; в Саратовском кроме города, кажется, имела значение только Покровская слобода. В Камышинском уезде называются соляная пристань у Николаевской слободы на левом и сам Камышин, Мордово, Ахмат, Золотое, Банновка и Нижн. Добринка на правом берегу; все три пристани Царицынского уезда—Дубовка, сам город и Сарепта были на правом берегу. В Астраханской губ. собственно можно считать только города—Енотаевск, Черный Яр и Астрахань. Все перечисленные пункты были грузящими пристанями; правильная и постоянная разгрузка производилась в очень немногих, особенно в Саратове, Дубовке, Сарепте и Астрахани. Даже о городах—Хвалынске и Царицыне в „Описании" Саратовской губ. говорится, что идущие с верху суда с товарами останавливаются около этих пунктов на время и владельцы грузов за особый взнос в пользу города только производят с судов продажу непосредственно потребителям.

Грузовым движением Волги в значительной степени определялось и торговое судоходство на Дону. Хозяйство казаков среднего Дона и его притоков—Хопра, Медведицы—очень мало могло дать товаров, нужных низовым станицам или пригодных для экспорта в Турцию. Несколько больше грузов поставляли районы выше по Дону, вне пределов Донской земли. Но главная масса товаров попадала с Волги через Дубовку и Качалинскую станицу. Для экспорта через Таганрог шли партии железа с уральских заводов, коровьего масла даже из Екатеринбурга, пшеницы из Поволжья. Низовья Дона получали этим путем разные товары, особенно готовые изделья—ткани, посуду и пр. из центральных районов государства, лес с Камы и Вятки. Черноморский флот снабжался необходимыми железными изделиями: цепями, якорями и пр., а также орудиями с Урала же. Характерно при этом, что с Волги передавались на Дон не только грузы, но иногда перевозились и суда, в которых они были доставлены по Волге. Так связано было донское судоходство с Волгой.

Остальные реки Нижнего Поволжья не имели большого значения. По Суре, как выше было отмечено, в 1805 г. было сплавлено всего 14 судов, но часть их порожняком. Судя по размерам, эти „суряки" поднимали до 20000 пуд. каждый. Таким образом общая отправка составляла тысяч 200 пудов хлеба, вина и др. грузов. Кроме того по Суре же спускались и плоты строевого леса из именья помещицы Ивановой числом до 14500 бревен.

Сура была выводящим за пределы области путем. Б. Иргиз, используемый верст на 70 от устья, служил для подвоза грузов, очевидно главным образом хлеба, с востока, из Заволжья к Волге.

О прекращении (временном) судоходства по Медведице говорилось выше. Хопер в „Описании" Саратов. губ. прямо назван рекой несудоходной. Прочие реки, очевидно, также совсем не использовались для перевозки грузов в мало-мальски заметных размерах.

Но кроме речных путей в распоряжении Нижнего Поволжья было и море. Морем поддерживалась связь между низовьями Волги и Урала, между Астраханью и Гурьевом. Морем же от Астрахани велись торговые обороты через Мангишлацкую пристань на Тюк-Караганском мысу с туркменами, бухарцами, хивинцами, подвозившими товары к этой пристани уже с использованием караванных путей, а через Баку, Энзели (в тогдашнем произношении Зинзили), Решт и нек. др.—с Закавказьем и Персией. Торговое мореходство на Каспийском море было целиком в русских руках. В начале XIX века дальние рейсы совершались здесь 68 специально-морскими судами, шкоутами, грузоподъемностью в 8—10 тыс. пудов каждый [1]).

Помимо водных путей сообщения, Нижнее Поволжье обладало в характеризуемую эпоху и достаточно развитою сетью грунтовых дорог. Их обзор удобнее всего начать с большого почтового тракта, пересекавшего всю область почти параллельно Волге от Астрахани до Саратова с продолжением на Симбирск, проходившего через все значительные пункты на правом берегу Волги и вместе с тем как-бы связывавшего в систему все остальные важнейшие грузовые пути, от него начинавшиеся или к нему выходившие. Этот тракт, оборудованный станциями еще в первой половине XVIII века, служил прежде всего для почтового движения, но зимою шли здесь и грузовые обозы. Совершался по тракту, хотя-бы частично, и прогон скота, вообще доставлявшегося на рынок в ту пору только гоном.

Из дорог, связанных с названным центральным трактом, остановимся сначала на пролегавших в западной от Волги части Нижнего Поволжья. (См. карту).

От Астрахани на юго-запад, частью вдоль морского берега, шел помянутый уже выше Кизлярский или „Линейный" тракт, также налаженный прежде всего в правительственных целях прочной связи с бывшей ранее для него администр. центром Астраханью отдаленного прикавказского края. Впрочем этим же путем попадали в Астрахань, а из нее частью и в центр, немногие товары—кое-какие изделия горских народов, Кизлярский шелк, марена.

Туда же в Предкавказье на Моздок и Александровск—Георгиевск вели еще две дороги, отходившие у Сарепты в сторону от главного тракта. Первая, так назыв. „Томская", коей когда-то в эпоху Петра прошел почти по прямой сквозь западные волжские степи Томский полк, была короче и больше использовалась для доставки на линию следовавших из центра до Сарепты водою провианта, аммуниции, лекарств и прочего. Вторая, шедшая западнее, так назыв. „Сальская", повидимому, использовалась меньше. В обратном направлении из степи к Сарепте, очевидно, по этим дорогам прогоняли калмыки и закупавшие у них купцы разного рода скот в иной год „до ста и более тысяч", по показанию „Описания" Саратовской губ.

---

[1]) В самом конце XVIII века Астраханский губернатор показывал в бумаге 296 морских судов, но он об'единял с торговыми шкоутами военные, рыболовные суда и даже выходившие в море расшивы—см. Фонд. канцел. губернатора в Астрах. губ. арх. бюро, № 44.

От Сарепты же шел гужевой путь в донские станицы, очевидно, на Верхне-Чирскую, а через них и на Украину, по которому некоторые районы последней снабжались астраханской и вообще волжской рыбой, а Сарепта получала для переотправки далее по воде вина и азиатские фрукты из Таганрога.

Впрочем связь этого быстро выроставшего в своем значении порта с Волгой более всего осуществлялась через Качалинскую ст.—Дубовку. Короткая, в 48 верст по тогдашнему счету, „ровная отменно твердого грунта и потому чрезвычайно гладкая" дорога между названными пристанями в период навигации представляла необыкновенную картину. Непрерывным потоком двигались по ней воловьи повозки с товаром, а иногда на особых катках и целые без разборки волжские суда от Волги к Дону. Этой транспортировкой грузов занято бывало до 3000 людей и до 20000 фур, запряженных волами и частью лошадьми.

В промежутке между Сарептой и Дубовкой Царицын (ныне Сталинград) также стоял на распутьи гужевых дорог. Здесь единый южнее Астраханский тракт раздваивался: в одном направлении он вдоль Волги шел на Саратов, в другом через бывшую крепость Грачевскую, станицы Сиротинскую, Ново-Григорьевскую, Кременскую, Усть-Медведицкую и Урюпинскую на Новохоперск (Воронеж. губ.) и далее через Тамбов и Ряжск на Москву. Этот также старинный, обустроенный для почты при Петре и для перевозки астрахан. фруктов ко двору при Елизавете [1]), путь теперь был одним из удобнейших, и пожалуй, наиболее прямым направлением по доставке в первопрестольную столицу калмыцкого и донского скота.

Севернее, от Камышина, крупного складочного пункта для элтонской соли, опять ответвлялась дорога на запад через станицу Березовскую на Медведице и далее, очевидно, через Урюпинскую на Новохоперск—Воронеж. Дорога называлась „Соляною" [2]), и по ней шло снабжение южно-великорусских губерний элтонскою солью. Наш источник говорит еще о прогоне скота через Камышинский уезд в Пензу и Симбирск. В последний скот шел, конечно, по приволжскому тракту, но и к Пензе, повидимому, гнали скот через Саратов, если не пользовались только какими-нибудь проселочными дорогами.

Саратов был начальным (или конечным) пунктом двух больших дорог, идущих на запад. Одною, более новою, он через Аткарск, Балашов и Новохоперск связывался с Воронежем и Украиной в одну сторону и Москвою в другую. Вторая, старинная дорога через Петровск—Пензу, Краснослободск выходила также в центральную область государства и вела к Москве. По этим дорогам развозилась из Саратовских магазинов соль и в больших количествах направлялись на широкий рынок рыбные товары из Саратовских лабазов, получавших с Волги до 1 миллиона пудов этого груза. По этим же путям, особенно в западных частях губернии, уходил и хлеб, а также шерсть. Обратно к Саратову, крупному распределительному пункту для большого района, по обоим путям, главным образом из Москвы, приходили разные товары—ткани, чай, сахар, кофе, разнообразные изделия. Движение по обеим дорогам было очень оживленное, особенно, конечно, зимою: „в зимнее время множество обозов проезжает" через Аткарский уезд на Пензу—отмечает современник.

---

[1]) См. „Бумаги имп. Петра I", изд. А. Бычковым, 1873, стр. 497 и 498 и И. П. Хрущев „Очерк ямских и почтовых учреждений", 1884, стр. 73.

[2]) Более поздние „эконом примеч." по Камышинскому уезду указывают две солевозных дороги, шедшие через слоб. Красный Яр, а далее одна на Пышмень, другая на Верхн. Добринку.

Вольск „большою дорогою" связан с Кузнецком, откуда далее путь шел к Пензе. Здесь шли обозы с уральскою рыбою и прогонялся на рынки центра заволжский и уральский скот, а также доставлялись и другие грузы—шкуры, меха, шерсть и проч.

От Хвалынска большой дороги не отходило, кроме Симбирско-Саратовского тракта, но по проселочным шел гон скота, между прочим, в Муром, очевидно также через Кузнецк—Пензу.

Как можно видеть из этого перечня, все дороги, отходящие от Волги, идут на запад (кроме путей от Царицына на Кавказскую линию) и связывают Нижнее Поволжье главным образом с центральными и южными областями государства. В поперечном направлении, кроме приволжского тракта, шла еще дорога Кузнецк—Петровск, но от этого пункта и она поворачивала на запад и через Сердобск выводила к Пензе и далее, очевидно, к Моршанску (крупной пристани на Цне). Были еще дороги Балашов—Сердобск и Кузнецк—Сызрань. Часть этих путей обслуживала внутренний обмен района, другая обеспечивала выход хлеба из богатых, но далеких от речных артерий области уездов—Балашовского и Сердобского—на внеобластные рынки, главным образом через Моршанск.

Перечисленными гужевыми путями и исчерпывается сеть трактов и больших дорог в западной от Волги части области.

К востоку от Волги, в громадных и малозаселенных степях, более или менее обеспеченные хотя-бы почлегом и водопоями дороги были редки. От Красного Яра близ берега моря к Уралу шла почти исключительно административного значения дорога на Боксайскую крепостцу. Сеитовская слобода неподалеку от Астрахани была начальным пунктом длинной караванной дороги на Оренбург, выходившей к Уралу у Чеганского городка (неподалеку от Уральска), но и эта дорога существенного торгового значения не имела. Выше отмечены специально солевозные пути от Элтона к Камышину и Саратову (точнее к Николаевской и Покровской слободам). И единственной дорогой крупного торгового движения была сравнительно новая дорога от Уральска к Волге, в значительной части связанная с поселениями на Б. Иргизе. Выводя одним своим концом грузы Уральска,—главным образом рыбу и скот, к Вольску, она придавала этому городу особое значение в ряду поволжских крупных пунктов. Другое ответвление этой дороги выводило уральские товары к Сызрани.

На основании приведенных данных может сложиться впечатление, что Нижнее Поволжье даже и в западной части было слабо изрезано гужевыми путями в рассматриваемое время. Но не нужно упускать из виду, что в нашем перечне отмечены почти исключительно большие дороги, своего рода основные, иногда магистральные линии, которые были обеспечены более частой сетью „подъездных путей" в виде проселочных дорог, обзор которых дать было-бы затруднительно и едва-ли нужно в очерке общего характера. С другой же стороны, сколь ни кажется редкой намеченная сеть дорог начала XIX века, она представляет в общем всю совокупность путей, по крайней мере в западной половине, с которыми область жила в сущности до начала железно-дорожного строительства. Только Заволжье, колонизовавшееся в течение всего XIX века, налаживало по мере роста населения новые и новые линии связей административных и торговых [1]).

[1]) В обзоре путей сообщения использованы, кроме описаний Саратов. и Астр. губ., „Эконом. примечания" по первой и указания трактов в книге Рубана—„Новый Всеобщий Гонец и Путеуказатель" 1791 г.

Обзор путей сообщения не только познакомил нас с их сетью и направлением движения важнейших товаров, но и наметил ряд центров грузового движения. Нельзя однако сказать, чтобы эти последние все были и крупными торговыми пунктами и чтобы ими ограничивалась вся торговая сеть Нижнего Поволжья. С одной стороны, мы видели крупную роль в грузовом движении области транзита и таким образом некоторые пункты будут более центрами переотправок или простого пропуска грузов; первое можно наблюдать особенно, напр., в Сарепте, Дубовке, и др. пристанях, где волжские грузы передавались с воды на гуж и обратно. Второе будет относиться, напр., к Аткарску и др. подобным ему пунктам, расположенным на больших дорогах между крупными торговыми центрами, а также к пристаням, только грузившим в скромных размерах местные продукты. С другой стороны названных выше пунктов грузового движения было очень мало для удовлетворения потребностей в обмене довольно большого, а главное широко разбросанного по громадной территории населения области. Крупный же капитал успел еще мало захватить торговый оборот и концентрировать его.

Из местных продуктов области соль и водка, находившиеся в монополии казны, не были предметами свободного торгового оборота. Но и они требовали больших частных средств, чтобы достигнуть потребителя. В отношении соли роль частного капитала состояла в организации по подрядам развоза ее из Саратовских и Камышинских складов. Если при огромности территории 14 губерний, снабжаемых элтонской солью, считать доставку пуда на место продажи в среднем даже в 10 коп., то одна операция развозки требовала не менее 700.000 руб. Громадные капиталы вкладывались и в распродажу по откупам спиртных напитков. По одной Саратовской губернии откупщики в четырехлетие 1803 –06 г.г. вносили в казну ежегодно по 582.000 руб. (с округлением). Мы не имеем соответственных показаний по другим частям Нижнего Поволжья но общая сумма по области, вероятно, была близка к миллиону рублей.

Эти две операции—соляная и винная,—бывшие очень доходными, привлекали, как замечено уже выше, не только купеческие, но и дворянские капиталы. И в купеческой доле здесь отмечается большое участие купцов из других, особенно центрального, районов государства. Но все же немало и местных капиталов „обращалось“ в поставках соли и питейных откупах. И именно „обращение в откупах восстановило значущее состояние купцов“ Вольска, по характеристике автора „Описания“, имевшего перед глазами пример сказочного роста богатств (впрочем на операциях далеко не одной Саратовской губернии) знаменитого Злобина.

Из операций, всецело находившихся в руках частного капитала, напомним миллионные обороты в рыбном деле Астрахани, об'единявшем рыбопромышленность и рыботорговлю, и продажи не менее, чем на 600.000 руб. рыбы с Урала. В распределении этих и волжских Саратовского края рыбных товаров по территории государства, очень видную роль играли Саратовские купцы с их громадной емкости лабазами (главным образом астрах. рыба) и вольские купцы (уральские товары).

Наиболее крупные обороты с местным товаром в Саратовской губернии имела хлеботорговля. По ценам 1805 г. указанный в „Описании“ губернии вывоз за ее пределы стоил около 2 миллионов руб.; принимая же общую товарную массу в 1 миллион четвертей, получим рыночную их стоимость на месте около 3-х миллионов рублей. Снять с рынка такую массу рассеянного товарного хлеба можно было только чрез использование многих пунктов продажи, и ожидать большой концентрации хлеботорговли при тогдашних условиях совершенно невозможно. И источ-

ник наш прямо отмечает скупку хлеба купечеством всех городов на их базарах и по сельским торжкам губернии; при этом хлеб поступал к хлеботорговцам „наипаче из первых рук земледельческих за розданные прежде в задаток деньги дешевейшею ценою". Рядом с купцами и, вероятно, с теми же приемами действовали и выходившие из крестьянской массы скупщики, сбивавшие довольно большие партии хлеба для вывоза за пределы губернии и поставок в казну.

Также не концентрированной была и торговля скотом. Дать здесь хотябы приблизительную сумму оборота совершенно невозможно, тем более, что относительно Заволжья и Уральского края мы не располагаем указаниями на количество продаваемого скота или ценность его. Общая фраза о Донской земле, что из нея „вообще лошадей, крупных быков и и овец ежегодно выгоняется для продажи в разные российские места на великую сумму", и слишком неопределенна и не позволяет выделить нас интересующий район этой земли. Никаких цифровых показателей не имеем и для Урюпинской ярмарки, на которой считали „особливо важным торг лошадьми и рогатым скотом, пригоняемыми из окрестных стран". По части Астраханской губернии Равинский определяет ценность лошадей и скота, продаваемых калмыками, в 800.000 руб. и скота татарского и русского в 200.000 руб. Что же касается Саратовской губернии, то данные по ней не охватывают полностью даже нагорной стороны, касаются почти исключительно мясного скота и не отличаются однородностью. Так как нагорная часть этой губернии поставляла на рынок немного собственного скота, то данные о прогоне чрез нее гуртов должны были-бы обнаруживать партии, идущие из других районов области. Но Заволжье и Уральские места, связанные также с Самарой и Сызранью, могли гнать скот и к этим пунктам. Донские места имели выход к центру и через Воронеж. губ. Что же касается калмыцкого и татарского скота, то и его „Описание" Саратовской губернии, иногда ограничивающееся отметкой закупок местных купцов, не дает возможности проследить. Вот почему за приводимыми ниже цифрами остается значение преимущественно иллюстрирующих местную скототорговлю Саратовской губернии, и то не в полном об'еме.

В северной полосе Саратовской губернии чрез Хвалынский уезд ежегодно прогонялось в Нижний, Казань и Муром до 10 гуртов по 250 примерно голов в каждом. По Вольску и его уезду сведений нет, но в описании Кузнецка и его уезда встречаем показание, что через город проходит из Хвалынска и Вольска до 2.000 голов крупного и до 5.000 мелкого рогатого скота, а чрез уезд из Хвалынска до 2.250 скотин, закупаемых в Уральском крае и направляемых за частичной распродажей в пределах губернии в Москву.

В средине губернии прогон через Саратов и его уезд остался неотмеченным, но Аткарск и Петровск, куда должен был-бы попасть скот из Саратова по пути в центр, освещены „Описанием". Чрез Аткарск иногородними скупщиками прогоняется до 1.530 голов (12 гуртов) крупного рогатого скота и 1800 овец (7 стад), закупаемых в донских станицах, т. е. едва-ли шедших чрез Саратов. Через Петровск в 1804 г. было прогнано 350 лошадей, 6.632 штуки рогатого скота и 1.050 овец. Еще западнее в Сердобском уезде отмечен прогон чрез Елшанку до 1.300 голов, скупаемых в Аткар. и Балашов. уездах. Через Балашовский уезд прогоняли гуртов 25 по 100—150 голов, т. е. общей численностью до 3000 штук, направлявшихся в столицы, а балашовские купцы закупали у калмыков до 10 гуртов скота, который частью сбывали в городе мясом, частью перепродавали приезжим скупщикам.

На крайнем юге мы уже видели прогон мимо Сарепты до 100.000 голов

скота. О других пунктах Царицынского уезда наш основной источник не даст сведений. Но из ходатайства Царицынской градской думы 1802 г. мы узнаем, что городской выгон вытравлялся прогоняемыми из калмыцких улусов внутрь государства скотом и конями, а от 1814 г. имеем указание, что на ярмарку этого города доставлялось до 570.000 овец (если здесь нет какой-нибудь опечатки?) и до 30.000 голов рогатого скота [1]). Эти большие партии шли, вероятно, далее через донские места на Ново-Хоперск, ибо их мы не встретим в описании Камышинского уезда. Через него в направлении на Пензу и Симбирск следовало—по указанию описателя Саратовской губернии—всего до 4.000 голов в 5 гуртах. Очевидно, здесь не фигурирует скот, закупавшийся камышинскими купцами в донских станицах, у калмыков и татар Астрах. края в количестве до 5.000 рогатого скота и до 12.000 овец и в значительной части проходивший потом через ярмарки Балашовского уезда. Калмыки и сами поставляли к Камышину до 150 лошадей, 300 рогатого скота и до 500 овец.

Как ни случаен, отрывочен и часто глазомерен этот материал, он во всяком случае говорит о громадных оборотах в торговле скотом и об участи в ней купечества разных городов области.

Если еще прибавить обороты внешней торговли Астраханского порта, достигавшие 750.000 руб. в 1802 г. и 950.000—в 1803-м [2]), в которых, впрочем, участие местных сил и средств было невелико, затем поставки на рынок астраханскими фабриками примерно на 300.000 руб. шелковых и бумажных тканей, то мы учтем, кажется, все главные статьи торгового обмена области, в которых видную роль играл крупный капитал, в которых совершались оптовые операции. Все они относились к внеобластному обмену.

Остальные отрасли торговли, главным образом внутреннего оборота, не казались тогдашним наблюдателям очень „значущими" вообще и находились в руках менее мощных торговых фирм. Сюда будут относиться скупка в одних местах и продажа в других таких видов местного сырья, как шерсть, кожи, продуктов в роде масла коровьего и конопляного, сала, фруктов, разных изделий домашней и кустарной промышленности, торговля мануфактурой, колониальными товарами и пр. И, как увидим ниже, некоторые виды торговли, особенно привозными товарами, и поставлены были неважно.

Познакомиться с этой, сравнительно мелкой торговлей удобнее будет при рассмотрении торговой сети области.

Внутренний торговый обмен осуществлялся в значительнейшей части посредством ярмарок и базаров, да и они более или менее планомерно охватывали территорию только в нагорной части Саратовской губернии. Постоянные лавки были, и часто в небольшом количестве, только в городах. Правильная ежедневная торговля в большинстве городов имела ничтожные размеры, в селах и совсем не производилась.

Обзор торговых пунктов удобнее всего начать с Кузнецкого у., в районе которого, раньше всего в области, еще до 1780-х годов, сложилась целая система их. Ярмарки и базары других уездов Саратовской губернии в большинстве своем были созданы или по крайней мере оффициально оформлены только в последние 20—25 лет в отношении к занимающему нас периоду.

В самом Кузнецке 15 деревянных лавок, из которых 9 открываются только в базарные дни—еженедельно по четвергам—и в ярмарку

[1]) Н. А. Соловьев, „Из дел Царицын. гр. думы" в 21 вып. „Трудов Сарат. Уч. Арх. Комм.", стр. 61—65 и В. Андросов, „Хозяйств. Статистика России" 1827, стр. 245—46.

[2]) Голицын, таблицы VII—XI.

на 10-ю пятницу (в десятую неделю после Пасхи). Ярмарка не отличается обилием купцов и разнообразием привозных товаров. Съезжается до 50 иногородних купцов Саратов. и соседних губерний с „суконами, шелковыми и бумажными материями, ситцами, миткалями, холстами, шелк. и бумажными платками"; из района привозят и обычные базарные товары—хлеб, масло, сало, мед и другие продукты. „Эконом. примечания" прибавляют в числе привозимых товаров сахар, чай, железо, в числе местных—разные крестьянские изделия. Таким образом в обычное время на Кузнецком рынке предлагаются в сущности только местные товары, и лишь ярмарка, раз в году, позволяет закупить и привозные. Явление, с которым мы встретимся и в других уездных городах.

Сравнительно слабо развитая торговая жизнь города, прямо подчеркнутая „Эконом. примечаниями", компенсируется для населения уезда наличием 7 селений с базарами, причем, как отметил еще Поливанов, для 1782 г. „бывают в каждом из них (селений) в свою очередь в неделе торги, так что делается в них торговый круг, который и обращается во весь год". Только во времена Поливанова в этот недельный круг входил и сам Кузнецк; теперь круг завершался помимо города. В 4 селениях бывают и ярмарки: в трех однодневные, в одном трехдневная. Вот ассортимент товаров сельской ярмарки в перечне современника: „Товары привозятся наиболее маловажные, бывают однако же частию гарнитуры (особый сорт шелк. ткани), тафты, платки шелковые, китайки, а более пестрядь, платки холстинные, набойные, крашенина (крашеный холст), рукавицы, чулки, варги, лубья, цыновки, рогожи, колеса, телеги, хомуты, смола, деготь, рыба в боченках соленая сазанина, конопляное масло и другие продукты, для крестьян только нужные". Действительно, такая ярмарка построена на удовлетворении потребностей сельского населения. Оно же выступает и в качестве продавцов. Из купцов указаны только приезжие из Кузнецка; очевидно, они то и доставляют на ярмарку эти гарнитуры и др. более дорогие ткани. В числе покупателей отмечены скупщики, конечно, крестьянских товаров и изделий, из Кузнецка, Петровска, Хвалынска и Городища (уезд. города Пензенск. губ.). Через их посреднические операции крестьянские продукты и кустарные изделия Кузнецкого района пойдут к потребителю других уездов, как видим, главным образом Саратовской же губернии.

Наш обстоятельный источник не назвал, к сожалению, этих селений с базарами и ярмарками. Поливанов в свое время указал, что базарные пункты отстоят от города в разных направлениях на 10—30 верст, и дает основание считать в числе этих пунктов Пенделку. „Эконом. примечания" отметили только базар по воскресеньям в с. Никольском—Пов. Кряжиме с привозом хлеба и деревянной посуды.

В Хвалынском уезде сельская ярмарка в с. Павловке, продолжающаяся 4 дня с Покрова (1 октября ст. ст.) и собирающая купцов из Кузнецка, Вольска и Сызрани, и базары в той же Павловке, затем в Сухой Терешке, Чиркове и Широк. Буераке расчитаны только на сельского покупателя. Но и город обслуживает почти исключительно его же. На базары Хвалынска по четвергам поступают всё „крестьянские" товары: „хлеб, иконы, поярковые шляпы, рукавицы, шерсть, сало, мед, колеса, телеги, станы, оси, чашки, ложки, лагуны, ведра, кадушки, бочки, сита, решеты, чугуны, сковороды, замки, лопаты, сошники, косы сенокосные, деготь, масло конопляное и пр.". Из 18 лавок города только в 3 идет торговля постоянно кумачами, платками бумажными и шелковыми, шелком, снурками шелковыми и гарусом, т. е. опять таки товарами, которые имеют сбыт в крестьянской среде. Остальные 15 лавок занимаются торговцами во время ярмарок и торгов. На ярмарках—на

Троицу и в десятую неделю по Пасхе—собирается до 60 купцов из городов Саратовской губернии, с такими же товарами, как и в Кузнецке. Поэтому неудивительно, что дворяне и чиновники покупали необходимые им товары с останавливавшихся на время у Хвалынска шедших сверху судов: этих, „дворянских", товаров „иначе в Хвалынске ни в какое время достать нельзя", категорически прибавляет „Описание".

Из этих данных можно видеть, что торговля обычными для уезда и города товарами велась мелким капиталом и самими производителями их. Крупный капитал, или „зажиточные граждане" по терминологии „Описания" Саратовской губернии, занят только хлеботорговлей, с отправкой вверх до Рыбинска и вниз до Астрахани в общей сложности 18.700 четвертей. Грузили хлеб для Астрахани еще Ивановка (до 250 четвертей) и Алексеевка (около 150 четвертей) в уезде.

Данные по двум рассмотренным уездам позволяют заключать, что специфически купеческим товаром была привозная мануфактура: шелковые, шерстяные и бумажные ткани. Главная масса остальных, местных по происхождению, товаров поставляется на рынок, очевидно, крестьянами. Мануфактура появляется и исчезает с купцом. Однако и торговля ею не вбирала крупных капиталов, что видно на примере Хвалынска. Еще ярче демонстрируется это цифрами касательно Вольска.

В Вольске, более крупном торговом пункте, чем Кузнецк и Хвалынск, 36 лавок. Но из них 32 действуют лишь в ярмарку и только „в четырех городские купцы торгуют разного рода сукнами, шелковыми материями и ситцами суммою не более, как на 10.176 руб.", очевидно, в год. Меж тем одна только местного улова рыба продается за 12.000 руб., а хлеба вольские купцы отпускают, главным образом в Астрахань, около 137.500 четвертей, т. е. по местным ценам тысяч на 400 рублей. Таковы показания 1804—05 года. Но и в 1796 г., характеризуя торговлю города, местная дума сообщала, что хлеба из Вольска отправляется примерно на 550.000 руб., рыбы, конечно с привозной, на 120.000 руб., скота—на 50.000 руб.; о торговле же мануфактурой не считали нужным и упомянуть [1]).

Базар в Вольске по четвергам и пятницам („Эконом. примеч." прибавляют еще субботу) с привозом местных продуктов. На ярмарки Петровскую с 24 по 29 июня и Покровскую—неделя перед Покровом приезжает человек 60 купцов „из городов здешней губернии" с мануфактурой.

В Вольском уезде „Экономич. примечания" [2]) указывают базары в селах Воскресенском и Колояре по средам, Вязовке—по понедельникам, Знаменском (позднее Черкасское) по четвергам и в Балтае, день которого не обозначен. Всюду показан съезд окрестных поселян с их продуктами; только в Воскресенском было 6 лавок, в которых саратовские и вольские купцы торговали мануфактурой.

Такую же приблизительно картину можно наблюдать и в других уездах кроме Саратовского, только с еще меньшим торговым значением уездных городов и с нарастанием значения скота и продуктов животноводства в предложении на базарах и ярмарках.

Так, в Петровске всего 16 лавок, в которых купцы имеют мануфактурных товаров „суммою до 15000 р.". На одну из его ярмарок—23-го июня (под Ивана Купалу) даже приезда иногородних торговцев „не бывает". Другая 8-го июля (Казанская) привлекала до 300 человек

[1]) „Описание бумаг, извлеч. из архива Вольск. градск. полиции" свящ. В. Еланского в „Трудах Сарат. Арх. К.", т. III, вып. 2.

[2]) Напомню еще раз, что в копии „Описания" Сарат. губ. изображение Вольского уезда не имеет конца.

с разными товарами: в большом количестве привозились шерсть, сало, мед, деготь, телеги, колеса, лыки, мочала и крестьянская посуда. Базары по понедельникам и пятницам были только с'ездами крестьян с хлебом и др. продуктами и то „в малом количестве".

Впрочем торговая сеть очень слаба и в уезде. Один базар—в селе Ионатине (Никольском) по субботам—отмечен продажей и мануфактуры на ряду с обычными сельскими товарами и скупкой главным образом ржи, а на единственной в уезде недельной ярмарке (в „девятую пятницу") в с. Пятницком бывали купцы из Москвы и др. городов с серебряной, медной и оловянной посудой, фруктами и неизбежной мануфактурой; в местном предложении кроме хлеба, масла и деревянных изделий фигурируют рогатый скот и лошади.

Оба эти села лежат в сев.-вост. углу уезда на 50 и более верст от Петровска. Юг уезда, очевидно, обслуживают базары и ярмарки города; восточная полоса, видимо, связана с Базарным Карабулаком Сарат. уезда, северо-западный угол, вероятно, тяготел к торговым пунктам Кузнецкого и Сердобского уездов, последние обеспечивали и западную полосу.

Действительно, Сердобский уезд, в противоположность Петровскому, очень богат базарами—в 6 селениях—и ярмарками—в 5. „Описание" губернии не дает их перечня, но „Экономич. примечания", правда уже 1810-х годов, указывают по близости к Петровскому уезду базар в Архангельском—Сущевке, ярмарки в Юматовке и Пятницком; вероятно, в число торговых пунктов входили в этом же районе расположенные Трескино и Бакур. На востоке знаем определенно только Беково, но его торговое значение было очень велико по тогдашним масштабам. Здесь 10 лавок, приносящих помещику в год до 600 р. дохода; еженедельный по воскресеньям базар и „лучшая из окружающих" недельная ярмарка, на которую с'езжается так много народу, что все 200 дворов не могут вместить приезжих и часть их располагается прямо в телегах, а дворяне в палатках. Купцы на нее собираются из разных мест: кроме местных торговцев сюда приезжают купцы из Пензы и Кирсанова с „красным товаром" (мануфактурой) и фруктами, из Тамбова и Воронежа—с серебряными вещами и донскими винами; привозились также железн. и чугунные изделия, чай, сахар и пр.; из Пензен. губ. и Кузнецк. у. поступал щепной товар, из ближайшего района—скот, птица, шерсть, овчины, холст, крестьянское сукно. Ни один из уездных городов не имел ярмарки с таким широким радиусом наезда купцов и с таким разнообразным ассортиментом товаров, предназначенных не только для крестьян, но и для дворян. Сердобск с 8 лавками, из которых только в двух торговали постоянно с оборотом „сот на семь рублей", с пятничным базаром, на котором фигурировали только „крестьянские товары", с Казанской ярмаркой, собиравшей всего человек 20 торговцев из Пензы и поверенных московских купцов,—Сердобск далеко уступал Бекову в области торговли.

В Балашове всего 1 постоянно действующая лавка и 12, занимаемых продавцами мануфактуры—всего на 1000 руб.—в базарные дни, по понедельникам; оффициальной ярмарки нет, а бывает еще неоформленный в ярмарку двухдневный с'езд на Троицу из ближних городов и селений с обычными товарами стоимостью тысяч на 50. Балашовские же „капиталисты" главным образом были заняты торговлей скотом, которого они закупали у калмыков до 10 гуртов и продавали приезжим из разных городов торговцам, а частью резали для продажи в городе; торговлей хлебом с отправками партий в Моршанск и Саратов, скупкой и продажей по базарам и ярмаркам мерлушек и кож. В уезде базары в Турках, Макарове, Сестренках, Трех Островах и Романовке; ярмарки в тех же

Турках 29 июня (Петров день), в Макарове—две: 8 июля и 22 октября (обе Казанские) и в Трех Островах 9 мая (Николин день), но все незначительные: купцов из дальних мест не бывает „и важных торговлей не происходит, кроме как только нужные товары для поселян".

Аналогичная картина и в соседнем Аткарском уезде. В самом Аткарске 10 лавок „весьма плохих, из заборнику"; базар по воскресеньям с привозом главным образом сельских продуктов, особенно мяса, и „крестьянских товаров", но хлеба даже „в большой с'езд" бывает до 20 возов; приезжие торговцы—„лукопечники" [1]) привозят „мелочной товар и весьма в малом количестве". Такого же характера и четырехдневная ярмарка, связанная с Иваном Постным (29 августа), на которой отмечен еще пригон лошадей и рогатого скота. В уезде ни одной ярмарки; базары в пяти селениях: Баланде—в субботу, Елани—в воскресенье, Лысых Горах—в понедельник, Матышеве—во вторник и Карамыше—в четверг, но с продажей „в небольшом количестве только овса, с'естной провизии и мелочного для поселян товару", да с большим предложением скота, (до 10000 овец и до 3000 рогатого скота), прогоняемого камышинскими купцами на ярмарки в Баланде и Трех Островах.

В отличие от других уездных городов Камышин имел ежедневный торг „в гостином дворе щепетильных и других товаров 19 купцами". Была в городе с 1787 г. и ярмарка, продолжавшаяся 14 дней, в октябре до Дмитриева дня—26 октября [2]), „но с'езду на оную совсем почти не бывает", замечает „Описание" Сарат. губ. И местное купечество промышляло хлебной торговлей, отправляя местный хлеб в ниже лежащие поволжские города и в Гурьев и продавая его на месте „посторонним людям", и еще больше торговлей скотом, размеры которой мы уже видели. В уезде только 2 торговых пункта с ярмарками и базарами—с. Золотое и слоб. Рудня, удовлетворявшие потребности сельского населения.

Торговое значение Саратова совершенно несоизмеримо с ролью в этом отношении уездных городов. В Саратове двухэтажный каменный гостиный двор с 46 лавками и в пристроенном деревянном ряду 30; по городу разбросаны в домах обывателей 137 лавочных помещений, кроме того специально мясных 46, торгующих фруктами и другими с'естными припасами 54, калачных полок 43 и т. д. Общий итог всех торговых и складочных помещений с казенными соляными магазейнами достигает почти 775. Кроме того 3 торговых площади, на которых ежедневно шел торг. Из 3 ярмарок Саратова особенное значение имела Введенская, продолжавшаяся целый месяц с 22 окт. по 21 ноября и отличавшаяся „большим с'ездом из Москвы и разных городов купцов с разными товарами". Весенняя—Никольская ярмарка с 1 по 21 мая—связывалась с приходом верховых торговых судов, с которых и производилась тут продажа разных товаров, прежде всего городскому населению. Наоборот, летняя ярмарка Казанская, в июле, обслуживала главным образом сельское население большого района.

Мы уже знакомы с большою ролью Саратова в торговле рыбой. Крупные обороты совершались местным купечеством и с хлебом, которого только в Астрахань водою сплавлялось до 50000 четвертей. Саратов был центром значительных операций соляной и винной. Наконец, в этом городе получала значение и торговля такими товарами, как мануфактура, галантерея, железно-скобяные и др. Получая большие партии их по воде и гужом на свои ярмарки, особенно весеннюю и осеннюю, Саратов становился и крупным пунктом распределения их. Все это создавало круп-

[1]) В копии „Описания" ошибочно „лукашинники".

[2]) Камышин до создания Сарат. губ. назывался Дмитриевском на Камышинке.

ное торговое движение и по Волге и по основным трактам, сходившимся в Саратове. Наш основной источник определяет, что зимою в день приезжает в город одна, две тысячи подвод, а общее количество в год составляет до 110000 подвод и людей. Поддерживая эту суммарную характеристику, другой, независимый от первого, документ сообщает, что по случаю чумы в 1807 г. в городе оказались запертыми весною, в марте—апреле, т. е. в период мало благоприятный для гужевого движения, 1438 чел. извозчиков с 4470 подводами [1]).

Естественно, что этот большой и в общегосударственном масштабе торговый город и вместе губернский административный центр значительно сильнее, чем уездные города, концентрировал торговый оборот района, с более широкой территории стягивал к себе продавцов и покупателей своего уезда. Этим и об'ясняется, что в Сарат. уезде только одно торговое село Базарный Карабулак, обслуживавшее наиболее удаленный от города северный угол уезда Сарат. и, как выше было высказано предположение, смежные части Петров. у., вероятно и Вольского. От того по воскресеньям в Карабулаке и бывал „с'езд крестьяне не малый".

Такова сеть торговых пунктов в самой населенной части Нижнего Поволжья. Если присмотреться к расположению этих пунктов на карте, то можно заметить известную, жизнью выработанную, систему. Базары и ярмарки более или менее равномерно распределены по территории каждого из характеризуемых здесь девяти уездов. В отношении к площади один торговый пункт приходился в среднем на 1470 кв. верст. Сарат. и Камыш. уезды далеко отошли от этой средней, имея на пункт свыше 3500 кв. верст. Мы уже знаем, что в первом это результат исключительного действия Саратова. Второй являет собою переход к другому району. В остальных 7 уездах средняя площадь, обеспечиваемая одним торговым пунктом, спустится до 1200 кв. верст, т. е., если представить ее в виде круга, средний радиус тяготения к базарному центру будет несколько менее 20 верст. И в действительности мы видим, что расположение торговых пунктов определяет для каждого из них радиус от 10 до 30 приблизительно верст. Наибольшей густоты торговая сеть достигает в наиболее заселенном Кузнецком у. и в остальных более или менее правильно по мере снижения плотности населения растут клетки этой сети. И Петровский уезд с одним торговым и одним ярмарочным селами не противоречит этому правилу, так как экономическое, в частности торговое тяготение, естественно, не совпадало с административными границами. В Камышинском у. 3 торговых пункта, которые удачно разместились в разных углах его территории, средний радиус их действия равнялся примерно 35 верстам. Район, обслуживавшийся Саратовом, простирался в разных направлениях верст на 50—60.

Другой характерной чертой торговой сети взятого района является то, что внутренний оборот обеспечен здесь правильными еженедельными базарами. Ярмарки, почти всюду в базарных же селах, служат дополнением, а не основанием этой сети. Кроме того, на примерах Кузнецкого, Вольского, Аткарского уездов можно видеть, что базары в разных селениях прикреплены к разным дням в неделе, заполняя ее целиком или частично. Этим создавалась возможность небольшим еще группам торговцев, обслуживавшим сельские торговые пункты, передвигаться из одного села в другое.

Все три отмеченные черты—равномерное географическое размеще-

[1]) Леопольдов, „Историч. очерк Саратова и Пугачевщины", изд. 2-ое, 1874 г. Показание должно отличаться точностью, так как органы власти оказывали пособие этим попавшим в карантин возчикам.

ние торговых пунктов, хронологическое распределение базаров с созданием недельных замкнутых групп и основание сети на базарах, а не ярмарках, т. е. недельная, а не годичная периодичность, и придают этой сети взятого здесь района характер системы, системы такого же рода, как в более старых районах центральных частей государства.

Остается еще подчеркнуть, что внутренний торговый оборот обслуживался, можно сказать, полностью местными силами. Иногуберинские купцы появлялись только на ярмарках и то далеко не на всех. А в связи с этим и движение ряда товаров, в том числе и промышленных изделий Кузнецкого уезда, шло в направлении удовлетворения спроса прежде всего этого же района.

Мы видели на цифрах, относящихся к уездным городам, что „купцы"—активные участники внутренней торговли в районе в большинстве своем только средней, а то и мелкой руки торговцы. Относительно выступавших на сельских торжках два термина, употребленные в „Описании" Сарат. губ. в применении к ним, „лукошечники" и „разносчики" достаточно определенно говорят за то, что их нужно представлять в виде некрасовских „коробейников" и „дяди Якова", офеней и „шабольников", которые расхаживали и раз'езжали по деревням Сарат. губ. еще и в XX веке.

Переходя к двум другим районам Нижнего Поволжья, мы встречаемся с другой картиной. Здесь очень редкая торговая сеть, преобладание ярмарочного типа над базарным, большая роль, по крайней мере в некоторых местах, раз'езжих торговцев и для значительной доли территории господство на рынке не местных, а сторонних купцов.

Если Камыш. у. в нагорной половине представлял своею сравнительно редкою торговою сетью переход к другому району, то Царицынский уезд уже прямо знакомит с этим последним. На всей территории, в нагорной и луговой частях вместе на 45 населенных пунктов всего 3 торговых, расположившихся на правом берегу Волги на протяжении около 80 верст. Это Царицын в средине, Дубовка к северу от него и Сарепта на юге.

В Царицыне 28 каменных лавок, из которых в 5 торгуют шелковыми и бумажными материями, в остальных железом, деревянными изделиями, холстом; общая ценность товара около 50000 руб. Другими привозными товарами городское население запасается с проходящих после Макарьевской ярмарки судов. Собственной ярмарки еще не было в эту пору; не указан и базарный день. Главные операции купечества состояли в торговле с калмыками.

В Дубовке 14 лавок в каменном гостином дворе и 29 пристроенных деревянных. По воскресеньям базар, на который с'ежаются из многих селений уезда жители с хлебом, другими припасами и изделиями. А в период навигации при большой перегрузке товаров с Волги на Дон, можно сказать, длительная фактическая ярмарка. „Для продажи, покупки и отправления на Дон товаров бывает в Дубовке иногородних купцов и жителей в год от 100 до 200 человек".

В Сарепту из соседних деревень ежедневно привозят сено, птиц, дичину, капусту, арбузы, молоко, яйца и проч. Ярмарка и здесь заменена торговлей с проходящих и перегружающихся судов.

В заволжской части, даже в средоточии сел на Ахтубе, нет торгового пункта. И вне Цариц. у. заволжские селения частью,—более близкие к Волге, очевидно, удовлетворялись базарами правобережных пунктов, не имея собственных торжков; частью на севере—тянули немецкие колонии к крупному торговому центру Екатериништадту, а русские села и деревни к югу от них к Покровской сл., а выше Б. Иргиза, видимо.

к Балакову, кажется и тогда уже игравшему роль в торговом обороте района, но о характере торга в этих пунктах мы не знаем. Селения, отодвинувшиеся далеко в степь, очевидно, обслуживались только заезжими торговцами и скупщиками, так как о базарах здесь, на Узенях или в верхнем течении Б. Иргиза, молчит „Описание" Сарат. губ.

Не упоминают совсем наши источники и о базарах в донских станицах, но отмечают несколько ярмарок. На юге, у самой границы области в наших рамках, в ст. Цымлянской Воздвиженская ярмарка, продолжавшаяся неделю, известна торговлей скотом. В северной части в ст. Филоновской на Бузулуке была на Троицкой неделе „изрядная ярмарка", на которую привозили из других мест холст, шелковые материи, сукна, железо, смолу, деготь и где совершалась продажа шерсти в большом количестве. Видимо, что-то в роде ярмарок или во всяком случае с'езды скупщиков, по тогдашнему обыкновению привозивших с собой товары для продажи, надо подразумевать под заметками, что такая-то станица,— Дурновская, Яменская на Бузулуке, Букановская на Хопре—производит весною торг или даже „немалый торг" шерстью или скотом (Усть-Медведицкая на Дону). Но самым крупным торжищем в Донской земле была Покровская ярмарка в ст. Урюпинской на Хопре с 15 сентября по 10 октября. Она принадлежала к числу крупнейших ярмарок в государстве и являлась местом встреч российских купцов с восточными. Турки, татары, калмыки, армяне и представители других национальностей Востока являлись сюда с турецкими, персидскими, индийскими, бухарскими и иными азиатскими товарами и меняли их на русские изделья и продукты. Из разных мест России привозились сукна, шелк. материи, крепкие напитки, железо, смола, деготь, посуда. Но „особливо важным" почитался торг лошадьми и скотом, „пригоняемыми из окрестных стран" [1]).

Активной силой торгового оборота в трех северных округах Донской земли сплошь был пришлый капитал. Торговцы ближайших губерний, в том числе и Саратовской, привозили потребные казакам товары и скупали их скот, шерсть и др. продукты. Только—только роль торговых посредников начинали играть и сами казаки. Атаман Платов, желавший всячески поддержать этих нужных людей, в докладе 1802 г. указал, что всех их „наберется менее 300 человек" и это главным образом „жительствующие" в Черкасске и 4 станицах ниже его, а „в других станицах таковых торгующих на знатную сумму не имеется" [2]). Таким образом и эти торговцы—казаки, если они производили операции в нас интересующем районе, были здесь тоже не местными людьми.

Аналогичная обстановка торговли и на другом краю области и уже в другом районе ее—в земле Уральского войска. Здесь тоже не указываются базары. Также почти отсутствуют местные торговые силы. Перепись 1803 г. [3]) на 30000 населения зарегистрировала в Уральской земле иногородних, т. е. приехавших на Урал и оставшихся здесь на постоянное жительство, купцов и ремесленников вместе в городках Уральском и Сакмарском всего с детьми 146 чел. (83 м. и 63 ж. пола). Сколько было из них купцов, к сожалению, сказать нельзя. Но во всяком случае элемент этот очень слаб. В Уральск в месяцы главного лова рыбы, особенно в январе, с'езжалось много скупщиков, захватывавших с собой для продажи казакам разные товары. Этим занимались не только настоящие купцы. Вспомним евлашевских ведерников, которые с своими изделиями направлялись и в Уральск, где закупали рыбу и шерсть. На крайнем юге Гурьев обслуживался астраханскими купцами, которые зи-

[1]) Кроме Зябловского, ч. 6 и 3, еще „Словарь" Щекатова.
[2]) „Памятн. книжка области войска Донск. на 1900 г.", отд. 4, стр. 254—55.
[3]) Ден, цитир. труд, т. 2, стр. 263.

мою и весною наезжали туда, „хотя в малом количестве с самыми мелочными товарами и вещами", снабжали им, конечно, местное население и даже „делали выгодную мену" с киргизами [1]). Другой способ получения товаров в уральские городки связан с поездками самих уральцев на Волгу, на севере в Вольск, Саратов, Сызрань и Самару, на юге в Астрахань, кроме того частью в Оренбург и даже в центр с своими рыбою и икрой, скотом, кожами и шерстью.

Калмыцкие улусы знали приезжих торговцев, главным образом из Саратовской и Астраханской губ.; они привозили сюда потребные для калмыков товары вплоть до скамеек и даже готовых дверей, сделанных так, что их можно приспособить к кибиткам, [2]) и закупали у калмыков скот, шерсть и кожи.

Уездные города Астраханской губ. были совсем слабыми в торговом отношении, (но надо оговориться, что данные о них Равинского в тексте и таблице не согласованы между собою). В Черном Яре 11 каменных и 16 дерев. лавок (по таблице), но торговля, видимо, только в 20 и только „мелким товаром". В 16 (или 10) лавках Енотаевска торгуют астраханские татары, имевшие мануфактуру, железные и стальные изделья в роде ножей, ножниц, игл, чай „калмыцкий" (кирпичный) и проч. В Красном Яре лавок совсем не показано. Не знаем и о базарах или ярмарках в этих пунктах; отмечаются только торговые операции черноярских и енотаевских купцов с калмыками.

Из сельских поселений губернии торговое значение имела, видимо только Черная Гряда, Енотаевского уезда, в которой было 6 лавок астрах. татар и 8 дворов купецких на 67 дворов рыбачьих и казачьих.

Сама Астрахань еще с XVI века была одним из крупнейших торговых городов государства. В этой группе она оставалась и в начале XIX века. Но если раньше такое положение Астрахани определялось экспортно-импортными операциями, в начале XIX века преобладающее место занимал уже внутригосударственный оборот ее.

Астрахань была крупнейшим потребляющим пунктом Нижнего Поволжья в отношении ряда продуктов и товаров, доставлявшихся из пределов области же или даже из более далеких мест государства. Очень многое из того, что города в других местах получали из ближайших окружающих их селений непосредственно от производителя, Астрахань, стоявшая в районе неземледельческом, лишенном леса, с малочисленным сельским населением и почти полным отсутствием кустарных промыслов, могла получать только при посредстве купца и издалека. Только муки и круп для города с населением около 28.500 душ, с 9—10 тысячами временных грузчиков, извозчиков, разносчиков, с 10—11 тысячами рабочих рыбной ловли, запасавшихся продовольствием в городе, нужно было около 100.000 четвертей, по средним астрах. ценам на сумму свыше 300.000 руб. Но Астрахань же в значительной доле снабжала мукою и калмыцкое население. Отметим далее крупные партии лесных строительных материалов и дров: только последних поставлялось, с Ветлуги главным образом, для надобностей города около 20.000 сажен ценою на 70.000 руб. Деревянная и глиняная посуда, телеги и все их части, сбруя, холст, рукавицы и под.—все это попадало в Астрахань на купеческих судах из вышележащих по Волге губерний. А далее идут уже бывшие всюду купеческими товары—колониальные, мануфактурные, более дорогая—фаянсовая, фарфоровая, стеклянная—посуда, стальные, железные и медные изделья, и т. д. Учесть потребность в них

[1]) Равинский, стр 387.

[2]) Караван таких торговцев встретил в 1797 г. Потоцкий в Астрах. губ.—„Астрах. Сборник", вып. I, 1896 г, стр. 309.

и размеры поставок их для занимающего нас времени невозможно, но роль этих товаров в торговом обороте Астрахани немаловажна: именно в Астрахань со всеми такими товарами шли с верху особенно „от Макарья", т. е. с Макарьевской ярмарки, суда, которые по пути снабжали этими товарами Хвалынск, Царицын и, очевидно, другие города.

Еще более значительны отправки Астрахани. Мы уже видели, что только основные товары ее -рыба, икра, тюлений жир, виноград, шелковые и бумажные изделья расценивались приблизительно в 5 миллионов рублей.

При этих многомиллионных оборотах внутригосударственного обмена Астрахани более скромное место нужно отвести внешнеторговым операциям ее порта. Средний годовой оборот его в 1802—04 годах равнялся, правда, по таможенной расценке, всего 780.000 руб., при колебаниях от 630 до 950 тыс. Указания Равинского позволяют оценивать этот оборот миллиона в два руб. Этот обмен с Востоком характеризовался в изучаемое время резко выраженною пассивностью баланса для России. Отпуск определялся суммою всего 86.000 руб. с преобладанием в нем железа—на 53.000 руб.—и готовых изделий—на 23.000 руб., главным образом мануфактурных и металлических. Привоз достигал по стоимости 691.000 руб., причем первое место в нем занимал шелк, составлявший почти ровно 50% всего импорта (его цена 337.000 руб.), далее следовали ткани, особенно бумажные, общей суммой на 140.000 руб., и хлопок—на 100.000 руб. [1]).

Сравнительно малую роль внешней торговли в Астрахани надобно подчеркнуть еще в том отношении, что Астрахань являлась здесь в значительной степени только транзитно-перевалочным пунктом. Партии экспортных грузов собирались вне пределов Астраханской губ. и, можно сказать, вне пределов Нижнего Поволжья в целом, и в Астрахани только перегружались на морские суда. Точно также из импорта лишь малая доля товаров попадала на астрах. рынок; главная же масса следовала, уже в волжских судах, в Нижний и далее в Москву и др. места. При этом весь почти целиком этот внешний оборот проводился частью торговыми фирмами русского центра, частью восточными купцами, приезжавшими на время в Астрахань, Нижний, Москву. Участие астраханского, особенно русского, купечества было в этих операциях сравнительно невелико.

Вся совокупность торговых и транспортных операций превращала период навигации в Астрахани в сплошную ярмарку с большими, преимущественно оптовыми, сделками. Кроме постоянного астраханского купечества в этих операциях принимали участие приезжавшие с товарами или за товарами представители многих городов, главным образом русского центра, также восточные купцы—персидские, хивинские, бухарские, турецкие и др., приезжавшие Каспием, таганрогские греки, торговавшие на Черном море и др. И Астрахань была достаточно подготовлена, чтобы принять и обеспечить массу приезжих коммерсантов.

В этом, исстари интернациональном, городе у важнейших торговых наций были свои гостинные дворы: русский, армянский, татарский („агрыжанский"), персидский и индейский с большим количеством складочных и торговых помещений. Особо построенных лавок числилось 779 каменных и 1467 деревянных.

Все приведенные данные, думается, достаточно характеризуют

[1]) Средние данные в III томе работы А. Семенова „Изучение историч. сведений о росс. внешней торговле и промышл.", табл. в прилож. № 3; сведения о 1802 и 1803 г.г. в цит. книге Голицына, табл. VII—XI.

Астрахань, как крупнейший торговый город области и вместе как город с торговыми операциями общегосударственного значения.

Астрахань—последний пункт в нашем обзоре торговой сети Нижнего Поволжья в начале XIX века. Мы исчерпали показания наших источников в этом отношении. Но выявившееся при этом большое, хотя и не поддающееся точному цифровому определению, грузовое движение в пределах области обеспечивалось, конечно, не только вложением капиталов в торговый оборот, но и необходимым участием рабочей силы. И ее мы лишены возможности учесть математически, но отдельные данные для характеристики положения все же привести можно.

Многочисленный волжский флот, суда на Дону, Суре, Иргизе требовали довольно большого количества рабочих. Правда, сплавлявшиеся сверху беляны и плоты, коломенки и других названий барки и лодки обеспечивались судовыми командами в местах их отправок. Но грузившиеся в пределах Нижнего Поволжья, особенно зимовавшие в здешних затонах или строившиеся здесь (на Суре) суда набирали бурлаков по месту погрузки и выхода в плавание. Мы уже видели, какие массы грузов следовали из Нижнего Поволжья. А при ходе против воды по тогдашним расчетам требовалось трое рабочих на 1000 пудов груза [1]). Таким образом для вывоза вверх миллионов 10 пудов соли, рыбы, хлеба, вина и некоторых других товаров нужно было не менее 30000 судовых рабочих. Правда, некоторая часть грузов перевозилась на сравнительно короткие расстояния—Астрахань—Саратов для части рыбных продуктов, Саратов—Симбирск для части соли, и, следовательно, отдельные суда могли совершить в навигацию два—три рейса, но с другой стороны была еще не малая отправка грузов, например, хлебных продуктов из Саратовской губ. в Астрахань, имелись хотя-бы весенние перевозки на Суре и Иргизе, происходили пополнения команд и для верховых судов, т. е. цифра в 30 примерно тысяч человек, считая для округления с командным составом, будет выражать приблизительные требования речного транспорта Нижнего Поволжья. Постоянные команды 68 морских торговых судов едва-ли превышали 1½—2 тысячи человек.

Такие требования со стороны судового транспорта на рабочие руки не могли быть удовлетворены силами одного Нижнего Поволжья. Считая оседлое население области за исключением Уральской и Донской земель, почти не прикосновенных к торговле и водной перевозке грузов, в 900000 человек в круглых цифрах, мы увидим, что обслуживание речных и морских торгово-грузовых судов требовало около 7% всего мужского населения, включая детей и стариков. Оторвать такую массу рабочей силы полностью на весь сезон сельско-хозяйственных работ крестьянство Саратовской и Астраханской губ., конечно, не могло, тем более, что, как увидим ниже, тот же сезон предлагал и иного рода заработки вне пределов своего хозяйства.

Бурлачество на Волге и частью на Суре было одним из постоянных видов промыслового отхода, по крайней мере, для населения Саратовской губ. Это отмечается не только для приволжских уездов, но и для таких, так Кузнецкий (на Волгу и Суру), Сердобский и Петровский (на Волгу), т. е. было повсеместным явлением. Но должных размеров не достигало. Так, в Хвалынском уезде, одном из наиболее заселенных в губернии, уход на суда определен в „Описании“ губ. цифрой в 700 человек, т. е. приблизительно в 2% мужской половины населения. Едва-ли больший процент можно полагать и для других, даже приволжских уездов.

[1]) См общие интересные данные о волжском судоходстве в работе 1811 года „Описание города Рыбинска“, 1910, стр. 29—34, у Равинского стр. 25—28.

Следовательно, обеспечение водного транспорта рабочей силой проводилось в Нижнем Поволжье притоком не только и, вероятно, не столько из пределов области, сколько из районов внеобластных.

Надобно думать, что бо́льшую роль местное население играло в обеспечении гужевых перевозок.

В то время единственными средствами передвижки груза гужом были телега и особенно сани, так-как главная масса сухопутных перевозок падала именно на зимнее время с более удобным и более дешевым транспортом. Учесть потребность в возчиках невозможно даже с таким приближением, как для водного грузооборота. Но приведенные выше цифровые показания для двух крупных пунктов—Саратова и Дубовки могут дать представление, что и здесь речь идет о многих десятках тысяч подвод для области в целом.

Извозный промысел был еще более распространенным явлением, чем уход в бурлаки. И поскольку он не мешал земледельческим занятиям, в него вовлеклись большие массы участников. Так, по Сердобскому уезду, далекому от крупных торговых центров и не прорезанному ни одним из главных трактов, мы имеем показательные и, думается, типические цифры: летом в бурлаки и на косьбу сена уходило до 1286 чел., а зимою возкой соли и хлеба занято 5690 человек. Правда, из числа последних 3565 чел. указаны занятыми „в возке собственного хлеба в город Моршу (Моршанск) для продажи", но и одна цифра нанимавшихся для перевозки соли—2125 чел. значительно превосходит цифру летних отходчиков. В отношении к населению группа наемных извозчиков составляла около 5% всей мужской половины его.

Так можно иллюстрировать обеспечение торгового оборота рабочей силой и степень участия в нем местного населения.

Излагая материал на эту тему, мы естественно вошли в область отхожих промыслов. Бурлачество и извозничество были главной группой в них, но не исчерпывали их.

Кроме „транспортного", как можно было-бы назвать эту группу, отхода мы уже видели выше сельскохозяйственный: до 500 крестьян из Балашовского и не менее того из Сердобского (вместе с бурлаками 1286 чел.) уходили по летам на косьбу сена к донским казакам. Знаем мы отход промысловый—из Кузнецкого уезда на Эльтон приходили ломщики соли; из разных, очевидно уездов собирались рыбные ловцы в Цариц. уезд и особенно Астрахан. губ., которые не могли обеспечить собственными силами широко поставленных промыслов. Нужно даже думать, что не одно только население Нижнего Поволжья снабжало рабочей силой Астраханское рыболовство (до 10—11 тыс. человек рабочих в год, как мы помним), как и на Эльтоне работали пришлецы и из Пензенской губернии. Наконец, вспомним шерстобитов, расходившихся из Кузнецкого уезда, характеризующих группу промышленного отхода, другие категории которого не отмечены в наших материалах для начала XIX века.

О том, какую роль играли отхожие промыслы в хозяйстве области, даже о том, какую долю населения захватывали они, мы не можем судить вследствие отсутствия данных по всем районам области, кроме немногих уездов Саратовской губ., да и эти последние не отличаются полнотою и однородностью и могут служить также лишь иллюстрацией. В Сердобском уезде, например, выходило летом, как мы видели, 1286 человек, зимою уезжали в извоз 2125 человек. Эти две группы вместе составляли около 8% всего мужского населения в уезде. В Хвалынском одни уходившие в бурлаки давали около 2% мужского населения. В Кузнецком учтена только группа бравших паспорта, т. е. отлучавшихся

надолго и далеко, в нее, конечно, не введены возившие наймом до ближайших городов партии разного сырья скупаемого в уезде скупщиками. И все же с паспортами уходило из уезда около 1100 человек в год, что составляло больше 2,5% всего мужского населения.

Для того, чтобы эти показания получили реальное и относительное значение, приведу для сравнения данные по одной из наиболее промышленных и с развитым отходом губерний—Московской: по средней за 5 лет с 1799 по 1803 г.г. количество паспортов, выбранных сельским населением, составляло почти 52500 в год. В отношении к мужскому населению сельских местностей на 1803 г.—434500 чел. это составит несколько более 12% [1]). Сарат. губ., как видим, очень отстает; но это ведь отставание от столичной и нечерноземной губ. По данным за тоже пятилетие 1799—1803 г.г. относительно Бирючского уезда Воронеж. губ. средняя годовая цифра паспортов составляет уже около 4% мужского населения уезда (с городом). [2]) При чем отход Бирючского уезда по преимуществу сельско-хозяйственного характера. На основании этих сопоставлений мы можем заключать, что отхожие промыслы были сравнительно не сильно развиты в Сарат. губ. в начале XIX века. Данных по Астрахан. губ. нет, но едва-ли этот слабо заселенный район мог давать значительные группы отходчиков. Донские места, как мы видели, сами нуждались в притоке рабочей силы извне хотя-бы для небольшого периода сенокоса. В Уральском районе главные силы населения отвлекались на службу по охране границы, а затем были заняты местным хозяйством.

---

[1]) „Описание Моск. губ. 1803 г."—рукопись в библиотеке бывш. Вольн. Экон. об-ва (ныне 2-е отделение Публ. Библиотеки в Ленинграде) шифр 42[10]/[2] и в сборнике той же библ. под шифром 42[10]/[35]—общие таблицы по Моск. губ.

[2]) „Описание г. Бирюча и его уезда" с данными по 1808 год включительно —в той же библ. рукопись в сборнике 42[10]/[35].

VIII. Заключение.

Общий обзор хозяйства Нижнего Поволжья устанавливает, что эта область в начале XIX века характеризуется господством добывающей промышленности. На рынки государства наш край поставлял почти исключительно хлеб и некоторые другие продукты земледелия, скот и продукты животноводства, соль, рыбу и икру, виноград и кое-какие второстепенные товары. Поэтому естественно производить районирование области именно по данным о добывающей промышленности. Однако мы видели, что с распределением районов по этому признаку совпало и размещение населения в соответственных частях территории. С другой стороны, первый район—девять уездов нагорной части Саратовской губ.—отличался от остальных двух и в отношении промышленности обрабатывающей количеством промышленных заведений и особенно разнообразием отраслей промышленности, и в отношении торговли сетью торговых пунктов и системой их, и в отношении путей сообщения наибольшим количеством и густотой главных торговых гужевых дорог, и, наконец, большим развитием отхожих промыслов. Таким образом разделение всей области на три района оправдывается в применении ко всем основным экономическим признакам.

Однако эти отличавшиеся друг от друга районы совсем не были изолированными и замкнутыми в себе хозяйственными территориями. Наоборот, мы встретили многоразличные связи их между собою и в области использования труда, и в среде торгового обмена, и в отношении организующих действий капитала. Соберем здесь эти черты.

Хлопчато-бумажное производство Саренты втягивало в обработку хлопка немецких колонистов Камышинского уезда (как и Заволжья). Ломка соли на Эльтоне полностью и вывозка ее частично выполнялись пришлыми рабочими, в числе которых были и из Кузнецкого уезда (ломщики) и Балашов. и нагорной части Камышин. у. (возчики). Рыбные промыслы Цариц. у. и еще более Астрах. губ. обеспечивались в значительной мере рабочей силой из разных мест области (и даже внеобластных). В бурлаки на Волгу, обслуживая потребности области в целом, приходили крестьяне не только поволжских уездов, но и Кузнецкого, Петровского, Сердобского. На сенокос в донские станицы уходили крестьяне Балаш. и того же Сердоб. уездов. Вот основные факты первой группы живых связей. Как видим, район, откуда идет эта рабочая сила, наиболее населенная часть области—девять уездов нагорной стороны Саратов. губ. Места направления отхода лежат во втором и третьем районах по нашему делению.

Первый район обеспечивал третий в значительной мере хлебом. Внутрь области, с захватом и Екатеринштадта и Уральска по нашим очень отрывочным в этом отношении данным, направлялись разнообразные кустарные изделия Кузнецкого уезда. Обратно из второго и третьего районов первый получал соль, рыбные товары, скот и продукты животноводства, частью шелковые и бумажные ткани, виноград. Из второго района в первый и третий направлялся табак.

Наконец, мы видели активную роль крупных и мелких торговцев приволжских городов и в донских станицах, и в Уральской земле, и в калмыцких улусах.

Если к этому прибавить сеть речных и грунтовых путей с тесной

связью через Дубовку, а частью и Царицын и Сарепту, Волги и Дона. мы увидим, как много действенных нитей связывало пограничную юго-восточную область России того времени в единое хозяйственное целое.

Неоднократно приходилось указывать и сравнительную молодость края. Только с 1760-х годов идет энергичная колонизация различных частей Нижнего Поволжья, и в начале XIX века далеко еще не закончены процессы заселения многих районов края. Еще моложе промышленность обрабатывающая. Кроме Астрахани она, можно сказать, всюду создавалась в последние 25 лет, многие предприятия возникли совсем недавно. В период незакончившегося сложения застигаем мы и сеть дорог в Нижнем Поволжье. В последние 20—25 лет выростала далеко не законченная строением торговая сеть края. Молод и не очень велик был и местный капитал.

Таким образом в начале XIX века мы подводим итоги сравнительно очень короткому периоду энергичного в разных областях хозяйственной жизни роста и строительства. И вот для этой молодости района наладившиеся уже разнообразные и достаточно прочные связи должны быть признаны явлением значительным. Их упрочение и расширение будет делом последующей жизни хозяйственного организма области.

Проф. *П. Любомиров.*

Май—октябрь 1927.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Страницы.
I. Территория и население	3— 9.
II. Борьба за землю	10—13.
III. Добывающая промышленность первого района . . .	14—29.
IV. Добывающая промышленность второго района . . .	30—36.
V. Добывающая промышленность третьего района . . .	37—41.
VI. Обрабатывающая промышленность в Нижнем Поволжье.	42—56.
VII. Пути сообщения, торговля и отхожие промыслы . .	57—76.
VIII. Заключение	77—78.

Схематическая карта Нижнего Поволжья в начале XIX века с разделением на экономические районы.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA CHAPEL HILL
00002557496